

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 7. Филология

Санкт-Петербург
2011

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1 (Том 7)´ 2011
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени
А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

С. И. Алаторцева, доктор филологических наук, профессор;
Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент;
О. Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент;
Н. Л. Шадрин, доктор филологических наук, профессор

**Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10

тел. / факс: (812) 476-90-34

http: // www.lengu.ru

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2011

Содержание

ЛИНГВИСТИКА

<i>А.Е. Вельс</i> Строго понятийное значение лексемы «покой»	7
<i>Т.Г. Галушко</i> Некоторые лингвистические, культурологические и онтологические особенности семиозиса в диапазоне «сакральное – профаническое»	18
<i>Ю.В. Гилясов</i> Художественное время и пространство в паратекстуальных отношениях	28
<i>С.Г. Дюжакова</i> Обозначение эмоциональной привязанности в русском языке	38
<i>Е.Н. Заботина</i> Фреймовая интерпретация парадоксальных суперструктур	49
<i>Е.В. Котельникова</i> Когнитивная оценка оптимизации смешанного перевода	59
<i>Е.А. Нахимова</i> Критерии прецедентности имени собственного	73
<i>С.В. Полубоярин</i> Экспериментальная методика исследования значения имени собственного	84
<i>О.И. Просяникова</i> Семантические изменения в синкретических формах «существительное / глагол» в английском языке	94
<i>О.Н. Тарасенко</i> К семантическому представлению концепта <i>КРАСОТА</i> в лексической системе английского языка	105
<i>М.В. Шаманова</i> Психолингвистическое значение слова <i>общение</i> в русском языковом сознании	115

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА

<i>С.В. Иванова, О.Е. Артемова</i> Роль карнавализации в идентификации культурного кода (на материале современного американского медиадискурса)	125
<i>Е.В. Малышева</i> Контрапункт как прием организации текста антиутопии	137
<i>А.В. Медведева</i> Типология критического суждения в речевой коммуникации	145
<i>В.И. Тармаева</i> О свойствах когнитивной гармонии повествовательного дискурса	156

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Л.В. Величкова, Т.Ю. Шурупова</i> Анализ формальных признаков выражения сложных эмоций (сопоставительное исследование на материале русских и немецких звучащих текстов, маркированных эмоцией «дружелюбие»)	166
---	-----

<i>С.В. Иванова, З.З. Исхакова</i> Эмотивный дейксис как неконвенциональный тип дейксиса	174
<i>Ж.В. Петросян</i> К вопросу о классификации русско-английских адъективных лакун	187

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Н.В. Морженкова</i> Модернистская автобиография: жанровые трансформации	195
<i>О.Н. Морозова, О.А. Базылева</i> Определение понятия коммуникации в современной лингвистике	204
<i>Д.И. Петренко</i> Проблема переводов русскоязычных текстов за рубежом и зарубежных произведений в СССР в метапоэтике К.И. Чуковского	212
<i>Т.М. Шкапенко</i> К вопросу категоризации специфических коммуникативных единиц	222
Сведения об авторах	227

Contents

LINGUISTICS

<i>A. Ye. Vels</i> Strict Conceptual Meaning of the Lexeme «Stillness»	7
<i>T. G. Galushko</i> Some linguistic, culturological and ontological features of the semiosis in a range of «sacral – profane».....	18
<i>Y. V. Gilyasev</i> Categories of Fictional Time and Space in the Text Heading and Epigraph	28
<i>S. G. Dyuzhakova</i> Designation of Emotional Attachment in Russian Language.....	38
<i>E. N. Zabolina</i> Frame Interpretation of Paradoxical Superstructures	49
<i>E. V. Kotelnikova</i> Cognitive Evaluation in Optimization of the Machine-Aided Translation.....	59
<i>E. A. Nakhimova</i> Criteria of Precedence of a Proper Name	73
<i>S. V. Poluboyarin</i> Experimental Methods of the Study of Proper Names Meaning.....	84
<i>O. I. Prosyannikova</i> Semantic Changes in Syncretic Forms «noun / verb» in English	94
<i>O. N. Tarasenko</i> To the Semantic Review of the Concept <i>BEAUTY</i> in the English Lexical System	105
<i>M. V. Shamanova</i> Psycholinguistic meaning of the word communication in the Russian language consciousness	115

THE THEORY OF DISCOURSE

<i>S. V. Ivanova, O. E. Artemova</i> The Role of carnivalisation in the identification of the cultural code (based on the modern American media discourse).....	125
<i>E. V. Malysheva</i> Counterpoint as a method of anti-utopian text organization	137
<i>A. V. Medvedeva</i> The Typology of Critical Judgment in Communication	145
<i>V. I. Tarmaeva</i> About characteristics of Cognitive Harmony of Narrative Discourse	156

COMPARATIVE STUDIES

<i>L. V. Velickova, T. Yu. Schurupova</i> Analysis of formal attributes the expression of complex emotions (comparative study of Russian and German tonal text, marked by the Emotion of "friendliness").....	166
<i>S. V. Ivanova, Z. Z. Iskhakova</i> Emotive Deixis as an Unconventional Type of Deixis.....	174

J. V. Petrosian
To the Problem of Classification of the Russian-English
Attributive Lacunae..... 187

REVIEWS AND ESSAYS

N.V. Morzhenkova
Modernist Autobiography: Genre Transformations..... 195

O.N. Morozova, O.A. Bazileva
The Definition of the Concept of Communication in Modern Linguistics..... 204

D.I. Petrenko
The Problem of Translations of Russian Literary Texts Abroad and Foreign
Works of Literature in the USSR in K.I. Chukovsky's Metapoetics 212

T.M. Shkapenko
On the Question of Categorisation of Specific Communicative Items 222

ABOUT AUTHORS 227

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.111

А.Е. Вельс

Строго понятийное значение лексемы «покой»

Статья посвящена исследованию терминологического значения лексемы «покой». Автор статьи обращает внимание на то, что терминологическая лексема может быть многозначной, описывает способы возникновения полисемии лексемы «покой» и говорит о роли контекста при переводе терминологических лексикул.

The article deals with the terminological meaning of the lexeme «Stillness». The author of the article draws attention to the fact that terminological lexeme can be multivalued, describes the poly semantic feature of the lexeme 'stillness' and speaks about the role of the context in the translation of terminological lexemes.

Ключевые слова: понятие, строгое понятие, терминологическая лексика, номинация, полисемия, контекст, диктема, структура.

Key words: notion, strict notion, terminological lexeme, nomination, polysemy, context, dicteme, structure.

В лингвистических исследованиях середины XX века ставится вопрос о различии понятия и лексического значения слова. Мнения языковедов по этому вопросу расходятся.

Одни из учёных считают возможным отождествлять лексическое значение с понятием, единственное, что отличает понятие от значения, это присутствие в некоторых лексемах стилистических, эмоциональных и экспрессивных «оттенков». Другие лингвисты опровергают это положение и считают такое отождествление неправомерным.

Мы считаем возможным принять первую точку зрения на следующих основаниях. Лексическое значение слова – это его смысловое содержание. Лексическое значение слова соответственно лексико-семантическим вариантам распадается на значения-лексиколы (термин профессора М.Я. Блоха). Лексическое значение делится на ряд частных элементов. Рассмотрим эти элементы на основе работы М.Я. Блоха «Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка».

«Содержание разных типов семантики может быть представлено в виде трёхступенчатой иерархии, соответственно мере строгости раскрытия свойств означаемого – выделенного сознанием референта.

Первый тип – обычное значение, представленное в неспецифическом, обычном употреблении языка. Назовём такой тип семантики «коммонемой».

Второй тип – концептное значение, вычлененное в коллективном, культурнодетерминированном осмыслении референта-означаемого. Назовём такой тип семантики «аппроксимемой». В существующем когнитивном узусе он называется просто «концептом». В сущностном осмыслении этот тип семантики может быть охарактеризован как нестрогое понятие.

Третий тип – строго понятийное значение в рамках некоторой научной дисциплины. Назовём такой тип семантики «ригоремой». Слово – знаковый носитель ригоремы представляет собою термин» [2, с. 103].

Значение представлено в разных лексикалах, а именно: общее значение – концептное значение – ригоремное значение. Например, лексема 'bread' – «хлеб» в общем употреблении известна всем носителям данного языка, в концептном употреблении данная лексема может быть представлена как 'daily bread' – «хлеб насущный». Одним из примеров ригоремного употребления (терминологического) может являться словосочетание 'grain bread' – «зерновой хлеб».

Таким образом, мы полагаем, что лексическое значение – это совокупность разных значений, в том числе и значений понятийных. Чем употребительнее слово, тем чаще у него встречаются все три типа значений.

Мы ни в коем случае не отождествляем понятие «лексическое значение слова» и понятие «понятия». Понятие – это раскрытие некоторого явления или факта средствами языка. Понятие представляет собой цепь суждений.

Н.Д. Кацнельсон выделяет понятия формальные и содержательные. В формальном понятии содержится минимум того, что мы знаем о предмете. Всё новое в познании предмета выводит за

рамки формального понятия и порождает понятие содержательное. В обычных условиях мы оперируем словом, как носителем формального понятия. При определённых обстоятельствах нам необходимо детализировать сведения, в этом случае мы прибегаем к понятию содержательному [8].

Исходя из типологии Н.Д. Кацнельсона, можно разграничить указанные виды понятий и отнести формальное понятие к понятиям обиходным, а содержательное понятие к понятиям научным – терминам.

При определении термина в научной литературе высказываются разные точки зрения. Выделим некоторые из них.

Определение термина даёт В.М. Лейчик: «Термин – лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» [10, с. 32].

М.Я. Блох даёт следующую дефиницию термина: «мы можем провести строгое разграничение между двумя отмеченными типами значений, которое состоит в том, что значение одного типа получает развёрнутое определение в какой-либо области профессиональной деятельности (научной или практической) и отражает, следовательно, научное или практическое понятие, а значение другого типа не получает такого определения, оставаясь в пределах обычного, обыденного использования. Слово, значение которого образует понятие в указанном смысле, то есть является профессионально дефинированным, составляет термин» [3, с. 101].

Например, лексема 'still', вербализирующая понятие «покой», принадлежит ко всем трём типам семантики: а) коммонема – общее значение для носителей данного языка; б) аппроксимема – нестрогое понятие, например, 'to keep a still tongue in one's head' – «держат язык за зубами» [1, с. 366]; в) одно из значений лексемы 'still' является ригоремой, например, 'still' – «перегонный куб» [1, с. 366].

Таким образом, наша речь состоит не из слов, а из лексикул, поскольку лексема – это слово в целом, характер же семантической точности определяется лексиколой.

Русскому слову «покой» соответствуют лексемы: 'peacefulness' 'calm'; 'calmness'; 'still'; 'stillness'; 'quiet'; 'quietness'; 'peace'; 'rest'; 'serenity'; 'placidity' и некоторые другие слова.

Профессор М.Я. Блох указывает на «семантическую отчужённость терминов от обычных элементов лексики» [3, с. 113]. На данном этапе необходимо ввести определение парадигмы номинации. «Парадигматический ряд, объединяющий знаменательные лексические классы, может быть назван «лексической парадигмой номинации» [3, с. 113]. Словообразовательный парадигматический ряд на основе корня образует четыре части речи средствами словообразования. Например, суффиксы (суффиксы лица -er, -ist; и суффиксы существительных -ment, -ness). Имена прилагательные в процессе словообразования имеют, как правило, суффиксальную структуру (например, суффиксы -al, -ful и другие). Словообразование глаголов представлено аффиксами, количество которых невелико и относится к германскому и романскому происхождению, например суффиксы -en, -fy. Словообразовательная система глагола может быть также представлена конверсией и отбрасыванием конечной части существительного. Пути образования наречий различны. К ним относятся формант -ly, (great – greatly), супплетивные наречия (well – good), наречия, совпадающие по форме с прилагательными (hard), наречия, не имеющие формантов (too).

Рассмотрим парадигму номинации на примере лексемы «покой», в её общем употреблении:

'quietness', n. – «покой», «спокойствие»; 'to quieten', v. – «успокаиваться», «успокаивать»; 'quiet', a. – «спокойный»; 'quietly', adv. – «спокойно» [1, с.825].

В общеупотребительном значении парадигма номинации лексемы 'quietness' является полной. В терминологическом значении парадигма номинации данной лексиколы ущербна и представлена именем существительным: 'quieting' – «успокоение стали» [1, с. 825].

Лексема 'still', вербализирующая понятие «покой» в общем употреблении, реализует парадигматический ряд посредством безаффиксального словообразования (конверсии):

'still', n. – «безмолвие», «покой»; 'to still', v. – «успокаивать»; 'still', a. – «спокойный»; 'still', adv. – «спокойно», «тихо» [1, с. 356].

В терминологическом употреблении рассматриваемая лексика имеет неполный парадигматический ряд. Например, в медицине 'stillbirth', n. – «мертворождение»; 'to stillbirth', v. – «рождать мёртвый плод»; 'stillborn', a. – «мёртворождённый» [4, с. 293]. В указанной парадигме отсутствует наречие. В медицинской науке ригорема 'calmative', n. – «успокаивающее средство» [1, с. 309] вообще не выстраивает парадигмы номинации.

Работая в свете учения М.Я. Блоха, мы выделили данную парадигму знаменательных лексем с тем, чтобы указать на соотношение термин/лексическая парадигма, где терминологическая лексика будет занимать отдельное положение. «Ущербность парадигмы номинации для терминологических лексем и лексикул служит, со своей стороны, показателем периферийного статуса терминологии в словарном составе» [3, с. 116].

Потенциально терминологическая лексика может иметь парадигму номинации, но, как правило, термин не выстраивает полной парадигмы номинации. Лексикулы в терминологическом значении гуманитарных наук более тяготеют к образованию парадигмы номинации, чем лексикулы в терминологическом значении точных наук.

Далее рассмотрим проблему полисемии терминологической лексикулы. Некоторые лингвисты придерживаются критерия однозначности термина, так как считают, что термин должен соотноситься лишь с одним специальным понятием. Другие полагают, что термин может быть многозначным, так как термины являются лексическими единицами определённого языка.

Анализируя ригорему «покой» мы пришли к выводу, что ей свойственна многозначность, но в меньшей степени, чем лексеме «покой» в общеупотребительном значении.

Например, лексикала “still” в терминологическом сельскохозяйственном словаре [9, с. 722] имеет следующие значения: 1. перегонный куб; 2. каныга.

Терминологическая лексикала ‘resting’ [9, с. 689] имеет два значения: 1. парование; 2. залужение.

Полисемия ригоремы «покой» связана с экстралингвистическими и лингвистическими причинами. К экстралингвистическим причинам относятся условия формирования нового понятия и необходимость его обозначения языковыми средствами. К лингвистическим причинам относится тот факт, что словарный материал науки и техники довольно ограничен по сравнению с количеством понятий. Поэтому термину, закреплённому за определённым понятием, даётся новое значение. Как указывает В.В. Виноградов, «ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом... Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [5, с. 45].

В нашем исследовании мы выделяем следующие источники полисемии ригоремы «покой»:

1) Сужение общеупотребительного значения слова, при котором терминологическое значение лексиколы начинает доминировать, что, например, характерно для английской лексемы ‘still’ – «покой».

2) Слово начинает выполнять терминологическую функцию в составе терминологического словосочетания, например, лексема ‘peace’, одним из значений которой является значение «покой»: ‘peace offensive’ – «мирное наступление», ‘peace sign’ – «знак мира» [1, с. 649].

3) В рамках одной терминосистемы развитие у терминологической лексиколы других терминологических значений. Так, лексема ‘consiliation’ в общем употреблении имеет значение «покой», «умиротворение». В терминологическом словосочетании принимает другие значения: consiliation commission – 1. примирительная комиссия; 2. арбитражное примирение профсоюза с предпринимателем [1, с. 430].

4) Изменение морфологической структуры одного из составляющих компонентов словосочетания, в частности, флексия множественного числа образует терминологическую лексику 'peace talks' – «мирные переговоры»; 'peacekeepers' – «войска по поддержанию мира» [1, с. 649]; 'resting time rules' – «режим отдыха» [13, с. 811].

5) Изменение морфологической структуры при добавлении различного рода суффиксов к корню слова: 'stillage' – «загрузка перегонного куба» [9, с.722]; 'peaceable agreement' – «мирное соглашение» [1, с. 649].

6) Источником полисемии терминологического значения лексемы «покой» также является субстантивация прилагательного: 'still water' – «прилив»; 'still camera' – «фотоаппарат» [1, с. 366]; 'still picture' – «стоп кадр» [12, с. 724].

Некоторые терминологические лексемы имеют синонимический ряд: 'still air' [7, с. 411], 'calm' [1, с. 308] – обозначают морской термин «штиль».

Роль контекста для правильного понимания многозначного термина имеет большое значение при переводе научной и технической литературы. Однозначное понимание содержания, включающего термин, обеспечивается контекстуальными условиями.

Выделяется два типа зависимостей ригоремного значения «покой» от контекста.

1. Полная зависимость: значение термина выводится либо из словосочетания, либо из более широкого контекста: предложения, диктемы, целого текста. Например, 'quiet home market' – «вялый внутренний рынок»; 'It is necessary to calm the gray market' – «Необходимо устранить колебания на рынке дефицитных товаров» (from 'The Guardian'). В данных примерах значения выражений 'quiet'; 'to come the market' выводятся из контекста.

2. Неполная зависимость: значение термина не полностью зависит от контекста, так как термин уже получил общепринятую научную фиксацию, например, 'quietism' – «квиеизм». Философский термин 'quietism' обозначает учение, доводящее идеал пассивного подчинения воле Бога до требования быть безразличным к собственному спасению.

В лингвистических исследованиях встаёт вопрос о том, чем является терминологическая лексика – особым словом или словом в особой функции. Одни языковеды рассматривают термин как особое слово, другие языковеды убеждены, что термины не являются особыми словами, а напротив, представляют собой обычные слова в особой функции: «В роли термина может выступать всякое слово, как бы оно ни было тривиально» [6, с. 5].

В нашем понимании терминологическая лексика может быть особым словом и словом в особой функции. Значимым здесь является тот факт, что термин – это слово или словосочетание. Таким образом, термин представляет собой номинацию. Терминологическая лексика прямо называет какое-либо специальное понятие в различных научных и практических сферах человеческой деятельности.

Например, слово ‘composing’ в обычном значении является аппроксимемой и обозначает «успокаивающий». Как медицинский термин, данное слово есть ригорема «успокаивающее средство», обладающее номинативной функцией. Таким образом, значение термина – это специальное понятие, включающее особый научный либо технический элемент.

Итак, лексика в терминологическом употреблении и лексика в общем употреблении может являться разными значениями одной и той же лексической единицы. За гранью терминологической системы терминологическая лексика перестаёт быть термином и функционирует как общеупотребительное слово. Так, слово ‘still’ – «рекламный кадр», «диаграмма», «студийная заставка» [1, с. 366] действительно является термином, когда входит в терминосистему средств массовой информации. Выходя за её рамки, приведённый термин не выполняет терминологической функции. В сочетании ‘in the still of the night’ лексика ‘still’ является общеупотребительным словом и имеет эмоциональную окраску.

По нашим наблюдениям в качестве терминов в основном выступают имена существительные. Имена прилагательные также могут иметь терминологическое употребление, чему способствует субстантивация имён прилагательных.

В английском языке имена прилагательные чаще, чем другие части речи подвергаются субстантивации в процессе образования терминологических лексикул. В нашем понимании субстантивированные прилагательные в научном тексте не полностью переходят в разряд существительных. Субстантивированные прилагательные сохраняют семантическую соотнесённость с исходным прилагательным, но могут приобрести морфологические признаки имени существительного, такие как артикли, окончание 's', притяжательные местоимения, числительные.

Так, прилагательное 'calm' имеет значение «ровный», когда речь идёт о пульсе. 'The calms' обозначает в медицине ровные удары пульса. При изучении терминологизированных прилагательных значения терминологических лексикул анализировались по словарям и текстам газетных и журнальных статей. Например, 'The calms during the surgical operation showed it's excellent result'. (from 'Journal of Scientific Exploration').

Имя прилагательное в составе словосочетания зачастую несёт в себе рематическую нагрузку. Так, прилагательное 'steady' одним из общеупотребительных значений имеет значение «спокойный», «ровный». В терминологическом употреблении 'steady speed' – «постоянная скорость» прилагательное 'steady' приобретает рематическую нагрузку, поскольку при опущении этого прилагательного искажается смысл научного текста.

В нашем понимании терминологизированные прилагательные рассчитаны, как правило, на специалиста, имеющего определённый фонд знаний по данной специальности. Понимание и перевод таких прилагательных является довольно сложным для носителей русского языка, не обладающего навыками перевода технической либо научной литературы.

Лексикулы в терминологическом значении имеют содержательную и формальную стороны. Содержательная структура терминологической лексикулы включает в себя значение и смысл, что в применении к лексикуле в терминологическом значении является синонимичными понятиями. Смысл и значение некоторых терминологических лексикул, возможно определить только в диктете или целом тексте.

Формальная структура терминологической лексики определяется способом её образования. Мы полагаем, что терминологическое словообразование ригоремы «покой» не имеет отличий от словообразования общеупотребительных слов. Словообразование терминов происходит посредством аффиксов ('stillage'); конверсии, например, от существительного 'calm', образуется глагол 'to calm the market' – «устранять колебания рыночной конъюнктуры»; словосложением 'peace-warrant' – «ордер на арест» и другими общеизвестными способами. К формальной структуре термина относится и состав термина. Речь идёт о простых терминах, состоящих из одного или нескольких слов, и терминах составных, включающих в себя терминологические сочетания.

С языковедческой точки зрения интересен вопрос о том, какое место занимает терминологическое значение лексемы «покой» в семантике слова общеупотребительного языка. В различных областях знания используются лексемы: 1) для которых терминологическое значение является первичным, например, в информатике 'making up' – «вёрстка»; 2) терминологическое значение является вторичным. Мы полагаем, что термины, значение которых основано на общеупотребительных значениях лексем 'still'; 'peace'; 'quiet', имеют вторичное значение.

Таким образом, термин выражается словом или словосочетанием. Термин – это знак строгого понятия. Знаковая теория языка рассматривает язык как специальный вид знаковых систем. Термины в составе терминологической системы через систему понятий создают модель фрагмента объективной действительности, необходимую в процессе познания и освоения мира.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х томах, около 250000 слов. – М.: Русский язык. – 1994. – С. 832.
2. Блох М.Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка / М. Я. Блох // Преподаватель XXI век. – 2007. – №1. – С. 101–105.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. – 4-е изд., испр. – М.: Высш.шк., 2005. – С. 239.
4. Болотина А.Ю., Якушева Е.О. Англо-русский и русско-английский медицинский словарь: 24000 терминов – М.: РУССО. – 1999. – С. 544.

5. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Учпедгиздат. – 1947. – С. 784.
6. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г.О. Винокур// Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. – Т.У. Сб. статей по языковедению. М. – 1939. – С. 3–54.
7. Грибовской В.Ю. Англо-русский морской словарь: 15000 терминов. – СПб.: Издательский дом «Литера». – 2002. – С. 480.
8. Кацнельсон Н.Д. Содержание слова, значения и обозначения. – М. – Л., «Наука», [Ленингр. отд-ние], 1965. – С. 110.
9. Козловский В.Г., Ракипова Н.Г. Англо-русский сельскохозяйственный словарь: 75000 терминов. – М.: Рус. яз. – 1983. – С. 880.
10. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2006. – С. 256.
11. Лысенко В.О. Современный англо-русский морской технический словарь: 74000 терминов. – Киев: ТОВ «ВП Логос». – 2004. – С. 608.
12. Мюллер В.К. Англо-русский словарь: 53000 слов. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1981. – С. 888.
13. Пивоваров А.Г. Большой финансово-экономический словарь / под ред. В.Н. Осипова. – М.: Экзамен, 2000. – С. 1064.

**Некоторые лингвистические, культурологические
и онтологические особенности семиозиса
в диапазоне «сакральное – профаническое»**

В статье рассматривается процесс семиозиса в контексте лингвистической, культурологической, философско-онтологической концепций знака, определяются его интерпретативная сущность, семиотический цикл, диапазон развития от сакрального знака к профаническому, зависимость коммуникации и псевдокоммуникации от знака-символа и знака-кода.

The article deals with the process of the semiosis in a context of linguistic, culturological, philosophical-ontological conceptions of a sign, with its interpretative essence, the semiotics cycle, a range of its development from a sacral sign to the profane one, the dependence of the communication and pseudo-communication on the sign-symbol and the sign-code being defined.

Ключевые слова: семиозис, знак, семиотика, семиотический цикл, знак-символ, знак-код, интерпретант, интерпретатор, семиотизация, знак знака, симуляция знака, символ, символизис.

Key words: semiosis, sign, semiotics, semiotics cycle, sign-symbol, sign-code, interpretant, interpreter, semiotisation, the sign of a sign, sign simulation, symbol, symbolisis.

Чарльз Сандерс Пирс, один из основоположников семиотики, понимал семиозис как постоянное движение знака. Семиозис, согласно Пирсу, включает в себя две важные части: производство знаков и их интерпретацию. Сам процесс семиозиса имеет три позиции: доступный восприятию элемент, замещающий объект или знак, или репрезентант, ментальный образ этого объекта – интерпретант и, наконец, сам объект, или референт. Объект (референт) принципиально субъективен и определяется воспринимающим субъектом. Пирс формулирует понятие знака следующим образом: «Знак, или репрезентант, есть нечто соотнесенное с иным в каком-либо отношении или по какому-нибудь признаку. Знак адресован, т.е. создает в уме человека эквивалентный или, возможно, более сложный знак. Последний есть интерпретант первого. Знак замещает нечто, а именно свой объект. Он замещает его не во всех отношениях, но в

соотнесении с той идеей, которую я называю базисом, или основанием знака» [2].

Интерпретант, по Пирсу, всегда динамичен. Обретая форму, ментальный образ сам становится знаком – репрезентантом, который в свою очередь получает новый репрезентант – образ образа. Процесс семиозиса тем самым предстает как *perpetuum mobile*. Поэтому теория Пирса расходится с бинарными моделями Соссюра, например, *означаемое-означающее*. Самое важное, согласно Пирсу, это то, что знак появляется исключительно с появлением интерпретанта. Отсюда следует основной вывод, что «знак – репрезентант с ментальным интерпретантом». В отличие от Пирса, Ф. де Соссюр исследовал не динамические процессы, а статические состояния знаковых структур. Для его понимания законов функционирования знака в языке необходимо отвлечься от его эволюции и ситуативных контекстов его использования. В центре внимания Ф.де Соссюра оказывается общая система структурных закономерностей и отношений между знаками вне их динамического развития.

Эту идею структурализма развивал позже Ролан Барт, выдвигая задачу семиотического исследования любой системы знаков, независимо от материала и границ: образов, жестов, музыкальных звуков, предметов и всех возникающих здесь сложных ассоциаций. Отвергнув представления о статических знаковых системах, Деррида и Лакан выявляют динамический аспект перманентного становления знаковых форм. Деррида особенно настаивал на том, что значение отдельного знака не есть его означаемое в синхронии (Соссюр), а напротив, значение формируется в результате движения от одного знака к другому, поэтому в семиозисе нет ни начала, ни конца, когда семиозис завершен и значение полностью определилось. Знак соотносится с интерпретантой (Пирс), но обязательно наличие интерпретатора. Знака нет, если нет интерпретанта, знака нет, если нет системы знаков, знака нет, если нет интерпретатора, который проявляется в интерпретации (Ч.С. Пирс, Ч. Моррис, Р. Якобсон, Ю.С. Степанов и др.). Знаки – это средства активации в нашем сознании когнитивных структур,

притом в том объеме, в котором они «даны» (известны) и «нужны» нашему сознанию (Е.С. Кубрякова).

Так как в основе перманентности и динамичности семиозиса лежит индивидуальное, креативное и изменяющееся сознание интерпретаторов, что исключает наличие статических знаковых систем, то интерпретанта всегда динамична. Знак изначально коммуникативен, и интерпретация смыслов происходит в процессе коммуникации, в процессе гибкой диалектики индивидуального и коллективного осмысления действительности.

Процесс семиозиса в культуре непосредственно связан с движением фронта рефлексии. Начальной точкой этого движения в рамках отдельной культурно-исторической традиции является первично нерасчлененное синкретическое состояние – ситуация максимального доминирования бессознательных форм активности. Конечная же точка связана с достижением предельно раздробленного конгломерата дискретных и замкнутых в себе феноменов, кодификация которых приобретает самодовлеющий характер, превращаясь в дурную бесконечность семиотизации, т.е. бесконечно продуцируя «знаки знаков» и «образы образов» [1, с. 182].

Согласно У. Эко, процесс поступательного движения семиозиса, происходит, с одной стороны, в закрытых отдельных семиотиках, с другой, в открытых, осуществляется по коммуникативной модели «открытого» процесса и обусловлен идеологией и обстоятельствами, при этом вся знаковая система постоянно перестраивается на основе опыта декодификации. Индивидуальная коммуникация и надиндивидуальная коммуникация пересекаются в социальной системе, внутри которой происходит постоянный процесс семиозиса или «поступательное движение семиозиса». «Знаки живут жизнью нестабильной, денотации и коннотации разъедаются коррозией под влиянием обстоятельств, лишаящих знаки их первоначальной силы» [7, с. 411, 415].

Базовая оппозиция в современной культуре и семиотике «сакральное – профаническое» обнаруживает все больше тенденцию к десакрализации и профанизации. Эти констатация свидетельствует о том, что происходит трансформация аксиологических кон-

стант, в том числе и в коммуникации. Например, главный социальный и технический феномен современной культуры, – мобильный телефон (философии мобильного телефона посвящена книга итальянского автора Маурицио Феррариса «Ты где? Онтология сотового телефона»), устройство, радикально изменившее жизнь современного человека и вызвавшее в большей степени десакрализацию знаков языка и коммуникации. Нарастание профанности прямо пропорционально нарастанию утилитарно-прагматических функций знака, рутинное функционирование в коммуникации отчуждает его от сакральных смыслов и уровень концентрации профанических смыслов возрастает. Следует отметить, что сакральное по своей природе трансцендентно, и поэтому оно стремится к апофатике, табуации, различным формам сокрытости.

Язык не является автономной системой, созданной идеальным мыслителем и жестко скрепленной со структурой мира. Витгенштейн определяет язык как «форму жизни», удачно используя метафору игры, в которой правила не обсуждаются и не обосновываются, а более или менее удачно применяются. Язык как «форма жизни» – это специфический знаковый процесс, где знаки не репрезентируют внеязыковую реальность, а являются референтами самих знаков, при этом жизнь понимается не как фундаментальный способ освоения мира, ибо представляет собой игру знаков.

В современной коммуникации наблюдается интенсивный процесс семиотизации культуры, в которой ощущается острый дефицит реальности. Сегодня реальностью становится экран телевизора или компьютера, создающий иллюзию реальности. Пришла новая семиотика мира, все превращается в знаки. Процесс симуляции зашел так далеко, что утрачивается само различие фантазии и реальности.

Вместе с тем поиски «настоящей реальности», которая считается предметом не только познания, но и искусства, предполагают разделение бытия на подлинное и неподлинное, связаны с теоретико-познавательными трудностями. Каждый человек испытывает на себе отрицательные социокультурные последствия в ситуации новой семиотики мира. Людям, воспитанным на традициях гума-

нистической книжной культуры, современные масс-медиа напоминают римские амфитеатры, бестиализирующие людей [3, с. 68].

Признаки такого рода состояний семиозиса видны при рассмотрении всех без исключения «закатных» эпох. Обычно это сопровождается критическим количеством дискретных феноменов, образовавших «горизонтальный» континуум, в котором все имена «изолгались», все знаки исказились, где все стало текучим, неподлинным и условным.

Нам представляется возможным начать объяснение сложившейся ситуации с того, что разделение бытия на подлинное и неподлинное восходит к подлинности и неподлинности знаков языка и культуры. Поэтому необходима культурология и онтология знака, новая парадигма интерпретации знаков, исключающая замыкание знаковой структуры на себе, дурную бесконечность знаковых игр по модели «знак знака», скрывающих онтологическую опустошенность культурного сознания. Для этого остановимся на двух современных концепциях семиозиса: системно-культурологической и философско-онтологической.

Системно-культурологическая концепция семиозиса представлена в четвертой главе «Семиозис и культура» фундаментальной работы А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко «Культура как система» в виде семиотического цикла, состоящего из 6 фазисов:

1. Целостное нерасчлененное апофатическое переживание.
2. Распад партисипационного единства под действием отчуждающей рефлексии.
3. Первичная семиотизация в замещенной форме.
4. Обретение адекватного кода.
5. Окончательное смещение партисипационного переживания к знаковой структуре.
6. Замыкание знаковой структуры полностью в себе [1, с.190].

На последнем этапе семиотического цикла, наблюдаемом в современном языке и в современной культуре, начинается процесс семиотической прогрессии, продуцирующий «знак знака» и «образ образа». Знаковая структура окончательно замыкается в себе, семантико-семиотические связи стандартизируются и рутинизируются. Знаковый конструкт используется чисто инструменталь-

но, как типовая матрица того или иного текста культуры. Партиципационное переживание уже не способно «прорваться» к исходным прафеноменам, хранящим животворящую энергию первотектонального синкретизма. Единичный объект уже не переживается вовсе, а, будучи полностью замещен своей рутинизованной и профанизованной семиотической номинацией, воспринимается информационно, т.е. фиксируется внешним слоем сознания. Весь предшествующий опыт смыслообразования отходит в область культурно-бессознательного. Наступает эпоха самоописания и саморефлексии культуры по всем направлениям. Денотат знака исчерпывается. Отрываясь от базового смысла на критическую дистанцию, само, самодовлеющий семиотический конструкт обречен на **обесмысливание**. Рано или поздно имманентная комбинаторика знаковых форм переходит в дурную бесконечность [1, с.186].

Смена одного семиотического цикла другим связана с переходом к новому культурному эйдосу, но такой переход осуществляется, как правило, другим культурным субъектом или коллективом с другим опытом культурно-бессознательных установок, т.е. с другой «конфигурацией» ментальности, определяющей первичное смыслонаделение исходных прафеноменов. Обычно на смену приходит ретроспективное (по форме!) опрощение под знаменем новой культурной парадигмы [1, с.192].

Онтологическая и философско-теологическая концепция семиозиса, представляющая собой дальнейшую разработку широкого спектра сложных проблем семиотики, изложена в ряде публикаций в рубрике «Онтологические прогулки» литературно-философского журнала «Топос», автором которых является профессор факультета философии Саратовского университета В. Фриауф и [4,5]. В рамках данной статьи остановимся на кратком изложении этой концепции В. Фриауса.

Между субъектом и истиной располагаются не отвлеченные принципы, а структура посредника, и роль такого универсального посредника берет на себя либо язык-знак, либо язык-символ. Это удвоение языка заставляет признать наличие не одного, а двух языков культуры. Язык на выходе из «мифа» в процессе семиози-

са предстает как кодификация посредством Знака (код как структурный принцип). Параллельно этому процессу символизис представляет совсем другой язык (символ по существу не код, это возвращение к онтологической нормативности бытия). Гениальность интуиций русских философов-имяславцев, как и интуиция Хайдеггера («Язык есть дом бытия») обусловлена принципиальным различием языка-кода и языка-символа [5].

По принципу симуляции язык-знак (код) и язык-символ прямо противоположны: эффекты симулятивного порядка заданы языку-коду, а символ по своей природе не допускает никакой симуляции и решительно ей противится. Символ, согласно определению П.А. Флоренского, есть бытие, которое больше самого себя. Напротив, знак есть бытие, которое меньше самого себя (для Хайдеггера это онтологическое различие). Когда появляется семиотика как наука о знаках, то символ трактуется в ней только как разновидность знака. Когда начинается процесс десакрализации культуры, язык–символ уходит в глубины индивидуального и коллективного бессознательного (в истории русской культуры это связано с философией и искусством «золотого» и «серебряного» веков, из этого же источника питается мысль Гуссерля и Хайдеггера).

Когда современный французский социолог Жан Бодрийар говорит об экстазе коммуникаций в современном обществе, он имеет в виду вполне определенную вещь: информационный взрыв, основанный на симулякрах, т.е. на фетишизме знаков (инфляция смысла при избыточной информации).

Парадокс коммуникации прослеживается в известном афоризме Хайдеггера: не язык при нас, но мы – при Языке [6]. Согласно тексту В. Фриауфа, мы привычно именуем язык средством коммуникации, а себя – субъектами коммуникативных практик. Когда в дело вступает СОБСТВЕННОЕ языка, тогда говорит и сообщает сам Язык. И тогда прежде чем наша речь есть говорение, она есть вслушивание в зов Языка, в его призыв несению Вести. Кто способен к этому? Для этого требуется быть Поэтом и Мыслителем милостью Божией. Подлинная коммуникация возможна лишь там, где есть вслушивание в зов самого языка, и когда вслушивание затребовало герменевтики. Мы ежедневно заняты тем,

что говорим и говорим, создаем тексты, вступаем в общение. Являемся ли мы субъектами коммуникативных практик? В этом случае нам отведена инструментальная роль агентов языка как знака, который, как утверждает В. Фриауф, программирует нашу мнимую речь, мнимое мышление и мнимую коммуникацию. Хайдеггер не случайно цитирует своего любимого поэта Гельдерлина: «Знак бессмысленный мы / Мы не чувствуем боли и почти / Позабыли язык на чужбине». «Знак бессмысленный мы»[6]. Эта метафора говорит о нас, людях, куда строже, чем тысячи трактатов по антропологии.

После своего «поворота к языку как к дому бытия» или к языку как Сказу, Хайдеггер констатирует фундаментальное для смысла и сути переживаемой нами эпохи Отсутствие – отсутствие священных Имен. Давнему месту присутствия богов отказано в слове, сообщает мыслитель. В самой речи являлась близость божества. Сама речь была не передачей «информации», но герменевтическим, поэтическим усилием перевода божественного Слова в речь и язык народа. Из музыки, из речи как Мелоса бытия рождалась речь, язык как мифология и духовный родник человеческого существования [6].

В тон немецкому мыслителю утверждает и русская философия Имени. Именно русским философам-имяславцам удается определить то самоименование СОБСТВЕННОГО в языке, которое разыскивал Хайдеггер. Имя Божие есть СОБСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО ЯЗЫКА. Из его сокровенной глубины рождается сам Язык, рождается Мелос бытия и поэтическая речь мифа. Между стадиями саморазвертывания мифа развиваются культура и духовная жизнь народа [5].

Имя Божие есть не просто собственное языка. Оно – Весть, которая требует от нас способности к слышанию-говорению и слышанию как мышлению, ибо мысль не рождается вне Слова. Мысль – это дар самого Слова как дар понимания смысла. Мы мыслим не тогда, когда изобретаем какой-то инструмент в своей деятельности. Мысли никогда не изобретаются, они обретаются как дар Слова. Но в человеческой истории существует не один, а два языка. Если Имя Божие есть священный исток Собственного

в языке, Оно и есть собственно Язык, который происходит из Логоса. Истоком языка-знака является не Логос, а Анти-Логос, не Имя, но – число [5].

Не только искусственные языки конституируются на основе числового кода. Анти-Логос – это сокрытие не Имени, это маскировка отсутствия подлинного Имени Божьего псевдоименованием, это симулятивная замена символа – знаком, имени – числом. Парадокс заключается в том, что когда мы попадаем под магию языка как знаковой системы, то все наше сознание и все наши коммуникативные практики – не более чем процессы исчисления в пределах заданного Анти-Логосом числового кода. Имитация общения, имитация мысли и, наконец, имитация самой жизни. Доказательством тому является стремительное, масштабное и глобальное распространение цифровых технологий. Можно отметить, что у людей традиционной книжной культуры, как правило, имеется внутреннее на первый взгляд непонятное сопротивление цифровым технологиям, технологиям Анти-Логоса.

Ф. Фриауф подчеркивает, что для обретения дара Слова требуется священное безмолвие. Язык коренится в молчании. Когда умолкает навязчивая имитация речи языка-знака, когда прекращается псевдокоммуникация по обмену информацией, то в священном безмолвии рождается дар речи как несения Вести, и тогда знаки мирского языка становятся символами Слова. Чаще всего и лучше всего это получается в музыке и поэзии. Однако и герменевт-мыслитель обретает способность говорить от Слова. Хайдеггер, толкуя Платона, заявляет: учение мыслителя есть несказанное в сказанном [5].

При рассмотрении проблемы семиозиса с лингвистической, культурологической, философско-онтологической и философско-теологической точек зрения обнаруживаются сходства и расхождения в понимании семиотических процессов, но каждая концепция дополняет и расширяет общегуманитарное понимание феномена «знак», заполняют пустоты и ниши непонимания. Интересны границы и пересечения различных гуманитарных концепций знака, расширяющие горизонты познания, способствующие синтезу новых концептов, появлению новых терминов и дискурсов ново-

го поколения. В данной статье мы попытались предложить путь к синтетической и генеративной теории знака в интердисциплинарном контексте. Лингвистические проблемы семиотики могут быть решены с учетом достижений философских, культурологических исследований в общем контексте гуманитарного знания, это позволит выявить новые стратегии мышления и понимания. Меняющийся контекст для осмысления традиционных понятий гуманитарного познания, новые теоретические и художественные практики, новые концепции радикально меняют наши представления о перспективах гуманитарных наук, всего комплекса гуманитарных наук (the humanities) и гуманитарного сознания XXI века.

Список литературы

1. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: Издательство «Языки русской культуры», 1998. ISBN 5-7859 0047-5
2. Пирс Ч. Логические основания знаков. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. ISBN 5-89329-278-2
3. Селиванова Е.А. Принцип дискурсоцентризма и стратегические программы украинской телерекламы // Язык. Текст. Дискурс6 научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н.Манаенко. Выпуск 6. Ставрополь, 2008. ISBN 5-89966-485-X
4. Фриауф В. Парадоксы коммуникации. Литературно-философский журнал «Топос». 24/05/2004. <http://topos.ru/article/2358>
5. Фриауф В. Язык. Личность. Постмодерн. Литературно-философский журнал «Топос». 26/03/2003. <http://topos.ru/article/1023>
6. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. ISBN 5-88059-021-6
7. Эко У. «Отсутствующая структура». Введение в семиологию. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. ISBN 5-86708-114-1

Художественное время и пространство в паратекстуальных отношениях

В статье проводится анализ особенностей репрезентации категорий художественного времени и пространства в паратекстуальных отношениях. В качестве материала исследования берутся романы американского писателя постмодернистского направления Майкла Каннингема. Данный выбор обусловлен тем фактом, что в заглавиях и эпиграфах к его романам отчетливо проявляется специфический характер данных текстовых категорий.

The article deals with the analysis of specific representation of fictional time and space categories in the headings and epigraphs of the novels written by an American post-modernist writer M. Cunningham. It is particularly emphasized by the researcher that the relations between those parts in the novels by Cunningham are notable for their intertextual character.

Ключевые слова: текстовая категория, художественное время, художественное пространство, интертекстуальность, паратекстуальность, заглавие, эпиграф.

Key words: textual category, fictional time, fictional space, intertextuality, heading, title, epigraph.

Среди разнообразных составляющих художественного текста важную роль играют категории художественного времени и пространства, отражающие темпорально-локальную организацию произведения. Вопрос об особенностях проявления этих двух категорий уже неоднократно поднимался в научной литературе, и было проанализировано большое количество текстов с целью зафиксировать основные способы и варианты репрезентации художественного времени и пространства. В связи с этим, в настоящей статье предпринимается попытка взглянуть на проблему с несколько иной стороны, а именно в рамках интертекстуального подхода к литературному произведению и его элементам. В частности, это попытка представить и охарактеризовать исследуемые категории, участвующие в создании паратекстуальных отношений.

Соотношение одного произведения с другим может начинаться прямо с заглавия, представляя собой своеобразный «реверанс» в сторону прототекста, подсказывающий читателю перспективу рассмотрения всего дальнейшего изложения. В этом случае мы имеем дело с паратекстуальностью – отношением текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу и т.д. [2, с. 104].

Как отмечает О.Е. Фролова, «заглавие художественного текста служит инструментом 1) моделирования ситуации, изображенной в тексте, 2) ее структурирования, 3) ее иерархизации, 4) выделения объекта, находящегося в фокусе внимания, 5) обнаружения субъекта речи и оценки» [11, с. 132]. Все эти процессы осуществляются при участии художественного времени и пространства, поскольку ни одна ситуация фиктивного или реального характера не мыслится вне темпорально-локальных форм.

Для анализа заглавий художественных текстов крайне интересными представляются два романа американского писателя постмодернистского направления Майкла Каннингема – «Часы» (*The Hours*) и «Памятные дни» (*Specimen Days*). Обратимся вначале к роману «Часы», название которого указывает читателю не только на общую идею произведения, но и отсылает к его литературной первооснове – роману Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» (*Mrs Dalloway*).

При восприятии и дальнейшем сопоставлении заглавия с содержанием произведения проявляется категория времени, в читательском сознании актуализируется концепт *Time*, происходит мысленный отбор соответствующих сем и лексических компонентов слова *Hour*. «Цитируемый текст выступает в качестве интерпретирующей системы по отношению к тому, в заглавии которого он цитируется. <...> Цитата призвана ввести во взаимодействие семантические пространства <...> цитируемого и авторского текста, дать направляющие для интерпретации последнего» [7, с. 76–77]. Принимая во внимание интертекстуальный характер названия романа, читающий уже с первых строчек невольно начинает сопоставлять два произведения, сравнивая их на сюжетном, композиционном, содержательном, стилистическом и других уровнях.

Изначально В. Вульф намеревалась озаглавить свою работу «Часы» (*The Hours*), но впоследствии дала роману другое название. Зная об этом, читатель вправе прочесть произведение Каннингема как один из вариантов сочинения английской писательницы – своеобразную версию вульфовской «Миссис Дэллоуэй».

И.С. Скоропанова вспоминает образное сравнение, предложенное Ж. Делезом в отношении таких литературных переделок: «Повторение может быть кражей или даром. Повторение-кража – это воспроизведение Того же Самого, копия-калька, не предполагающая восполнения объема заимствованного, расширения содержания понятия. <...> Повторение – дар, напротив, связано «с избытком лингвистической и стилистической Идеи», основано на «вертикальности», дифференциации, нетождестве» [9, с. 85–86].

В романе «Часы» Каннингем предпринял попытку создания не просто литературного римейка, а настоящего полифонического сочинения, в основу которого был положен целый корпус «чужих» текстов, включающий, помимо самого романа «Миссис Дэллоуэй», письма и дневники Вирджинии Вульф, статью «Мистер Беннет и миссис Браун» (1924) и известные биографии писательницы, созданные К. Беллом, Г. Ли и Ф. Роуз. «Реализуя постмодернистскую установку на упразднение границы между жизнью и текстом, М. Каннингем «перечитывает» <...> биографию В. Вулф, превращая ее в органичную часть художественного произведения» [8, с. 331].

Необходимо также заметить, что прецедентный характер заглавия может быть скрытым, немотивированным, и открытым, мотивированным [1, с. 18]. Заглавия романов «Часы» и «Памятные дни» относятся к первому типу, когда для выявления их интертекстуального уровня требуется прибегнуть к изучению дополнительных литературных и критических источников или обладать большой эрудицией и знаниями в данной области.

Неподготовленный читатель, не знакомый с биографией В. Вульф, этапами ее творческого пути и процессом создания данного произведения, скорее всего, упустит из виду референциальный характер заглавия «Часы», вследствие чего воспримет роман

ненадлежащим образом, не осознав всей многогранности сюжета, не учитывая важные внутри- и внетекстовые связи, увидев лишь поверхностную картину сложной многомерной пространственно-временной структуры работы. А.А. Мальченко поясняет, что для среднего читателя заглавие-цитата «представляются определенной загадкой, создающей момент эмоционального напряжения и побуждающей его к сотворчеству с автором, к поиску источника цитирования. <...> Для более подготовленного читателя, сразу не угадавшего источник чужого слова, понимание приходит по мере развертывания произведения» [7, с. 79].

Используя интертекстуальный подход в названии произведения, Каннингем сразу настраивает читателя на нелинейное восприятие текста, на необходимость сопоставления его разнообразных плоскостей, указывая тем самым на многочисленные временные и пространственные пласты романа, которые существуют внутри него не изолированно, а в соотношении одного и другого. Так автор призывает сравнивать произведение Вульф со своим собственным и, в частности, пространственно-временные планы двух текстов, выявляя степень соответствия и дифференциальные черты, придающие каждому из произведений самостоятельность и уникальность. Подобное заглавие дает понять, что, погружившись в художественный мир, созданный Каннингемом, мы познаем его не только через пространственно-временные характеристики, заложенные самим писателем, но и через время и пространство другого фиктивного мира – мира, сконструированного В. Вульф. Поэтому тема времени неслучайно является одной из ключевых в обоих романах.

Развивая мысль о соотносительности временных и пространственных планов двух произведений, можно взглянуть на проблему несколько шире. «Заглавие-цитата сигнализирует о принадлежности текста к полю постмодернизма и ориентирует на соотношение и самого заглавия, и всего текста с культурным интертекстом, одним из «микроэлементов» которого является цитируемый источник, связанный с другими источниками ризоматическими связями» [10, с. 367].

Аналогичная ситуация прослеживается и в отношении романа «Памятные дни», в названии которого, однако, трудно заметить интертекстуальный элемент, если не знать о том, что так же называется один из сборников Уолта Уитмена. Здесь вновь актуализируются категории времени и пространства, сближая до степени непосредственного соприкосновения постмодернистский роман начала XXI века и целый ряд работ выдающегося американского поэта XIX века.

Как и в романе «Часы», автор с самого начала настраивает читателя на восприятие содержания книги через призму поэзии Уитмена. Посредством такого литературного хода Каннингем хочет уподобиться поэту, в некотором роде предлагая свое произведение вместо уитменовского и демонстрируя тем самым преемственность его идей, взглядов, философии. Уитменовские стихи в работе Каннингема отождествляются с некой непреложной истиной, с негласным законом жизни, которому необходимо следовать в любых обстоятельствах.

Однако, как и в случае с романом «Часы», уподобление это не полное, что очевидно также из сопоставления заглавий, поскольку у Уитмена оно выглядит как *Specimen Days and Collect*, а у Каннингема заглавие говорит лишь о попытке приблизиться в своем творчестве к талантливому поэту, но не идентифицировать себя с ним полностью, не сливаться ни с его произведением, ни с его творчеством.

Возвращаясь к теоретической стороне проблемы, нужно упомянуть о том, что паратекстуальные отношения включают в себя также взаимодействие эпиграфа с последующим текстом и в то же время с прототекстом. Как и заглавие, эпиграф становится связующим звеном между двумя произведениями и соответствующими художественными мирами. Этим элементам структуры текста Г.И. Лушников дает очень удачное сравнение: «Заглавие и эпиграф – как главное и придаточное предложения. Одно называет явление, другое стремится его пояснить» [6, с. 16].

И заглавие, и эпиграф пытаются погрузить читателя в ожидающую его вымышленную реальность, направляя его внимание и ход мысли в определенное сюжетное русло. Пространственно-

временная картина, которая начинает проявляться здесь в общих чертах, получит дальнейшее развитие и детализацию в тексте самого произведения. Читателю же необходимо ухватить минимальную информацию о времени и пространстве будущей истории, чтобы за счет этих данных попытаться смоделировать ее пространственно-временной контекст. О.А. Клецкина указывает на то, что «эпиграф помимо возможных аллюзивных настроений всегда содержит четкое топическое указание, поскольку неизбежно отсылает нас к уже знакомой пространственности, а читательское прочтение, таким образом, будет в известной степени ориентировано на «узнавание»/«неузнавание» пратопического в художественной протяженности читаемого» [3, с. 73].

Учитывая, что подавляющее большинство эпиграфов является либо чьими-то высказываниями либо цитатами из других текстов, одновременно с ориентацией в отношении предстоящего изложения событий требуется сопоставление фактического содержания высказывания с текстом-источником, откуда эта цитата была извлечена. «Интеграция эпиграфа цитирующим текстом неизменно приводит к усложнению смысла самого текста. Однако семантическая функция и особенности эпиграфа этим не исчерпываются: усложняется смысл самого эпиграфа за счет включения его в семантическую структуру цитирующего текста» [6, с. 16]. Соответственно, временные и пространственные параметры эпиграфа обретают двойственный характер и имеют непосредственное отношение и к тексту-«реципиенту», и к тексту-«донору».

Г.И. Лушникова выделяет симметричный и варьированный типы цитации в эпиграфе. Примерами симметричного типа выступают эпиграфы – дословные цитаты; неточные, видоизмененные цитаты относятся к варьированным элементам заголовочного комплекса [6, с. 17–21].

В качестве эпиграфа к роману «Памятные дни» Каннингем использует отрывок из стихотворения У. Уитмена «Песня о выставке» (*Song of the Exposition*). С первой строчки происходит актуализация категории времени, а за счет смыслового противопоставления первых двух строф и остальной части отрывка темпоральная картина приобретает конкретные черты:

«Fear not O Muse! truly new ways and days receive, surround you,

I candidly confess a queer, queer race, of novel fashion,
And yet the same old human race, the same within, without,
Faces and hearts the same, feelings the same, yearnings the same,

The same old love, beauty and use the same» [13, с. VII].

Отсюда мы понимаем, что в самом романе, скорее всего, будет описываться столкновение двух времен, эпох, поколений или нечто подобное, но что, по сути, «эти новые дни» ничем не отличаются от старых, а в разных на первый взгляд временных и пространственных обстоятельствах необходимо увидеть то общее, что остается неизменным во веки веков. Вместе с этим подобная цитата указывает, что ключ к разгадке одного из смыслов произведения можно найти в остальной части стихотворения. Сильная позиция эпиграфа по отношению к тексту проявляется после соотнесения его с содержанием романа: время, о котором говорил Уитмен, предстает тогда в ином, переосмысленном виде, с учетом его нового «окружения».

А.В. Кремнева отмечает, что в семантике любого заглавия содержится перспективно-ретроспективная связь с текстом произведения. В результате такая связь приводит к семантической двойственности заглавия, которая выражается в его способности передавать определенное смысловое содержание еще до прочтения текста, а затем обретать семантическую полноту, т.е. обогащаться новыми смыслами в результате ретроспективного осмысления прочитанного [5, с. 87]. Соотнесение названия романа Каннингема с названием сборника Уитмена возможно произвести только при ретроспективном взгляде на заглавие. Увидеть взаимосвязь между триединством образов всех частей произведения, на которое указывает Каннингем в эпиграфе, читатель сможет только после завершения чтения. В итоге, категории художественного времени и пространства создают темпорально-локальный облик произведения на интертекстуальном уровне, вступая во взаимодействие с семантическими и структурно-композиционными элементами текста.

В романе «Часы» в качестве эпиграфа выбрана не одна, а две цитаты из разных источников: первая – отрывок из стихотворения Х. Борхеса «Другой тигр» (*The Other Tiger*): «We'll hunt for a third tiger now, but like the others this one too will be a form of what I dream, a structure of words, and not the flesh and bone tiger that beyond all myths paces the earth. I know these things quite well, yet nonetheless some force keeps driving me in this vague, unreasonable, and ancient quest, and I go on pursuing through the hours another tiger, the beast not found in verse» [14, с. IX]. Вторая цитата – это выписка из дневника Вирджинии Вульф: «I have no time to describe my plans. I should say a good deal about *The Hours*, & my discovery; how I dig out beautiful caves behind my characters; I think that gives exactly what I want; humanity, humour, depth. The idea is that the caves shall connect, & each comes to daylight at the present moment» [там же].

Назначение первого эпиграфа выражается, скорее, в подготовке читателя к правильному восприятию содержания романа – тонкий намек на то, что же подразумевает заглавие без учета его интертекстуального признака. В то же время, стихотворение Борхеса – это еще один маленький литературный мир, отголоски которого проявляются в романе Каннингема в виде атрибутивной цитаты. Следовательно, автор предполагает, что читатель припомнит истинный контекст, из которого был заимствован данный отрывок. Как и во всех подобных случаях, далее должно следовать его переосмысление, в совершении которого категории художественного времени и пространства играют свою важную роль: пространственно-временные атрибуты, присущие цитате в тексте-первоисточнике, подстраиваются под новые обстоятельства – темпорально-локальные отношения цитирующего текста.

Второй эпиграф отличается иным типом взаимоотношений внутри категорий художественного времени и пространства этого заимствования. Дневник Вирджинии Вульф не есть придуманный мир писательницы, а отражение реальной картины мира, частью которой является она сама.

Функция этого элемента заголовочного комплекса состоит в подсказке, в пояснении читателю, на что ему необходимо ориентироваться при чтении самой работы. Автор приоткрывает другую грань своего произведения, производя установку на его интертек-

стуальный характер, на восприятие его как некой авторской трактовки романа «Миссис Дэллоуэй». Писатель не говорит прямо, что понимать его сочинение нужно именно так, но лишь дает зацепку для думающего читателя, чтобы тот, в случае неведения, обратился к работам Вульф и соответствующей критической литературе.

Нужно заметить, что такие интертекстуальные заимствования, как выдержка из дневника В. Вульф, наглядно демонстрируют «истoki», родовое начало любого художественного текста. Обратим внимание на то, что отображение реального времени и пространства в книге происходит не напрямую, а посредством дневника писательницы, в котором регистрация действительности носит первичный характер. В романе Каннингема эта же регистрация за счет интертекстуального повтора носит вторичный характер. В этом случае происходит некий сплав разнородных художественных реальностей, вследствие чего, по замечанию Б.В. Кондакова, здесь может идти речь о стилизованных, «вторичных» художественных мирах, использующих в качестве материала своего «мира» чужие «литературные» миры [4, с. 63].

Таким образом, на категории художественного времени и пространства в романе могут влиять интертекстуальные связи, включающие в рамки анализируемого произведения элементы других текстов. Взаимодействие между текстами и их темпорально-локальными составляющими может проявляться в самом заглавии, когда подобная ссылка на другой литературный источник указывает на необходимость сопоставления двух произведений, имея целью 1) настроить читателя на правильное восприятие содержания посредством формирования у него определенного горизонта ожидания, 2) заставить его воспринимать все описываемые события в системе связей с прецедентным текстом, проводя смысловые и сюжетные параллели между двумя произведениями.

Аналогичную функцию выполняет эпиграф, представляя собой, как правило, заимствованную цитату, намечающую более конкретные пути при поиске точек текстового соприкосновения, необходимых для правильного осмысления работы. Интертекстуальный эпиграф, как и интертекстуальное заглавие, подразумевает корреляцию пространственно-временных плоскостей произведения.

Список литературы

1. Евтюгина А.А. Текст и интертекст // Текст – 2000: Теория и практика. Междисциплинарные подходы: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть I / УдГУ. Ижевск, 2001. – С. 17–18.
2. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: INTRADA, 2001.
3. Клецкина О.А. Уровни и функционирование пространства текста. // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание. Новгород, 2003. – № 25. – С. 70–74.
4. Кондаков Б.В. Анализ художественного мира литературного произведения: методологический аспект // Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста и речи: Сборник статей Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Том 1. Соликамск, 2002. – С. 58–71.
5. Кремнева А.В. Роль заглавия в понимании смысла художественного текста. // Текст: структура и функционирование. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – Вып. 4. – С. 86–92.
6. Лушникова Г.И. Интертекстуальность художественного произведения. Кемерово: КемГУ, 1995.
7. Мальченко А.А. «Чужое слово» в заглавии художественного текста // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – СПб.: «Образование», 1993. – С. 76–82.
8. Морженкова Н.В. Интертекстуальное основание романа М. Каннингема «Часы». // Дискурсивный континуум: Текст – интертекст – гипертекст / Материалы Всероссийской научной конференции (май 2006 г.) – Самара: Изд-во СГПУ, 2007. – С. 331–337.
9. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. – СПб.: Невский Простор, 2001а.
10. Скоропанова И.С. Цитатные заглавия русских постмодернистов. // И.С. Скоропанова. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. – СПб.: Невский Простор, 2001б. – С. 367–372.
11. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
12. Allen G.W. The Solitary Singer: A critical biography of Walt Whitman. New York: The Macmilan Co, 1955.
13. Cunningham M. Specimen Days. London, New York, Toronto and Sydney: Harper Perennial, 2006.
14. Cunningham M. The Hours. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002.

Обозначение эмоциональной привязанности в русском языке

Статья посвящена исследованию лексико-фразеологических средств объективации концепта «эмоциональная привязанность» в русском языке. Работа выполнена в рамках когнитивной лингвистики. В статье выявлено номинативное поле концепта. В результате определены его ядро и периферия.

The article deals with lexical-phraseological means of the objectification of the concept "emotional attachment" in the Russian language. This work is carried out in the framework of cognitive linguistics. The article reveals the nominative field of the concept. As a result, its core and peripherals are defined.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, объективация, ядро, периферия, номинативное поле, концептуальные признаки.

Key words: cognitive linguistics, concept, objectification, core, periphery, nominative field, conceptual features.

Данная работа посвящена исследованию лексико-фразеологических средств объективации концепта «эмоциональная привязанность» в русском языке.

В понимании термина *концепт* мы следуем концепции теоретико-лингвистической школы Воронежского университета под рук. проф. З.Д. Поповой, в которой концепт определяется как *«дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету»* [2, с. 34]. Концепт имеет средства языковой объективации, именуемые номинативным полем концепта. Анализ семантики единиц номинативного поля с последующей когнитивной интерпретацией полученных результатов позволяет моделировать содержание и структуру исследуемого концепта в языковом сознании народа.

Большой интерес представляет выявление содержания и структуры такого концепта как «эмоциональная привязанность» в силу его высокой субъективности и вместе с тем широкой употребительности номинирующих его единиц в речи, и, прежде всего, ключевой лексики «любовь».

Для выявления номинативного поля концепта «эмоциональная привязанность», прежде всего, необходимо выявить синонимы ключевого слова-номинанта концепта. В результате обработки данных Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова выделен ряд лексем, к которым были также добавлены однокоренные слова. В результате в номинативное поле концепта «эмоциональная привязанность» вошли следующие лексемы (47): *амуры, благоволение, благоволить, благорасположение, благосклонный, доброжелательство, доброжелательный, доброжелатель, вожделение, вожделенный, вожделеть, влечь, влечение, завлечь, увлечь, увлечься, увлеченный, увлечение, любовь, любить, любимый, любвеобильный, влюбить, влюбиться, влюбленный, влюбленность, влюбчивый, мания, манить, порыв, привязанность, привязаться, страстность, преданность, преданный, расположение, расположенный, расположить, симпатия, симпатизировать, склонность, страсть, страстный, стремление, тяготение, тяготеть, эмоциональный.*

На следующем этапе были проанализированы словарные дефиниции лексем, объективирующих концепт «эмоциональная привязанность», а также фразеологизмы и поговорки, в которых встретились данные лексемы. В ходе анализа дефиниций выяснилось, что не все однокоренные слова и синонимы объективируют концепт «эмоциональная привязанность». К примеру, лексема «*склонность*», являющаяся по данным словаря синонимом лексемы «любовь», является компонентом номинативного поля другого, близкого по содержанию концепта «предрасположенность, расположение к чему-либо» (например, *склонность к полноте, склонность к самоанализу*).

Из номинативного поля исследуемого концепта на данном этапе были исключены лексемы *привязанность, мания, манить,*

пристрастие, склонность, страстный, стремление, стремиться, тяготеть.

Анализ семантики и когнитивная интерпретация выявленных в результате анализа семантических компонентов позволила выявить совокупность когнитивных признаков, образующих концепт «эмоциональная привязанность» в языковом сознании.

На данном этапе в результате анализа словарных дефиниций единиц номинативного поля выявлены следующие признаки концепта «эмоциональная привязанность»:

1. предполагает любовные похождения, предполагает ухаживание (*амуры разводить*),

2. чувство к кому-н., предполагает доброжелательное отношение к кому-н., предполагает благосклонность (*благоволение*),

3. предполагает доброжелательное отношение к кому-н., предполагает благосклонность (*благоволить*),

4. чувство к кому-н., предполагает хорошее отношение к кому-н., интенсивность чувства (*благорасположение*),

5. благожелательное отношение к кому-н., предполагает доброжелательное отношение к кому-н. (*благосклонный*),

6. чувство к кому-н., предполагает доброжелательное отношение к кому-н. (*доброжелательство*),

7. предполагает доброжелательное отношение к кому-н., благожелательное отношение к кому-н., предполагает содействие (*доброжелательный*),

8. предполагает доброжелательное отношение к кому-н. (*доброжелатель*),

9. чувство к кому-н., страстное, предполагает желание, страстно ожидаемое, неконтролируемое, чувственное, очень сильное, предполагает влечение (*вожделение*),

10. предполагает желание, чувственное, очень сильное чувство, страстное, страстно ожидаемое, неконтролируемое (*вожделенный*),

11. страстное, предполагает желание, предполагает влечение, чувственное, очень сильное, неконтролируемое (*вожделеть*),

12. увлекающее кого-н., манящее кого-н. (*влечь*),

13. чувство к кому-н., сильное, предполагает склонность к кому-л. (*влечение*),

14. манящее кого-н., увлекающее кого-н. (*завлечь*),

15. может побуждать к чему-н., чувство влюбленности, можно заставить влюбиться, непостоянное, недолгое (*увлечь*),

16. искреннее, эмоциональное, предполагает влечение к кому-н., непостоянное, недолгое (*увлечься*),

17. чувство к кому-н., искреннее, эмоциональное, предполагает влечение к кому-н., непостоянное, недолгое (*увлечение*),

18. чувство, глубокое, эмоциональное, заключается в привязанности, предполагает направленность мыслей к кому-н., предполагает стремление быть рядом с кем-н. физически, сильное, предполагает расположение к кому-н., предполагает предмет любви, искреннее, самоотверженное (*любовь*).

Со словом *любовь* выявлены многочисленные паремии, анализ которых также пополняет состав когнитивных признаков исследуемого концепта:

- страх разрушает чувство (*Всяк страх изгоняет любовь*),
- может приносить горе, несчастье (*Где любовь, там и напасть. Полюбив, нагорюешься*),

- предполагает согласие (*Где любовь, там и совет*),

- основано на совести (*Где совестно, там и любовно*),

- дается Богом (*Где любовь, тут и Бог. Бог - любовь*),

- церковное венчание еще не гарантирует любовь (*Крестом любви не свяжешь*),

- предмет любви может меняться (*Лакома овца к соли, коза к воле, а девушка к новой любви*),

- имеет внешнее проявление (*Любви, огня да кашля от людей не спрячешь*),

- заметно окружающим (*Любви, огня да кашля от людей не спрячешь*),

- начинается со взгляда (*Любовь начинается с глаз. Глазами влюбляются*),

- трудно избавиться, сильное чувство, быстро не проходит (*Любовь не пожар, а загорится – не потушишь*),

- длительное (*Любовь - кольцо, а у кольца нет конца*),

- предмет любви может быть необъясним (*Любовь зла, полюбит и козла*),
- нерациональное чувство (*Любовь слепа. Любовь ни зги не видит*),
- высшая ценность (*Нет ценности супротив любви*),
- основано на одинаковых привычках (*Равные обычаи – крепкая любовь*),
- может приносить горе, несчастье (*У моря горе, у любви вдвое*),
- может быть в любом возрасте (*любви все возрасты покорны*),
- может быть поверхностной, легкомысленной (*крутить любовь*),

19. чувство, глубокое, эмоциональное, предполагает направленность мыслей к кому-н., предполагает стремление быть рядом с кем-н. физически, сильное, предполагает расположение к кому-н., предполагает предмет любви, искреннее, заключается в привязанности, самоотверженное (*любить*).

В паремиях с данным словом выявляются следующие когнитивные признаки:

- нельзя заставить полюбить (*Бояться себя заставишь, а любить не принудишь*),
- может привести к гибели (*И любишь, да губишь*),
- можно разрушить (*Кабы люди не сманили, и теперь бы любила*),
- любовь и критика неразделимы (*Кого журят, того и любят, Кого журю, того люблю*),
- любимого человека бьют (*Кто кого любит, тот того и бьет. Кого люблю, того и бью*),
- любовь к девушкам приносит мучения, любовь к молодым женщинам приносит успокоение (*Кто любит девушек – на мученье души; кто любит молодухек – на спасенье души*),
- предполагает ответное чувство, взаимность (*Любила, а ничем не подарила*),
- предполагает физические столкновения (*Любит (Люби), как душу, а трясет (тряси), как грушу*),

- любовь может быть ложной (*Любит, как волк овцу. Любит и кошка мышку*),
- переживать за других (*Любить – чужое горе носить; не любить – свое сокрушить!*),
- предполагает трудности (*Любить тяжело; не любить тяжело того*),
- предполагает внимание (*Любить хоть не люби, да почаще взглядывай!*),
- бывает разная (*Мать дитя любит, и волк овцу любит*),
- глубоко радуется, приносит радость (*Милее всего, кто любит кого*),
- любовь и горе приходят к каждому (*Нельзя не любить, да нельзя и не тужить*),
- предполагает терпение и огорчения (*От того терплю, кого больше люблю*),
- любить надо молодых (*Пей вино, да не брагу; люби девку, а не бабу*),
- оставляет длительные воспоминания (*Старая любовь долго помнится. Люби, да помни*),
- предметом любви может быть не лучший человек (*Полюбится сова лучше ясного сокола*),
- у любящего теплая рука (*Тепла рука у милого, так любит*),
- любить трудно, не видеться с предметом любви мучительно (*Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не видит его*),
- любить трудно, а не любить – еще мучительнее (*Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не любит никого*),
- чувство к чужому мужу губительно (*Чужого мужа полюбить – себя погубить*),
- непостоянное чувство (*Цвели цветики, да поблекли; любил молодец красну девицу, да покинул*),
- 20. чувство, заключается в привязанности (*любимый*),
- 21. сильное, может быть несколько предметов любви (*любвеобильный*),
- 22. можно внушить чувство любви, привязанность (*влюбить*),

23. может быть страстным, возникает внезапно, непостоянное, недолгое (*влюбиться*).

Когнитивные признаки из паремий:

- возникает внезапно (*Влюбился, как мышь в короб ввалился*),
- возникает внезапно (*Влюбился, как сажа в рожу вlepился*),
- чувство начинается со взгляда (*Любовь начинается с глаз. Глазами влюбляются*),

24. страстное, предполагает влечение к кому-н., непостоянное, недолгое (*влюбленный*),

25. чувство любви, страстное, предполагает влечение к кому-н., непостоянное, недолгое (*влюбленность*),

26. может возникнуть внезапно, предмет любви может часто меняться (*влюбчивый*),

27. чувство, сильное, мгновенно проявляющееся, душевный подъем, предполагает стремление сделать что-н. (*порыв*),

28. предполагает чувство близости к кому-н., основано на преданности к кому-н., предполагает симпатию к кому-н. (*привязанность*),

29. предполагает чувство близости к кому-н., основано на преданности к кому-н., предполагает симпатию к кому-н. (*привязаться*),

30. чувство к кому-н., основано на верности по отношению к кому-н., чувство любви, сильное, постоянное (*преданность*),

31. основано на верности отношению к кому-н., сильное, постоянное (*преданный*),

32. чувство к кому-н., отношение к кому-н., предполагает хорошее отношение к кому-н., предполагает симпатию к кому-н., предполагает влечение к кому-н., предполагает стремление к кому-н., потребность в ком-н., интенсивность чувства (*расположение*),

33. предполагает хорошее отношение к кому-н., предполагает симпатию к кому-н., предполагает влечение к кому-н., предполагает стремление к кому-н., потребность в ком-н., интенсивность чувства (*расположенный*),

34. можно вызвать чувство, можно побудить к чему-н., предполагает благоприятное отношение к кому-н. (*расположить*),

35. чувство, очень сильное, чувственное, предполагает влечение, склонность к кому-н. (*страсть*),

36. чувство, влечение к кому-н., предмет расположения, интенсивность чувства (*симпатия*),

37. предполагает влечение к кому-н., предмет расположения, предполагает хорошее отношение к кому-н., интенсивность чувства (*симпатизировать*),

38. чувство к кому-н., влечение к кому-н., потребность в ком-н. (*тяготение*),

39. подверженность эмоциям (*эмоциональный*).

Отмечаем широкую объективацию, представленную 39-ью лексемами, т.е. номинативное поле довольно объемное. Однако в паремиях встречаются далеко не все слова, репрезентирующие концепт «эмоциональная привязанность» – это лишь лексемы «любовь», «любить», «влюбиться». Остальные единицы номинативного поля концепта «эмоциональная привязанность» в пословицах и поговорках не встретились, из чего следует, что эти лексемы имеют нулевую фразеологическую активность. Однако в составе одной из поговорок была обнаружена имеющая в словаре помету «просторечие» лексема «*втюриться*», которая не была выявлена в ходе лексикографического анализа: «Втюрился, как рожей в лужу».

В ходе анализа выделено 97 концептуальных признаков.

Концепт может быть описан как полевая структура – в терминах ядра и периферии. На следующем этапе был рассчитан индекс яркости каждого из выделенных когнитивных признаков как отношение количества актуализаций данного признака в лексемах, фразеологизмах и паремиях к общему числу проанализированных лексем, фразеологизмов и паремий (86 единиц).

На основании относительной яркости когнитивных признаков была проведена полевая стратификация концепта «эмоциональная привязанность» и выделено его ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия.

В **ядро** концепта вошли следующие признаки: чувство к кому-н. (0,19), предполагает влечение (0,13), сильное (0,10).

На **ближней периферии** находятся признаки: предполагает доброжелательное отношение к кому-н. (0,08), непостоянное (0,06) страстное (0,06).

К **дальней периферии** относятся признаки: предполагает симпатию к кому-н. (0,04), интенсивность чувства (0,04), предполагает хорошее отношение к кому-н. (0,04), очень сильное (0,04), искреннее (0,04), эмоциональное (0,04), возникает внезапно (0,04), может принести горе, несчастье (0,04), предполагает предмет любви (0,03), чувственное (0,03), неконтролируемое (0,03), предполагает желание (0,03), предполагает физические столкновения (0,03), глубоко радуется, приносит радость (0,03), потребность в ком-н. (0,03), предполагает благосклонность к кому-н. (0,02), благожелательное отношение к кому-н. (0,02), увлекающее кого-н. (0,02), предполагает согласие (0,02), манящее кого-н. (0,02) предполагает склонность к кому-л. (0,02), может побуждать к чему-н. (0,02), глубокое (0,02), начинается со взгляда (0,02), предполагает направленность мыслей к кому-н. (0,02), предполагает стремление быть рядом с кем-н. физически (0,02), страстно ожидаемое (0,02), оставляет длительные воспоминания (0,02), предполагает чувство близости к кому-н. (0,02), самоотверженное (0,02), предполагает ссоры (0,02), основано на верности по отношению к кому-н. (0,02), постоянное (0,02), предполагает терпение к недостаткам (0,02), недолгое (0,02), заключается в привязанности (0,02), основано на преданности (0,02).

К **крайней периферии** относятся признаки: предполагает любовные похождения (0,01), предполагает ухаживания (0,01), предполагает содействие (0,01), чувство влюбленности (0,01), можно заставить влюбиться (0,01), предполагает расположение к кому-н. (0,01), страх разрушает чувство (0,01), основано на совести (0,01), дается Богом (0,01), церковное венчание еще не гарантирует любовь (0,01), предмет любви может меняться (0,01), имеет внешнее проявление (0,01), заметно окружающим (0,01), трудно избавиться (0,01), быстро не проходит (0,01), длительное (0,01), предмет любви может быть необъясним (0,01), нерациональное чувство (0,01), высшая ценность (0,01), основано на одинаковых привычках (0,01), основополагающее чувство (0,01),

может быть в любом возрасте (0,01), может быть легкомысленной и поверхностной (0,01), нельзя заставить полюбить (0,01), может привести к гибели (0,01), можно разрушить (0,01), любовь и критика неразделимы (0,01), любимого человека бьют (0,01), любовь к девушкам приносит мучения (0,01), любовь к молодым женщинам приносит успокоение (0,01), предполагает ответное чувство, взаимность (0,01), предполагает благодарность (0,01), любовь может быть ложной (0,01), переживать за других (0,01), предполагает трудности (0,01), предполагает внимание (0,01), бывает разная (0,01), любовь и горе приходят к каждому (0,01), предполагает терпение и огорчения (0,01), любить надо молодых (0,01), предметом любви может быть не лучший человек (0,01), у любящего теплая рука (0,01), любить трудно (0,01), не видеться с предметом любви мучительно (0,01), любить трудно, а не любить - еще мучительнее (0,01), чувство к чужому мужу губительно (0,01), может быть несколько предметов любви (0,01), чувство любви можно внушить (0,01), привязанность (0,01), может быть страстной (0,01), мгновенно проявляющееся (0,01), душевный подъем (0,01), предполагает стремление к кому-н. или стремление сделать что-н. (0,01), предполагает благоприятное отношение к кому-н. (0,01).

Также был высчитан совокупный индекс яркости отдельных зон концепта:

- ядро - 0,42;
- ближняя периферия - 0,20;
- дальняя периферия - 0,97;
- крайняя периферия - 0,54.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что все зоны концепта различаются по яркости, при этом ближняя периферия имеет наименьшую яркость. Яркость ядра сравнительно невелика, а наиболее яркими оказываются зоны дальней и крайней периферии. Также обращает на себя внимание тот факт, что большинство концептуальных признаков, находящихся на крайней периферии, выделены преимущественно из паремий, большинство из которых в современном языке не употребляется. Заметная совокупная яркость признаков дальней и крайней пери-

ферии концепта свидетельствует о том, что большая часть когнитивных признаков концепта при их объективации в языковых единицах находит актуализацию лишь в немногочисленных единицах номинативного поля, и, следовательно, эти когнитивные признаки не являются существенными для исследуемого концепта в языковом сознании народа. Данные признаки требуют верификации контекстуальным или психолингвистическим анализом.

Отметим, что по лексикографическим данным концепт *эмоциональная привязанность* выступает как неочечный концепт, что находится в определенном противоречии с эмпирическими представлениями носителей языка. В связи с этим лексикографический анализ концепта следует признать недостаточным, результаты должны быть дополнены контекстуальным анализом единиц номинативного поля в контекстах разных жанров, а также психолингвистическим анализом единиц номинативного поля.

Список литературы

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов – 7-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, 1999.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: «Восток-Запад», 2007.

Фреймовая интерпретация парадоксальных суперструктур

В статье «Фреймовая интерпретация парадоксальных суперструктур» рассматривается современный английский парадокс, представляющий собой сложную иерархическую фреймовую структуру двух основных типов, исследуются когнитивные модели, лежащие в основе каждого из двух выделенных типов, логическая формула и типы противоречивости, составляющие основу частных когнитивных моделей, а также приводится обоснование выбранного метода анализа парадокса. В статье приводятся некоторые результаты сопоставительного анализа современного английского парадокса с классическим парадоксом XIX века, на основе которых выявляется модификация современного английского парадокса относительно его традиционной когнитивной структуры.

The article «Frame interpretation of paradoxical superstructures» deals with the paradox presented as complex hierarchical frame structure of two basic types. The article researches cognitive models underlying each of the two types, the logic formula and the types of inconsistency making a basis of the specific cognitive models, and also the substantiation of the chosen method of the analysis of the paradox is given. The author presents some results of the comparative analysis of the modern English paradox and the classical paradox of the XIX century, which elicit the modification of the modern paradox in relation to its traditional cognitive structure.

Ключевые слова: парадокс, когнитивный подход, концептуализация, фрейм, когнитивная карта, скрипт, суперфрейм, противопоставление, фреймовая интерпретация, когнитивная модель, противоречивость, логическая формула, скетч.

Key words: paradox, cognitive approach, conceptualization, frame, cognitive map, script, superframe, contraposition/ contrast, frame interpretation, cognitive model, inconsistency, logic formula, sketch.

Основу когнитивной лингвистики составляет концептуальный анализ языка, который включает исследование разнообразных видов ментальных структур, а также различные способы репрезентации этих структур. При этом выделяется два способа восприятия и обработки получаемой информации – категоризация и концептуализация.

При категоризации человек структурирует мир, то есть выражает в языке иерархические отношения типа: общее-частное, класс-член класса и т.д. Структурированность и упорядоченность мира заставляет находить, выделять и обозначать тот или иной объект реальности. Концептуализация же всегда соотносится с субъектом. Категории образуются вокруг концептов, входят в них и являются их «строительным материалом». Концепты в свою очередь образуются благодаря процессу познавательной деятельности человека, под которым подразумевается осмысление окружающей действительности. Концептуализация – это видение, восприятие и организация мира, и каждый естественный язык отражает определенный способ понимания. Как отмечает Е.С. Кубрякова, концептуализация и категоризация «различаются по конечному результату и/ или цели деятельности. Первое направлено на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второе – на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды» [1, с. 93].

Концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию представлений о мире в виде концептов. Категоризация – это деление мира на категории, то есть выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий, включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или концептов. Вместе с тем категоризация как познавательный процесс – это мысленное соотнесение объекта или события с определенной категорией [2, с. 120].

Различные типы знаний хранятся в памяти в виде единиц представления знаний о стереотипных ситуациях, входящих в систему общих знаний о мире и фрагменте реальной действительности. Фреймовая модель представления знаний основывается на теории фреймов М. Минского и представляет психологическую (когнитивную) модель памяти человека, в основе которой лежит положение о восприятии действительности через сопоставление имеющихся в памяти фреймов, каждый из которых связан с кон-

кретным концептуальным объектом памяти, и информацией, получаемой из мира действительности [3].

Наряду с фреймом в когнитивной лингвистике, как правило, выделяются: сценарий, когнитивная карта, когнитивная схема, скрипт, ситуационные модели. Когнитивная карта является общим понятием для фрейма и сценария. Исследуя структуру когнитивного ментального опыта, М.А. Холодная отмечает, что когнитивная карта представляет собой ориентировочные когнитивные схемы, связанные с перемещением в окружающей среде, то есть когнитивная карта – это «два в одном»: фрейм + сценарий. Карта – это пространственная характеристика, а движение по ней – временная [9]. Как и фрейм, скрипт является когнитивной структурой в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов [10], однако представляет собой более сложную структуру.

Базу знаний можно представить как открытый для пополнения комплект фреймов, где фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации. Связь набора фреймов с базой знаний устанавливает систему фреймов, предполагающую существование определенной иерархии ее элементов – вложенные фреймы (субфреймы), фреймы и суперфреймы, которая позволяет представить в виде фрейма смысл слова, синтагмы, высказывания и т.д. Между фреймами устанавливаются связи на основе сочетаемости (синтагмы), аналогии (однородные члены), противопоставления (отрицательные конструкции), которые могут быть описаны в терминах фреймовой интерпретации [3].

Отсюда следует, что парадокс может быть представлен как иерархическая фреймовая структура, т.е. как суперфрейм, который выстраивается на основе логической связи входящих в него противопоставленных фреймов, и который мы называем **парадоксальным суперфреймом (ПСФ)**. Соотношение вложенных фреймов (или субфреймов) является достаточно сложным, поскольку одни элементы могут проецироваться на другие и вся их полнота может быть недоступной с той или иной точки зрения. При

этом существует такая точка наблюдения, из которой будут видны все элементы и их иерархия, которая выявляется на уровне фреймовой интерпретации.

Исследование когнитивной структуры парадокса на материале текстов современных английских авторов-пародистов Стивена Фрая и Хью Лори показало, что именно когнитивная карта и скрипт являются базовыми когнитивными структурами, лежащими в основе парадокса, определяемого на основе дифференциации двух основных типов суперфрейма: **ПСФ**-когнитивная карта и **ПСФ**-скрипт. Критерий различения двух типов парадокса состоит в том, что **ПСФ**-когнитивная карта в языковом плане не имеет конкретного эксплицитного выражения, противоположные аксиомы выражены на уровне сценария текста, в то время как **ПСФ**-скрипт имеет конкретное языковое выражение и встречается в пределах микро-текста (в основном на уровне фразы или предложения). Представленное разделение парадокса на два типа отражает когнитивную структуру современного парадокса.

В результате исследования обнаружено, что **ПСФ**-когнитивная карта реализуется на уровне всего текста в целом, а именно скетча, поскольку исследование парадокса данного типа проводилось на материале скетчей английских писателей Стивена Фрая и Хью Лори. В основе парадокса **ПСФ**-когнитивная карта лежит **когнитивная модель** ($\text{paradox} = A + \text{не-}A$), являющаяся двучастной и характеризующаяся либо *парадоксальным синтезом имплицитной и эксплицитно-моделируемой аксиом* (т.е. эксплицитно выражена только одна из двух аксиом), либо *парадоксальным синтезом эксплицитно-моделируемых аксиом* (обе аксиомы выражены эксплицитно). Проведенный анализ парадоксальных суперфреймов показывает, что из общего количества **307 ПСФ**-когнитивная карта **146** характеризуются парадоксальным синтезом эксплицитных аксиом, для **161** парадоксальным синтезом имплицитной и эксплицитной аксиом.

Как и для парадокса первого типа, для **ПСФ**-скрипта характерна базовая **когнитивная модель**: $\text{paradox} = A + \text{не-}A$, но в конкретном контексте она имеет варианты, совершенно отличные от частных когнитивных моделей, лежащих в основе парадокса

«когнитивная карта». В данном случае выделяются три основных типа: *линейный парадоксальный синтез эксплицитных аксиом*, *парадоксальный синтез имплицитной и эксплицитной аксиом* и *хиазматический парадоксальный синтез частично-имплицитных аксиом*. Первый тип парадоксального синтеза имеет линейную двучастную структуру, состоящую из двух противоположных аксиом, каждая из которых выражена эксплицитно. Второй тип парадоксального синтеза так же имеет линейную двучастную структуру, состоящую из двух противоположных аксиом, одна из которых выражена имплицитно, а вторая – эксплицитно. Хиазматический парадоксальный синтез частично-имплицитных аксиом, характеризующийся наличием редуцированных членов, обладает четырехчастной структурой (две противоположные аксиомы + две аналитические аксиомы) и является нелинейной структурой, поскольку ее элементы находятся в перекрестном соотношении.

Каждый тип в зависимости от контекста реализуется в виде частных моделей, лежащих в основе конкретного ПСФ-скрипта. *Линейный парадоксальный синтез эксплицитных аксиом* реализуется в виде одной частной модели: **модель m_1** ($\text{paradox} = A + \text{не-}A$), это парадокс в чистом виде. Модель *парадоксального синтеза имплицитной и эксплицитной аксиом* сводится к следующей формуле: **модель m_1** ($\text{paradox} = A1 + \text{не-}A$), где $A1$ соответствует A базовой модели и является имплицитной. *Хиазматический парадоксальный синтез частично-имплицитных аксиом* включает в себя следующие частные модели: **модель m_1** ($\text{paradox} = A1 + AA2$, где $AA2$ является аналитической аксиомой, выводимой из $\sim A2$, причем аксиома 2 и аналитическая аксиома 1 являются имплицитными), **модель m_2** ($\text{paradox} = AA1 + \sim A2$, где $AA1$ является аналитической аксиомой, выводимой из $A1$, причем аксиома 1 и аналитическая аксиома 2 имплицитны). При этом $A1$ соответствует A базовой модели, $\sim A2$ соответствует $\text{не-}A$ базовой модели.

Каждый тип парадокса характеризуется свойственной только ему логической формулой и набором типов противоречивости. **Обоснование** данного метода анализа основывается на противоречии парадокса четырем законам классической логики. Как из-

вестно, наша повседневная логика, называемая формальной/классической, традиционной, Аристотелевой, строится на основе четырех законов: закон тождества (всякий предмет равен самому себе, или A есть A); закон противоречия (два суждения, одно из которых является отрицанием другого, не могут быть вместе истинными (одно из них ложно)); закон исключенного третьего (два суждения, одно из которых является отрицанием другого, не могут быть вместе ложными (одно из них истинно), третьего не дано); закон достаточного основания (суждение может рассматриваться как достоверно истинное только при условии, если оно обосновано другими мыслями, истинность которых установлена) [11]. Парадокс противоречит всем четырем законам традиционной логики, в силу чего она всегда пытается от него избавиться и парадокс может существовать только в нетрадиционной логике (многозначные логики, паранепротиворечивая логика). Основываясь на этом несоответствии, мы выводим типы противоречивости и логическую формулу парадокса.

Противоречивость, лежащая в основе когнитивной модели **ПСФ-когнитивная карта**, может быть субъектной, объектной, причинно-следственной, двойной субъектно-игровой, причем последняя свойственна только парадоксу данного типа и включает смену планов представления, когда одни и те же люди в пределах одного скетча одновременно выступают в качестве его персонажей и как актеры, играющие в этом скетче. **Логическая формула** для парадокса данного типа включает в себя два пункта: 1) нетождественность, представленная многоликостью ($A = A_1 = A_2 = \dots$); 2) допустимость исключенного третьего, причем третье может быть отлично от A и от не- A , слито с A и не- A или результатом вытеснения одной противоположности другой.

Список типов **противоречивости**, лежащей в основе когнитивной модели **ПСФ-скрипта**, включает в себя больше компонентов по сравнению с парадоксом первого типа: противоречивость может быть субъектной, объектной, причинно-следственной, временной и пространственной. **Логическая формула** для парадокса этого типа также является более усложненной и включает в себя три пункта: 1. нетождественность, представленная, во-первых,

многоликостью ($A = A_1 = A_2 = \dots$), во-вторых, чистым парадоксом ($A = \text{не-}A$) либо без посредствующих звеньев, либо с посредствующими звеньями, либо парадоксом типа сравнения (A как $\text{не-}A$); 2. допустимость исключенного третьего, причем третье может быть отлично от A и от $\text{не-}A$, слито с A и $\text{не-}A$ или результатом вытеснения одной противоположности другой (данный пункт является неизменной характеристикой парадокса любого типа); 3. отсутствие достаточных оснований (характерен только для данного типа парадокса и является его характеристикой, только если противопоставляемые аксиомы представляют собой субъективное мнение героев, эксплицитно выраженное в тексте/ имеющее конкретное языковое выражение, поскольку в таком случае не представляется возможным доказать или опровергнуть истинность ни одного из утверждений).

В качестве примера **ПСФ-когнитивная карта** приводим следующий парадокс:

Chicken: [7, с. 28–30] «Цыпленок»

Объектная противоречивость образуется за счет реплики, принадлежащей официанту: «You never knew, did you? You thought lettuces just came in little sterilised polythene bags, and grew on supermarket shelves. Never occurred to you that a lettuce might have feelings, hopes, dreams, a family...» («Вы ведь и не знали, верно? Вы думали, латук появляется на свет в стерилизованных полиэтиленовых пакетиках с землей и подрастает на полках супермаркетов. Вам даже в голову не приходило, что и у латука могут быть чувства, надежды, мечты, семья, наконец...», [4, с. 312]). Т.е. парадокс (представление образа салата-латука) = A (салат как неживой объект) [мнение посетителей ресторана, общепринятое мнение] + $\text{не-}A$ (салат как живой объект) [кричит, ведет себя как живое существо – мнение официанта]. Парадоксальный синтез эксплицитно-моделируемых аксиом: paradox = $A + \text{не-}A$.

1. Парадокс представляет собой исключенное третье, слитое с A и $\text{не-}A$.
2. Нетождественность: многоликость: салат-латук (A) = салат как неживой объект (A_1) = салат как живой объект (A_2).

Примером **ПСФ-скрипта** является парадокс:

Satire/Tribute: [8, с. 104-106] «Сатира/Дань»

Субъектная противоречивость образуется за счет реплики героя: «I'm so terribly clever, you see. That's one of the things I really admire about myself. I have this extraordinary ability to see, after the event, why something didn't work, and communicate it so wittily. I really am fabulous...» («Я ужасно умен, понимаете? Это одна из тех вещей, которыми я в себе восхищаюсь. У меня есть эта уникальная способность видеть, после случившегося, почему что-то не сработало и разумно этим распоряжаться. Я бесподобен...» [перевод наш]). Т. е. paradox (герой) = A1 (герой, являющийся умным) + AA2 (герой, способный видеть, после случившегося, почему что-то не сработало). Хиазматический парадоксальный синтез частично-имплицитных аксиом: **модель m_1** (paradox = A1 + AA2, где AA2 является аналитической аксиомой, выводимой из $\sim A_2$, причем аксиома 2 и аналитическая аксиома 1 являются имплицитными, A1 соответствует A базовой модели, $\sim A_2$ соответствует не-A базовой модели). A1 (герой, являющийся умным); $\sim A_2$ (герой, не являющийся умным); AA1 (герой, способный предвидеть последствия перед тем, как что-то случается); AA2 (герой, способный видеть, после случившегося, почему что-то не сработало).

1. Парадокс представляет собой исключенное третье, слитое с A и не-A.
2. Нетождественность: многоликость: герой (A) = герой, являющийся умным (A_1) = герой, способный видеть, после случившегося, почему что-то не сработало (A_2).

Для сравнения в ходе исследования нами был проведен сопоставительный анализ современного английского парадокса с классическим парадоксом XIX века на основе афористических текстов английских писателей Оскара Уайльда [5] и Джорджа Бернарда Шоу [6], которые отличаются наличием большого числа парадоксов. В результате сопоставления были выявлены некоторые закономерности, которые можно определить как обратно пропорциональное соотношение. Из 70 проанализированных парадоксов О. Уайльда и Б. Шоу, согласно предлагаемой классификации относящихся к типу **ПСФ-скрипт**, 46 % характеризуются хиазматическим парадоксальным синтезом частично-имплицитных

аксиом, 35 % – парадоксальным синтезом имплицитной и эксплицитной аксиом, 19 % – линейным парадоксальным синтезом эксплицитных аксиом. При сопоставлении с результатами анализа того же количества **ПСФ-скриптов** в текстах Стивена Фрая и Хью Лори выявлено, что хиазматический парадоксальный синтез частично-имплицитных аксиом составляет 18 %, парадоксальный синтез имплицитной и эксплицитной аксиом – 21 %, линейный парадоксальный синтез эксплицитных аксиом – 61 %.

Сопоставительный анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы. В современных текстах постмодернизма преимущественно используется тип **ПСФ-скрипта**, имеющий в своей основе более простую когнитивную структуру, что обусловлено тенденцией к изменению культуры языка в целом, проявляющуюся в некотором упрощении. Использование хиазматической четырехчастной когнитивной структуры придает парадоксу XIX века оттенок изысканности, который постепенно утрачивается в современных текстах.

Вторая тенденция касается **ПСФ-когнитивная карта** и связана с популяризацией скетча как литературного и телевизионного жанра. Скетч, появление которого датируется XIX – началом XX века, изначально был короче рассказа и отличался от него, но впоследствии был включен в термин «short story» [12]. Широкое распространение скетчей на современном этапе развития литературных жанров приводит к тому, что в количественном отношении использование парадокса первого типа превосходит употребление его в произведениях классиков английской литературы XIX века.

Таким образом, парадоксальный синтез аксиом коррелирует со структурированием информации в нашем сознании в целом, то есть при анализе когнитивных структур парадокса на первый план выдвигается концептуализация, связанная со структурированием знаний и поиском смыслов. Фреймовая модель представления знаний лежит и в основе парадокса, который может быть представлен в виде парадоксального суперфрейма (**ПСФ**), представляющего собой иерархическую фреймовую структуру, в которой логическая связь вложенных фреймов выстраивается на основе противопоставления, парадоксальный суперфрейм представлен

двумя типами: **ПСФ**-когнитивной картой и **ПСФ**-скриптом. Последний имеет конкретное языковое выражение и встречается в пределах микротекста (в основном на уровне фразы или предложения). **ПСФ**-когнитивная карта функционирует на уровне текста/ скетча в целом и в основе своей имеет более простые когнитивные модели, чем **ПСФ**-скрипт. Типы противоречивости, лежащие в основе когнитивной структуры **ПСФ**-скрипта, и его логическая формула являются более сложными, чем у парадокса первого типа, и обусловлены противоречием парадокса четырьмя законам классической логики. Представленное деление парадокса на два типа отражает когнитивную структуру современного парадокса, при использовании которого в текстах постмодернизма прослеживаются две тенденции: преимущественное использование типа **ПСФ**-скрипта, имеющего в своей основе более простую когнитивную структуру и увеличение частотности употребления **ПСФ**-когнитивная карта по сравнению с частотностью использования этого типа парадокса в текстах английских писателей XIX века.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. ISBN: 5-89042-018-6
2. Манерко Л.А. Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения. Лексикология. Терминоведение. Стилистика. – М., 2003.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. ББК 32.816
4. Стивен Фрай и Хью Лори. Шоу Фрая и Лори // перевод с английского С. Ильина. М., Фантом Пресс, 2008. ISBN 978-5-86471-461-4
5. Уайльд, Оскар. Парадоксы// сборник/ на англ. и рус. яз. – СПб., «АНИМА», 2002. ISBN 5-94320-012-6
6. Шоу Джордж Бернард. Изречения / на англ. и рус. яз. Под ред. Бобрыкиной Т.А. – СПб., «АНИМА», 2003. ISBN 5-94320-023-1
7. Stephen Fry and Hugh Laurie. A Bit of Fry & Laurie, <http://www.geocities.com/mmemym/>
8. Stephen Fry and Hugh Laurie. A Bit of Fry & Laurie 2, <http://www.geocities.com/mmemym/>
9. Холодная М.А. Ментальные структуры <http://diabet.ru/IntellectXXX/15%2005%20Strukt.htm>
10. Фреймы, сценарии и ситуационные модели. <http://lingeru.ru/frejmyi,-scenarii-i-situacionnyie-modeli?page=2>
11. Волков А.А. Курс русской Риторики/ Глава: логические основы аргументации. <http://klikovo.ru/db/msg/2821>
12. Sketch story. http://en.wikipedia.org/wiki/Sketch_story

Когнитивная оценка оптимизации смешанного перевода

В данной статье в рамках когнитивной аксиологической проблематики рассматривается комплексная оценка соответствия текстов межкультурной коммуникации. Оценка основана на когнитивно-машинном подходе и формализмах теории нечетких множеств. Цель оптимизации смешанного перевода представлена нечетким множеством пространства несоответствий. Рассмотрены процессы различных переводов и их оценки при нескольких значениях лингвистической переменной.

The article deals with the complex estimation of the intercultural communication texts conformity within the cognitive axiological issues. The estimation is based on cognitive-machine approach and the fuzzy sets formalisms. The purpose of the machine-aided translation optimization is represented by fuzzy set space inconsistencies. The processes of the various translations and their estimates for several values of linguistic variable are considered.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, несоответствия, нечеткое множество, лингвистическая переменная, смешанный перевод, оценка, терм, функция принадлежности.

Key words: cognitive linguistics, inconsistencies, fuzzy set, linguistic variable, machine aided translation, estimation, term, accessory function.

Перспективы использования искусственного интеллекта (ИИ) для перевода научно-инновационного текста связаны не только с исследованием методического потенциала компьютерных технологий, но и с интенсификацией когнитивных оценочных моделей и механизмов, которые, в частности, могут найти применение в процессах оптимизации переводческих процессов текстов и дискурсов, рассматриваемых как семиотические пространства знаков различной природы, сформированных с целью построения смыслов [12].

Аксиологические (общеоценочные и частнооценочные) подходы оценивают текст при помощи конвенциональных качественных описаний, либо по совокупности признаков, либо какой-либо аспект текста с определенной точки зрения, используя категории полноценности, адекватности и эквивалентности [14,1,8]. Данные

категории учитывают точность в передаче смыслового содержания, его функциональное соответствие [14], соответствие оригинала общепринятым нормам языка, выражение коммуникативных установок оригинала, соответствие и обеспечение прагматических задач максимального совпадения между содержаниями оригинала и перевода [8], наиболее возможную текстуальную аналогию, идентичное потенциальное воздействие, правильное соотношение между явлениями действительности и содержанием текста, либо между семантикой языковых единиц и его содержанием [6].

Перечисленные оценки ограничиваются рассмотрением языка, как замкнутой, изолированной системы, не связанной с человеком, либо связанной с ним на чисто интуитивном уровне, не предполагается деуникализации оценок не получает должного рассмотрения процесс формирования частных оценочных смыслов, не учитывается фактор случайности. Получаемые оценочные значения, характеризующие отношения между исходным текстом (ИТ) и его идеализированной моделью в иной картине мира, отличаются не принимаемой во внимание нечеткостью понятий, которые ориентированы только на компетенцию человека, и не поддаются математической формализации. Каждая личность имеет специфические особенности когнитивной системы и способы, осмысления текста, причем главные ориентационные шкалы могут варьироваться от личности к личности, а когнитивные ситуации, возникающие в процессе перевода, носят в значительной мере случайный характер. Практические субъективные оценки часто могут быть искажены неясным и нечетким восприятием объектов номинации, недостаточной информированностью о них, неудовлетворенностью словом, его номинацией в переводном тексте (ПТ), концептуальной неуместностью, стилистической отмеченностью и т. д. или их полным отсутствием в данном языке [4].

Анализ категории оценки свидетельствуют о том, что объективные и субъективные свойства оценки включают: основание и характер оценки, оценочный предикат, шкалу оценки с разными качественными степенями деуникализации оценки ПТ, норму и стереотип в имплицитном или эксплицитном виде [13,2], семантический и прагматический факторы [7], характеристики и параметры

ИТ и ПТ. Оценочные значения могут отражать когнитивные способности субъекта и одновременно объективные свойства оцениваемых реалий. Субъективность оценки заключается, как правило, в рассмотрении одного из признаков, сравниваемых объектов. Объективность обязательно ориентируется на стереотипы и определённую шкалу, предполагающую некоторую базовую переменную, общий признак для всех категорий шкалы. Оценка выражает отношение между реальностью и ее идеализированной моделью – некоторого образца, стандарта, нормы. Способ оценивания связан со знанием прототипических ситуаций и оценочных стереотипов [9,3,5].

В настоящее время в области фонологии, морфологии, синтаксиса и лексики, отчасти и в семантике успешно развивается искусственный интеллект (ИИ) и машинный перевод (МП), понимаемые как искусственно созданные системы, способные решать ряд лингвистические задач, бывших ранее, исключительно, прерогативой филологов [15]. Качество автоматизированного перевода существенно зависит от исходного текста, параметров системы МП, компетенции переводчика и характера их взаимодействий. Новые технологии, влияют на когнитивную систему человека, меняя его концептуальные основы деятельности, формируя новые системы глубинных фреймов, в терминалах которых укореняются маркеры компактных сценариев ИИ вместо объемных конкретных знаний естественного интеллекта (ЕИ). Этому способствует концепция смешанного перевода (СП) [10] - системы, взаимосвязанных объектов: подсистемы МП и человека, взаимодействующих в рамках эффективных стратегий и сценариев СП в параллельном когнитивно-машинном процессе идентификации, структуризации, переосмысления и интерпретации ИТ. Предполагается, что как структуры мышления, так и структуры процедурального знания ИИ могут быть описаны при помощи концептуальных моделей. Облегчая на этой основе соотнесение языковых данных с процессами человеческого мышления и ИИ, СП позволяет эффективно решать весь комплекс переводческих задач.

Для эффективного применения современных компьютерных технологий в СП необходимо использование формализованных

представлений реальной переводческой системы, адаптированных к последующему использованию в современных компьютерных средствах. Проблема оценки соответствия/несоответствия ИТ и ПТ может рассматриваться на основе анализа взаимосвязей между лингвистическими элементами (ЛЭ) множеств ИТ и ПТ. В этом смысле формализованным соответствием между множествами P и R ЛЭ (p, r) ИТ и ПТ может быть подмножество G прямого произведения этих множеств $G \subseteq P \times R$, если $(p, r) \in G$, то “ r соответствует p при соответствии G ”. Свойства элементов множеств и подмножеств удобно представлять при помощи векторных представлений и оценок, где вектор рассматривается как разновидность множества. Частными случаями соответствия являются отображения и преобразования текстов. Подмножество соответствия G должно отражать в языковом межкультурном общении сочетание вербального, когнитивного и интуитивного элементов, а при рассмотрении дискурса учитывать ситуационные обстоятельства.

В общем случае СП лингвистическое соответствие между элементами множеств P и R не является строго и полностью ни взаимно однозначным, ни функциональным (однозначным) соответствием, поскольку оно определено частично (для проекции G на P не полностью выполняется условие $\text{pr}_1 G = P$), не сюръективным, (поскольку для проекции G на R не полностью выполняется условие $\text{pr}_2 G = R$). Вследствие этого при рассмотрении соответствий ИТ и ПТ возникают проблемы применения понятий образов и прообразов ИТ и ПТ. Под образом лингвистического элемента ИТ в множество R при соответствии G следует понимать множество всех ЛЭ $r \in R$, соответствующих элементу $p \in P$, под прообразом ЛЭ r в множество P при соответствии G - множество всех ЛЭ $p \in P$, которым соответствует $r \in R$. Образом всего лингвистического множества $C = \text{pr}_1 G$, служит объединение образов всех ЛЭ эле-

ментов $p \in C$, прообразом всего лингвистического множества $D = \text{pr}_2 G$ – объединение прообразов всех элементов $r \in D$.

Так, прообразом ЛЭ ПТ при определенном соответствии G может являться множество всех синонимов соответствующего понятия ИТ, а образом ЛЭ ИТ при определенном соответствии G – множество всех синонимов соответствующего понятия ПТ. Однако в лингвистике о множестве синонимов можно говорить лишь в определенном и часто нечетком смысле, так как объединение в множество, факт принадлежности к множеству осуществляется только по основному признаку, а различные ЛЭ множества обладают им в разной степени и имеют разные степени принадлежности к множеству вследствие лексико-грамматических, семантических, стилистических и других различий, продуцирующих когнитивное содержание ЛЭ и требующих оценки.

Обеспечение соответствия ИТ и ПТ включает сложную задачу интерпретации (синтеза) ПТ. В СП задача синтеза ПТ частично передается ИИ, формирующему семиотическое пространство ПТ. В этой ситуации удобно оценивать соответствие ИТ и ПТ по степени наличия несоответствий, а в качестве основы оценки использовать категорию несоответствия (НС) как категорию наиболее общего признака разнотипных лингвистических объектов (единиц текста) ПТ, обладающих им по отношению к ИТ в большей или меньшей степени [10].

Несоответствия ПТ актуализируют проблему формирования и практического использования системы оценок ПТ, обеспечивающих на ее основе оптимальное взаимодействие с ИИ для получения необходимого качества перевода. Разнонагруженность носителей оценки качества перевода в различных ситуациях переводческого процесса целесообразно обеспечить путем введения понятийных шкал, отражающих лингвистическую сторону состояния перевода. Правильная интерпретация интонационных характеристик фраз и некоторых других экстралингвистических параметров по конкретному контексту, обусловленному мысленной ситуацией вербального действия, пока недостижима для современных систем ИИ.

Разработка оценки в рамках когнитивного подхода к исследованию языковых явлений требуется и в связи с необходимостью решения вопросов оптимизации СП. Механизм получения оценки, может быть основан на смешанном когнитивно-машинном подходе, когда формирование оценочных концептов и категорий в СП проводится с учетом как человеческого фактора в языке и специфики его концептуального уровня [4], так и проекций на эти факторы характеристик ИИ. В СП целесообразно говорить об оценочной концептуализации и оценочной категоризации как специфических когнитивных процессах, происходящих в сознании переводчика при его восприятии, осмыслении и интерпретации ИТ и поставляемых ИИ различных вариантов ПТ, содержащих несоответствия перевода различного уровня. Для СП необходимо формализовать когнитивные соотношения оценки перевода, поскольку применение ИИ принципиально требует введения квантитативных шкал, различающих по отношению к текстовой основе разные качественные степени деуникализации оценки перевода.

Лингвистические объекты ПТ обладают качественными идентифицирующими признаками в различной степени и с различной степенью (частично) принадлежат к разным множествам. Так, в сфере смысла «категории имеют внутренние степени членства, размытые границы и центральные члены, чья степень членства (на шкале от нуля до единицы) равна единице», внутри границ других категорий «имеются градуированные прототипические эффекты – одни члены категории являются лучшими примерами категории, чем другие» [11]. Таковы, например, границы категории многозначности и др. С другой стороны вследствие особенностей своего ментального механизма человек мыслит нечеткими, а часто и неопределенными понятиями, обусловленными особенностями субъективного восприятия и интерпретации действительности.

Исследование возможностей теории нечетких множеств [15] выявляет связь между ее формализмами и аксиологической проблематикой. Такие формализмы могут быть органично и успешно использованы для оперирования нечеткими, размытыми множествами несоответствий, каждое из которых определено в виде некоторой совокупности $A = \{(x, \mu_A)\}$ упорядоченных пар из элементов

универсального множества несоответствий и соответствующих степеней принадлежности к A в виде функции μ_A со значениями в интервале $[0,1]$. Переход от полной принадлежности 1 к полной непринадлежности 0 элементам множества A происходит не скачкообразно, а достаточно плавно и, чем выше степень принадлежности, тем в большей мере элемент текста (универсального множества) соответствует свойствам нечеткого множества. Принадлежность также может являться вероятностью в интервале от 0 до 1.

Для уточнения параметров и измерений, наиболее полно отражающих релевантные характеристики оценки, отметим, что ментальное содержание выражается в тексте как вербализированная форма репрезентации смысла в разной мере на различных уровнях языка. Выдвигается гипотеза: комплексная оценка соответствия (полноценности) текста (дискурса) в области межкультурной коммуникации, осуществляется вектором длины k с компонентами в виде функций принадлежности квантитативных оценок лингвистических НС на уровнях шкалы категорий базисных несоответствий (НС) фрагментов пространств ИТ и ПТ. Такая шкала ранжирована ($i = 1, \dots, k$) по критерию увеличения смысловой составляющей текста (дискурса), т. е. объема смысла, выраженного вербально и при помощи знаков разной природы, от начального уровня, отражающего семиотические свойства текста (речи) и далее через фонологические, морфологические, синтаксические, лексические, семантические, контекстуальные, стилистические, экстралингвистические уровни до уровня ментальных пространств, обеспечивающих актуализацию ментальных представлений адресатов аналогичным авторским с образованием группы соответствующих вторичных осей градаций данных категорий.

Таким образом, набор нечетких множеств несоответствий A_i , в V соотносится с различными лингвистическими отклонениями текста от нормы, стереотипа, компетентной интуиции или других конвенциональных установок, а каждый лингвистический элемент $x \in V$ характеризуется вектором значений принадлежности $\{\mu_i(x), \dots, \mu_{im}(x)\}$, отражающим степень несоответствия характеристикам той или иной категории оценочной шкалы. На этом основа-

нии строится так называемая полная решетка: $[0,1]^m$, функция $\mu: V \rightarrow [0,1]^m$. В данной модели оценка ПТ существенно разотождествлена в последовательности гипотетической шкалы классификаций, а квантитативный лингвистический вектор оценки используется в СП для реализации автоматизированных процедурных возможностей ИИ. Причем, каждый из этих оценочных смыслов можно далее относить к набору вторичных смыслов и получать множество дополнительных, вторичных шкал оценок.

Необходимые функции принадлежности лингвистического объекта некоторому множеству НС и их реальные профили задаются операционально и определяются как человеческим, так и машинными ресурсами: экспертным путем [15], на основе статистического эксперимента с использованием специальных интерфейсов [10] или автоматическими средствами поиска НС: (программы семантического анализа, проверки орфографии, грамматики, словоупотребления и стиля [16,17]). Автоматизацию оценочного механизма СП целесообразно осуществлять с помощью разработки дополнительных сценариев ИИ [10] на основе объединения достаточно просто реализуемых процедур и макросов. В ходе статистического исследования НС по категориям качественной шкалы НС группируются по соответствующим конечным подклассам. Количество и тип НС в МП во многом зависит от стиля текста, уровня ИИ и компетенции переводчика.

Отметим, что в сфере ИИ семиотический уровень оценки соответствует тексту, изображению, воспринимаемым буквально в виде копии-слепок и соответствует сканированию и распознаванию текста. НС возникают на этом уровне вследствие технических погрешностей канала связи источника информации с ИИ, либо особенностей естественного интеллекта. Так как в качестве общей оценки СП используется вектор (профиль) значений принадлежностей базисных НС - свойств фрагментов пространств ИТ и ПТ, принадлежащих общему пространству текста картины мира, оценки на различных уровнях языка существуют не изолировано друг от друга, а образуют согласованную систему.

Построение функции принадлежности прямым методом состоит в разбиении текста на фрагменты с НС, рассматриваемыми

как множество НС V , покрытием F которого является совокупность обычных подмножеств-векторов НС $\{A_1, \dots, A_k\}$, принадлежащих множествам фрагментов несоответствий так, что $A_i \neq \emptyset$, $A_i \cup \dots \cup A_k = V$. Вследствие синтагматического характера разбиения текста для любых i, j ($i \neq j$), $A_i \cap A_j = \emptyset$ такое разбиение справедливо. Любые НС B в V ($B \subseteq V$) могут рассматриваться как нечеткое подмножество F с функцией принадлежности $\mu_B(A_i) = \frac{|A_i \cap B|}{|A_i \cup B|}$, где в числителе и знаменателе дроби представлены мощности множеств. Вектор несоответствий B как нечеткое подмножество имеет значение:

$$B = \{(A_1, \mu_B(A_1)), (A_2, \mu_B(A_2)), \dots, (A_n, \mu_B(A_n))\}.$$

Следует отметить, что в результате деления текста на множества фрагментов с собственными векторами НС множества V векторов НС этих фрагментов могут проектироваться как на одиночную ось шкалы НС: $\text{пр}_i V = \{\text{пр}_i v: v \in V\}$, так и на группу осей шкалы НС: $\text{пр}_{i_1, \dots, i_n} V = \{\text{пр}_{i_1, \dots, i_n} v: v \in V\}$, обеспечивая многоаспектное рассмотрение проблем различных сторон оценки текста. Таким образом, возможны комбинированные оценки, построенные на разотождествлении смыслов планов содержания или выражения перечисленных типов НС. Так, каждый из смыслов НС можно далее относить к набору вторичных смыслов. И среди данных вариантов, где групповой "план содержания" соответствует единичному "плану выражения" могут существовать свои шкалы и различия: от группы НС до "комбинации групп" НС. Таким образом, в плане выражения оценка текста (дискурса) соответствует не одному, а набору сгруппированных невариативных смыслов от семиотических до ментальных пространств. Для перевода информационных текстов часто достаточна сокращенная типология [14,9].

При этом проекцией вектора на ось является его соответствующая компонента, а проекция вектора на несколько осей образует редукцию вектора, используемую для решения ряда частных задач.

Для сравнений НС фрагментов текста используются упорядоченные множества векторов определенной длины, с заданными определенными правилами сравнения. Например, при сравнении по предпочтению компоненты вектора НС не должны быть меньше соответствующих компонент другого вектора НС. Чем меньше значения компонент векторов НС, тем более тексты соответствуют друг другу, однако, вследствие концептуальности картины мира нулевое значение вектора и полное соответствие ИТ и ПТ принципиально недостижимы. Постоянное наличие незначительных стохастических несоответствий объяснимо, в частности, и разными подходами научных школ к самим понятиям соответствия и эквивалентности, и несовпадающими оценками различных экспертов одного и того же текста. На практике достаточно определенных малых значений вектора НС, задающего норму оценки, причем особое влияние отдельных компонентов вектора может учитываться весовыми множителями.

В общем случае оптимизация СП может быть отнесена к классу задач с неполными и нечеткими данными и многовариантностью решений. В задачах СП соответствие ПТ рассматривается как дополнение \bar{A} множества несоответствий A , поэтому характеристические функции элементов соответствия вычисляются по зависимости $\mu_{\bar{A}}(x) = 1 - \mu_A(x)$ [15], а оценка ПТ определяется в виде α – сечений соответствия (несоответствия) нечеткого множества. В этих условиях нечеткая цель оптимизации, понимается как нечеткое множество в пространстве НС, определенное фиксированным нечетким множеством в виде α – сечения необходимого соответствия нечеткого множества (НСНМ), которое определяется как четкое дополнение множества несоответствий со степенью принадлежности большей или равной α . Ориентировочное значение в ряде случаев: $\alpha_c = 0,95$. Используя различные проекции векторов НС в сценариях СП можно использовать оптимальные векторные оценки и получать соответствующие им качественные тексты.

Для когнитивных качественных представлений оценок при взаимодействии с ИИ используются нечеткие конечные линейно упорядоченные множества значений лингвистической переменной,

описывающей пространство подготовки текста к МП [9]. Такое множество, определяемое как сумма времен действия сценариев на число их использований, задается пятеркой $\{t, T, Q, L, M\}$, где t – "время подготовки к МП" – имя переменной; T – терм-множество, в котором термы представляются как нечеткое множество времени подготовки, {"много", "мало"} категории этой шкалы соответствуют прошлой деятельности в стереотипной ситуации и отстоят на равных интервалах психологического континуума в Q – универсальном множестве общего времени перевода; L – синтаксические правила грамматики, порождающие новые термы с использованием: "не", "очень"; M – семантические правила, задающие каждому элементу терм-множества его смысл – соответствующее нечеткое подмножество, преобразование которого в четкие числа времени подготовки к МП для определенной семантической ситуации осуществляется процедурой дефаззификации [15]. С учетом квантификаторов образовано терм-множество {1."много", 2."не очень много", 3."мало", 4."совсем мало"}, использованное для построения нечеткой шкалы измерений, точки отсчета которой представляют элементы терм-множества.

Рассмотрено распределение функций принадлежности НС в процессе естественного перевода ЕИ при четырех значениях лингвистической переменной (Рис. 1). Принадлежность НС элементов текста компетентного естественного перевода в случае нечастого обращения переводчика к базам знаний измеряется нечетким треугольным числом, пропорционально средней скорости функционирования когнитивной системы лингвиста: $\mu_A(x) = \frac{x}{t_i}$ при $x \leq t_i$, $i = 1, 2, 3, 4$. Наибольшее время естественного перевода t_4 , обусловлено значительным количеством несоответствий ПТ после МП и соотносится с очень малым временем подготовки ИИ к МП. С увеличением времени подготовки ИИ к МП время перевода уменьшатся и достигает минимума, наименьшего времени t_1 перевода, которому соответствует минимальное количество несоответствий ПТ, обусловленное максимальным значением времени подготовки и настройки ИИ [10].

Из анализа процесса различных стратегий перевода следует, что в случае частого обращения переводчика к базам знаний (БЗ) когнитивные усилия естественного интеллекта существенно возрастают, существенно медленнее снижается степень принадлежности НС элементов текста, возрастает общее время перевода, необходимое для достижения достаточного уровня соответствия. Напротив, процесс смешанного перевода характеризуется нелинейной зависимостью снижения принадлежности НС элементов текста, НС убывают интенсивнее, быстрее преодолевается уровень недопустимого несоответствия и быстрее достигается уровень необходимого соответствия, характеризующий необходимую границу заданной оценки. С учетом резкого снижения количества НС при больших значениях лингвистической переменной, эти зависимости проявляются интенсивнее. Переводные соответствия ИТ и ПТ с высокой степенью принадлежности обеспечивают максимальные соответствия объемов значения ИТ и ПТ, переводных соответствий с малой степенью принадлежности следует избегать.

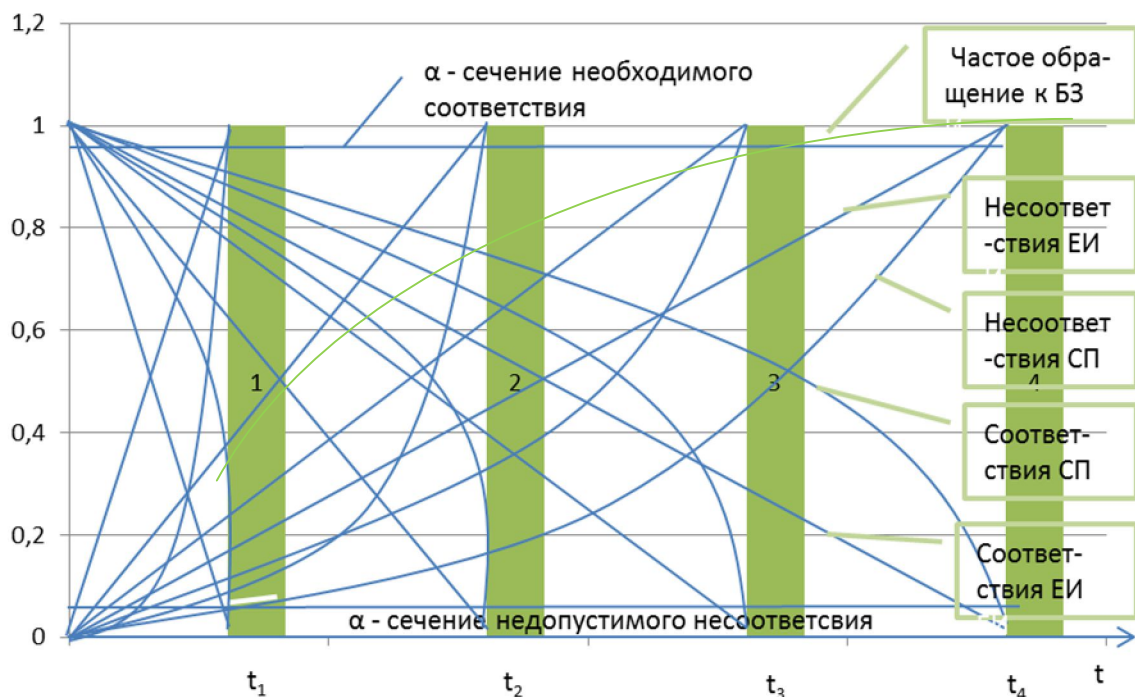

Рис. 1. Динамика несоответствий естественного и смешанного переводов.

Оценка, основанная на использовании нечеткого подхода к оценке соответствия текстов, органично связана с количественными и качественными лингвистическими исследованиями, с использованием чисел, статистики, параметров, совместима с процедурами ИИ, обеспечивает создание диалоговых оценочных систем смешанного перевода с языком общения с ИИ, близким к естественному. Применение когнитивных сценариев оценки перевода позволяет эффективно использовать возможности ИИ в технологии СП и создает предпосылки для дальнейшей оптимизации переводческого процесса. Применение такой оценки выглядит вполне естественным и удобным не только для переводчиков, но и для широкого круга лиц, заинтересованных в использовании СП.

Список литературы

1. Алейник В.Н. Введение в курс перевода. Французский язык. – М., 1991.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. тр. – М.; Воронеж: ИЯРАН, Воронеж, гос. ун-т, 2002.
4. Бузаров В.В. Что такое аппроксимация в лингвистике? (на материале английского и немецкого языков) / В.В. Бузаров, Э.Г. Лынова // Иностранные языки в школе. 1991. – № 2. – С.100–102.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: КомКнига, 2006.
6. Головин Б.Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1980.
7. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1970.
8. Коваленко А.Я. Общий курс научно-технического перевода. – Киев: «ИНКОС», 2004.
9. Котельникова Е.В. Значение предварительной обработки текста на начальном этапе машинного перевода. Доклад // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Международная научно-практическая конференции преподавателей, аспирантов и студентов ЮРГУЭС, Шахты, апрель 2009 г.
10. Котельникова Е.В. Международные научные и инновационные коммуникации в проекции искусственного интеллекта/ Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2010. – С. 64–67.

11. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении/Пер, И.Б. Шатуновского. – М., 2004.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М., 1996.
13. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986.
14. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Филология. – СПб.: СПГУ, 2002.
15. Яхьева Г.Э. Нечеткие множества и нейронные сети. – М.: БИНОМ. 2006.
16. <http://www.jsequeira.com/cgi-bin/db/FoxPro> (Дата обращения 14.12.10).
17. <http://www.stylewriter-usa.com/order.html> (Дата обращения 14.12.10).

Критерии прецедентности имени собственного

В статье описывается ведущий критерий прецедентности имени, который рассматривается как возможность метафорического использования в контекстах, не содержащих без дополнительных разъяснений истоков его метафоричности. Кроме того, анализируются дополнительные признаки – написание со строчной буквы, использование кавычек, использование в форме множественного числа, специфическая лексическая сочетаемость.

The article describes the main criterion of precedence of a proper name which is considered as a possibility to use the name in metaphorical contexts, which do not contain explanation of the source of metaphorical meaning. It also analyses the additional markers such as the use of small letter instead of capital, inverted commas, plural form, and specific lexical combinability.

Ключевые слова: имя собственное, прецедентное имя, метафора, прецедентный феномен, массовая коммуникация.

Key words: proper name, precedent name, metaphor, precedent phenomenon, mass communication (mass media).

В современной лингвистике активно обсуждается и вопрос о критериях выявления прецедентных феноменов, в том числе прецедентных имен собственных. В процессе дискуссии высказывались мысли о высокой значимости следующих факторов:

связанность соответствующих имен с классическими произведениями [3];

общеизвестность соответствующих феноменов [4] или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества [2; 10];

сближение с именами нарицательными, утрата отдельных признаков, характерных для имен нарицательных [1].

Вместе с тем отмечались и несомненные сложности в определении принадлежности отдельных текстов к числу «классических» (кто возьмет на себя смелость составить соответствующий список?), а также «общеизвестных» (кто в состоянии доказать, что они знакомы и понятны именно каждому русскому человеку?) или хотя бы «известных большинству» [6; 9]. В нашем специальном

исследовании на основе массового опроса информантов было обнаружено, что критерию «всеобщей известности» не соответствуют очень многие имена собственные, которые рассматриваются специалистами в качестве прецедентных. В частности, было показано, что менее половины уральских студентов (будущих юристов и педагогов) смогли объяснить смысл имен собственных *Шариков*, *Растиньяк*, *Котовский* [6]. Таким образом, оказывается, что критерии «общеизвестности» и даже «известности большинству» членов языкового коллектива не могут считаться ведущими признаками прецедентности.

При более широком подходе, который можно назвать текстовым или даже дискурсивным, в качестве существенных признаков прецедентных имен собственных рассматриваются также следующие критерии:

регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах [5];

неденотативное (коннотативное, метафорическое, образное) использование того или иного имени в функции культурного знака [6, 7, 8].

При изучении указанных признаков необходимо учитывать тот факт, что функционирование прецедентных феноменов в различных видах дискурса может иметь существенную специфику. В частности, в массовой коммуникации без дополнительных пояснений должны использоваться только прецедентные имена, известность которых имеет общенациональный характер (соответствующие имена известны в различных регионах России, они знакомы людям, относящимся к различным социальным, профессиональным и возрастным группам). Поэтому важным, а, возможно, и ведущим критерием общеупотребительности прецедентного имени следует считать регулярное метафорическое использование в соответствующих текстах без дополнительных разъяснений истоков его метафоричности.

Соответственно в научной коммуникации могут использоваться преимущественно имена собственные, которые хорошо известны только ученым; существуют имена собственные, которые характерны только для религиозного, спортивного, финансового

или же регионального дискурса. Иначе говоря, существуют как общеупотребительные прецедентные имена, так и стилистически окрашенные прецедентные имена, известность которых ограничивается рамками того или иного дискурса.

Для нашего исследования значительный интерес могут представлять также некоторые формальные признаки, свидетельствующие о восприятии автором соответствующего имени в качестве прецедентного. Одновременно эти признаки могут рассматриваться как своего рода сигналы для читателя об особом характере использования соответствующего имени собственного. Детальное рассмотрение этих признаков будет способствовать более полному осознанию закономерностей функционирования прецедентных имен.

1. Графический критерий (использование строчных и прописных букв). В современных текстах прецедентные антропонимы пишутся то с прописной, то со строчной буквы. Использование прописной буквы свидетельствует о том, что соответствующее существительное воспринимается автором как имя собственное. Ср.:

*За счет наших детей, пенсионеров, ветеранов труда и войны мы растили **Арафатов**, кредитовали **Саддамов Хуссейнов**. У нас и до сих пор, что ни план - то «громадье» (В. Костиков – Комсомольская правда). Дайте нам 20 лет покоя. **Без Шариковых**, без истерик. Вы не узнаете Россию - мы будем жить лучше, чем в Европе (Б. Немцов – Аргументы и факты).*

Несомненным признаком специфического использования антропонима служит его написание со строчной буквы, свидетельствующей о том, что данное имя может быть использовано для обозначения различных людей, обладающих соответствующими качествами. Ср.:

*Наша страна и без того потеряла двадцать лет исторического времени, миллионы населения, гигантские территории и зоны влияния - и все ради чего? Ради того, чтобы **абрамовичи** и уже с ними покупали себе недвижимость на Британских островах и Лазурном берегу? (Н. Коньков – Завтра). Успокаивает лишь то, что если господа **полонские** при попустительстве власти*

действительно доведут нас до ж..., то по пути мы захватим с собой весь список российского «Форбса» (В. Костиков – АиФ).

Интересно, что газета «Комсомольская правда» в тексте интервью с саратовским губернатором использует то прописную, то строчную букву для обозначения людей, подобных герою пьесы М.А. Булгакова. Ср.:

— У меня, вслед за Столыпиным, на великого писателя Толстого зуб имеется. Сказав однажды, что земля - достояние Бога, он своим авторитетом благословил в России всяких **Швондеров**, которые и сейчас орут под ухом, что земля – это мать, а матью не торгуют. А что, отцом-хлебом, торговать, значит, можно?

— Это кто такие, по-вашему, сельские **швондеры**?

— **Швондер** - это как Емеля на печи: бездельник с гармошкой, но только еще и с наганом. Слава богу, в роду Аяцковых лодырей и **швондеров** не было (Д. Аяцков – Аргументы и факты).

2. Морфологические критерии (использование форм единственного и множественного числа, суффиксация, трансформация грамматического рода и др.). В соответствии с общими закономерностями русского языка имена собственные, как правило, могут использоваться только в форме единственного числа, тогда как большинство имен нарицательных способно изменяться по числам. В форме единственного числа эпизодически употребляются и прецедентные антропонимы, но сам по себе этот факт не является показателем отсутствия смысловых преобразований и принадлежности слова к числу имен собственных. Ср.:

*Выход здесь я вижу один: для того, чтобы в судебном процессе стороны были представлены равноправно, наше государство должно в законодательном порядке обеспечить сбор доказательств как «за», так и «против». Иными словами, должны работать как бы два следственных механизма - **Жеглов и Шарапов** должны снова работать вместе* (П. Полуян – Аргументы и факты).

Специальные наблюдения показывают, что при рассматриваемых смысловых преобразованиях прецедентные антропонимы значительно чаще используются в форме множественного числа.

Употребление формы множественного числа акцентирует переход антропонима в разряд имен собственных, возможность его использования по отношению к различным людям. Вместе с тем иногда встречаются очень близкие по смыслу высказывания, которые отличаются друг от друга именно тем, что в одном случае автор использует форму множественного числа, а в другом – форму единственного числа. Ср.:

В результате ошибок вождей Россия почти на сто лет сошла с магистрального пути европейского развития. Где наши Черчилли, де Голли, Рузвельты, Дэн Сяопины? Почему все наши вожди на исторической дистанции проиграли «забег» и оказались политическими банкротами? (В. Костиков – Комсомольская правда). *К несчастью, у нас не оказалось своего Дэн Сяопина, как и своего Людвига Эрхарда* (Ф. Бурлацкий – Известия).

Как показывают данные примеры, при написании прецедентных антропонимов, употребленных в формах множественного числа, используются как строчные, так и прописные буквы.

Крайне редко, но встречаются случаи, когда показателем метафоричности становится изменение рода прецедентного имени. Ср.: *Наконец-то высветился Данко, который выведет заблудшую Россию из тьмы. Вернее – «высветилась». Ради торжества справедливости Ирина Муцуовна Хакамада готова вырвать сердце из груди. Новоявленная Данка вчера призвала голосовать за себя на президентских выборах «как за символ некоего мужества и готовности к борьбе»* (Е. Баян, Н. Галимова – Московский комсомолец). В данном контексте речь идет об Ирине Хакамаде, которая, будучи кандидатом в президенты, обещала, подобно герою А.М. Горького, повести страну даже ценой самопожертвования.

В другом случае фольклорная Баба-яга становится «коварным БАБом-ягой», то есть мужчиной. Ср.: *Видимо, ностальгируя в туманах Альбиона, он придумал сюжет вполне в духе русских народных сказок. С хрестоматийными персонажами – просто-душно-хитроватым Иванушкой-дурачком, коварным БАБом-ягой, соловьями-разбойниками украинско-чеченской национальности... Зато финал сказки оказался нетрадиционным.*

Иванушка, нутром почувствовав коварные замыслы БАБа-яги, не бросился бежать сломя голову, а вернулся в избушку на курьих ножках, что стоит недалеко от Лондона (Ю. Сергеев – Комсомольская правда).

В данном случае обозначение Иванушка-дурачок употребляется применительно к кандидату в президенты И.П. Рыбкину, а Б.А. Березовский в соответствии первыми буквами имени, фамилии и отчества становится «БАБой-Ягой» мужского рода. Подобные трансформации создают эффект языковой игры и способствуют эмоциональному воздействию на читателей.

3. Словообразовательный (деривационный) критерий. Деривационная активность, возможность образования от имени собственного разнообразных дериватов также служат признаком актуализации коннотативных признаков. Это особенно относится к тем случаям, когда производные слова связаны именно со вторичными значениями имени собственного. Яркими примерами могут служить суффиксальные образования, обозначающие свойства людей, в той или иной степени похожих на широко известных персонажей художественных произведений (*хлестаковщина, обломовщина*) или же реальных людей, широко известных своими поступками, подвигами, свойствами характера и др. (*сталинщина, гайдаровщина* и т.п.). Сюда же относятся случаи аффиксации, связанной с частеречными преобразованиями (например, *стахановский, по-сталински*). Ср.:

Третий в а-ля суриковской тройке – Владимир Катренко. Медведь – он и в Думе медведь, как его ни шойгуй (Ю. Сергеев – Комсомольская правда).

Нередко обнаруживаются и более сложные трансформации имен собственных, связанные со своего рода языковой игрой, которая может основываться на использовании слов-гибридов. Ср.:

Украина: смена Виктора. «Бандюкович» пэрэмог «Тимошенницу» (Аргументы и факты). В этом контексте «гибридизации» подвергнуты имена украинских политиков: из словосочетания *бандит Янукович* образован гибрид *Бандюкович*, а из словосочетания *Тимошенко-мошенница* возник гибрид *Тимошенница*.

4. Пунктуационный критерий (использование кавычек). Еще одним свидетельством использования прецедентного имени в качестве культурного знака, лишь косвенно связанного с носителем соответствующего имени собственного, могут служить кавычки, которые подчеркивают использование слова в каком-то необычном смысле. Ср.:

Нынешняя война либералов с властью - это путь маргинализации демократического движения. Да и не годятся наши оранжевые «немцовы» на роль плакальщиков за Россию (В. Костиков – Комсомольская правда). Вполне понятна идеология «вольфовичей» из ЛДПР: тащи все, что плохо лежит (Н. Коньков – Завтра).

Показательно, что в заголовке опубликованной «Комсомольской правдой» статьи В. Баранца «*Нам нужны новые Штирлицы!*» прецедентный антропоним напечатан без кавычек, но в тексте этой статьи этот же антропоним приводится в кавычках: *Пока же на боевом счету наших спецслужб наберется немного удачных агентурных операций, связанных с внедрением чеченских «Штирлицев» в штабы террористических бандформирований.*

Следует отметить, что в преобладающем количестве случаев прецедентные антропонимы употребляются в тексте без кавычек (соответствующие примеры представлены в настоящей статье при рассмотрении всех иных критериев акцентирования неденотативного употребления соответствующих имен).

5. Синонимический критерий (представление имен собственных как однотипных по семантике, образование контекстуальных синонимов). Показателем метафорического использования прецедентных антропонимов часто служит необычное отождествление их семантики с семантикой иных антропонимов. Ср.:

Чубайс – это базовый элемент системы в стране. Вроде Энгельса у коммунистов. Маркс у них – Гайдар. Энгельс – это Чубайс. Ленин – Горбачев. Ельцин – Сталин. Если вытащить базовый элемент, система зашатается (А. Митрофанов – Комсомольская правда). Эдуард Лимонов, потенциальный Робеспьер

«ситцевой» революции, принял меня соответственно – в типовой квартире подпольщика (В. Ворсобин – Комсомольская правда).

Такое использование показывает, что один человек способен выполнять те или иные функции совсем иного человека, что эти люди в чем-то похожи.

6. Атрибутивный критерий (использование определений, подчеркивающих нетрадиционность смысла определяемого имени). В подобных случаях при прецедентном антропониме имеется определение, которое свидетельствует о том, что соответствующее имя использовано в особом смысле. В качестве указанных определений могут использоваться, в частности, такие прилагательные и местоимения, как *новый, современный, русский, наш, свой* и другие. Ср.:

*Березовскому выгодна смерть ТВ-6. Он понимал, что канал не удержать, но сделал все, чтобы эпатировать публику и власть. Теперь он политический изгнанник, мученик, **новый Троцкий** – это гарантирует ему свободу и финансовую активность на Западе (А. Проханов – Завтра). Так вот, действительность выглядит совершенно иначе. В 80-х годах в КНР активно проводилась политическая перестройка и либерализация по советскому образцу. В КНР были и **«китайский Горбачев»**, и даже **«китайский Ельцин»** (В. Лещенко – Известия).*

Представление современных отечественных политиков как имеющих своего рода прототипы в иных странах или эпохах (а также иные подобные преобразования семантики) позволяет провести важные аналогии и обладает значительным прагматическим эффектом.

7. Темпоральный критерий (использование имени собственного в необычном темпоральном контексте, представление деятелей прошлого как ныне живущих или даже способных воскреснуть). В подобных контекстах фамилии политических лидеров прошлого используются в контексте будущего или настоящего времени, что предопределяет неденотативность речевого смысла соответствующих антропонимов. Ср.:

Мобилизация народа неизбежна. Дух не может дремать бесконечно. Россия грезит вождем. Он будет велик, прозорлив и

добр. Будет Сталиным и Сергием Радонежским, Петром Великим и Николаем Федоровым. Пушкиным и Королевым. Он среди нас. Ищите его по нимбу вокруг головы (А. Проханов – «Завтра»).

Обозначение современных политических лидеров при помощи метафорического использования имен людей, прославившихся в других исторических условиях, позволяет провести знаменательные параллели и обладает значительной воздействующей силой.

8. Ссылки на источники прецедентности. Обращает на себя внимание тот факт, что в одних случаях прецедентные феномены используются в публицистических текстах без каких-либо ксенопоказателей, тогда как в других случаях в тексте присутствуют те или иные сведения об источниках прецедентности. Это может быть указание на название художественного текста или его автора, на историческую эпоху или социальное положение политического деятеля. Ср.:

(1) *Так что БАБ все больше становится похож на Фирса из «Вишневого сада» А. П. Чехова. Пришли новые олигархи – и старый больше не нужен. Демонизированная фигура окончательно отлучена от российской политики* (А. Угланов – Аргументы и факты).

(2) *Главные спонсоры «демократической оппозиции» – павшие олигархи Березовский, Невзлин. «Человеческая обида» этих «графов Монте-Кристо» вполне понятна. Но это – их личные проблемы* (Л. Радзиховский – Российская газета).

В первом случае автор использует для характеристики Б. Березовского прецедентное имя *Фирс* и, видимо не надеясь, что читатели сразу поймут, какой Фирс имеется в виду, упоминает название пьесы и ее автора. Во втором случае автор называет Березовского (а также Невзлина) «графом Монте-Кристо» и не считает необходимым напомнить читателям, кто автор соответствующего произведения и тем самым актуализировать в сознании читателей признаки, которые объединяют французского аристократа и российского олигарха.

Проведенные наблюдения показывают, что наиболее известные прецедентные имена, как правило, используются без каких-

либо уточнений. Если же автор не до конца уверен, что соответствующее имя относится к числу широко известных читателям, то он использует те или иные способы актуализации прецедентного имени. Можно предположить, что одной из функций ксенопоказателей в подобных контекстах является именно акцентирование неденотативного употребления прецедентных феноменов, то есть использования их как своего рода культурных знаков, символов определенных личностных качеств.

Вполне возможно, что рассмотренный выше перечень показателей специфического актуального смысла прецедентных антропонимов не является законченным, однако, представленный материал показывает, что при внимательном анализе контекста в нем нередко можно обнаружить формальные (орфографические, пунктуационные, словообразовательные, морфологические, семантические, сочетаемостные, лексические и иные) знаки того, в каком именно смысле используется соответствующий культурный знак. При отсутствии указанных показателей в непосредственном окружении имени собственного следует обратиться к широкому контексту и дискурсивным характеристикам соответствующего текста.

Итак, при решении вопроса о прецедентном характере имени собственного следует брать во внимание прежде не столько его общеизвестность (и даже известность большинству) или высокую частотность, сколько возможность его образного (коннотативного, метафорического) употребления без дополнительных пояснений в тексте. В этом случае предполагается, что читатели уже знакомы с этим онимом, что им не надо разъяснять смысл метафоры и ее истоки. Целесообразно также учитывать общекогнитивный принцип «фамильного сходства», то есть в качестве дополнительных (но не обязательных, а факультативных) критериев прецедентности имени учитывать целый комплекс признаков.

Список литературы

1. Блинова Ю.А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007.
2. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
4. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2002.
5. Кушнерук С.Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 13. Екатеринбург, 2004. – С. 146–155.
6. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007.
7. Нахимова Е.А. Новая жизнь старых слов // Русская речь. – 2009. – № 2. – С. 51–53.
8. Нахимова Е.А. Мифологема *Александр Невский* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3. – С.105–108.
9. Семенец О.П. Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50–90-х годов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004.
10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград, Перемена, 2004.

Экспериментальная методика исследования значения имени собственного

В статье рассматривается возможность подхода к значению имени существительного собственного с позиций лингвокогнитологии. На примере описания семантики онима Воронеж подробно описываются основные этапы лингвокогнитивной методики исследования значения имени собственного.

The possibility of an approach to the meaning of proper name from the standpoint position of cognitive linguistics is considered. The main stages of cognitive linguistics methods of research the values of a proper name is described by the example of describing of the semantics of onim Voronezh in detail.

Ключевые слова: имя собственное, лингвокогнитология, экспериментальное исследование, когнитивная интерпретация.

Key words: proper name, cognitive linguistics, experimental research, cognitive interpretation.

Целью настоящей статьи является описание методики экспериментального исследования и описания значений имен собственных.

Имена собственные являются особой группой имен существительных, выполняющих в языке функцию «называния отдельных лиц и индивидуальных единичностей, отличающего их от других однородных предметов и явлений» [5, с. 111].

Собственные имена, по мнению В.Д. Бондалетова, – это «единицы языка-речи (слова и субстантивированные словосочетания), служащие для подчеркнута конкретного называния отдельных предметов действительности и вследствие такой специализации выработавшие некоторые особенности в значении, грамматическом оформлении и в функционировании... Назначение имени собственного – называть определенный предмет, соотнося его с классом однотипных или родственных предметов» [1, с. 27].

Предпринимались попытки определить суть имени собственного исходя из его функций и значения, однако разное понимание проблемы ведет к различному пониманию сути явления. Можно говорить о существовании, по крайней мере, трех точек зрения.

Исследователи [С. Ульман, К. А. Левковская, Ж. Вандриес, В. Брендаль], придерживающиеся одного из направлений, отрицают наличие у имен собственных как значения, так и понятия: «Имена собственные не заключают в себе ни понятия, ни значения. Они являются только различающим знаком» [2, с. 53]. В рамках этого подхода функция имени собственного сводится к простой номинации.

Сторонники этого взгляда считают, что имена собственные – это абсолютно ничего не значащие в семантическом плане слова, своеобразные ярлыки.

Согласно другой концепции, у онимов есть значение, но отсутствует связь с понятием: «общее свойство собственных имен состоит в том, что, соотносясь с классом вещей, они имеют свое значение в назывании, и только, никаких понятий не выражают... Собственные имена имеют значение (иначе, зачем бы они существовали в языке?), но значение собственных имен исчерпывается их номинативной функцией, их соотношением с называемой вещью (точнее: классом вещей)» [7, с. 60, 61].

Наконец, существует мнение, что собственные имена обладают и значением, и понятием. Так, О. Есперсен полагает, что имя собственное «в каждом отдельном предложении ...имеет одно определенное значение, которое явствует из контекста и ситуации...» [3, с. 71]. А по Е. Куриловичу, «в силу наличия у имени собственного семантического содержания имя собственное обладает значением, те объекты, которые оно способно обозначать, составляют сферу его употребления» [4, с. 251].

Достаточно полно и методологически последовательно представил проблему Л.В. Щерба: «Весь вопрос состоит в определении того, что в языке является "значением" собственных имен. Оставляя в стороне философию собственного имени вообще, можно все же констатировать, что те сведения, которые даются в энциклопедиях, никоим образом не входят в это "значение": эти сведения по существу вещей вовсе не должны быть общеизвестны (иначе не надо было бы и энциклопедий!). Следовательно, задача состоит в том, чтобы определить тот общеобязательный минимум, без кото-

рого невозможно было бы общепонятно оперировать с данным собственным именем в речи» [8, с. 278].

В свете всего вышеизложенного представляется возможным предложить *психолингвистический подход* к решению проблемы значения имен собственных.

Суть данного подхода заключается в следующем: имена собственные анализируются с привлечением психолингвистических методов, на основе которых формулируется психолингвистическое (психологически реальное) значение собственного имени.

Рассмотрим основные этапы данной методики на примере имени существительного собственного *Воронеж*.

Основой исследования послужили методики свободного и направленного ассоциативных экспериментов, респондентам также было предложено написать минисочинение – ответ в свободной форме на вопрос *что я думаю о Воронеже?*

Сбор материала проводился в 2010 – 2011 гг. среди жителей Воронежской и Ярославской областей. В эксперименте приняло участие 200 респондентов – мужчин и женщин в возрасте от 15 до 72 лет, по 100 жителей Воронежской и Ярославской областей.

Испытуемым были предложены следующие инструкции.

Свободный ассоциативный эксперимент: «напишите любое слово, которое приходит Вам в голову, когда вы слышите слово ВОРОНЕЖ. Укажите свой пол и возраст».

Направленный ассоциативный эксперимент: «закончите фразу – Воронеж – какой? Укажите свой пол и возраст».

Минисочинение: «Опишите кратко, что вы думаете о Воронеже. Укажите свой пол и возраст».

Полученные результаты, были подвергнуты процедуре когнитивной интерпретации. Когнитивная интерпретация – метод, используемый в лингвокогнитологии, заключающийся в «мысленном обобщении на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц» [6, с. 200].

Полученные в ходе когнитивной интерпретации признаки были представлены в виде таблицы:

Воронеж (200 ии)

Когнитивный признак	Лексическое наполнение когнитивного признака (жители Воронежской области)			Лексическое наполнение когнитивного признака (жители Ярославской области)		
	Свободный ассоциативный эксперимент	Направленный ассоциативный эксперимент	Сочинение-ответ на вопрос <i>что вы думаете о...?</i>	Свободный ассоциативный эксперимент	Направленный ассоциативный эксперимент	Сочинение-ответ на вопрос <i>что вы думаете о...?</i>
город 31	<i>город 2</i>			<i>город 5</i>		<i>город 24</i>
красивый город 27		<i>красивый 2</i>	<i>красивый город 14, вечером красив 1, очень красивый город 1, много красивых зданий 1, много красивых мест 1, прекрасные места 1</i>		<i>красивый 1</i>	<i>красивый 3, красивые дома 1, красивые улицы 1</i>
место действия мультфильма «Котенок с улицы Лизюкова» 22	<i>«Котенок с ул. Лизюкова» 2</i>		<i>мультфильм «Котенок с улицы Лизюкова» 4</i>	<i>бегемот в панаме 1, ворона с сыром 1, котенок 1, «Котенок с ул. Лизюкова» 3, оттуда был кот в мультике 1, статуя вороны 1</i>	<i>мультяшный 1</i>	<i>мультфильм «Котенок с улицы Лизюкова» 7</i>
находится на юге России 17				<i>юг 3, юг России 1</i>	<i>южный 7</i>	<i>на юге России 6</i>

и т.д.

Полученные семантические компоненты в своей совокупности отражают концепт ВОРОНЕЖ в языковом сознании испытуемых (то есть вербализованную испытуемыми в эксперименте часть концепта).

Ранжирование семантических компонентов по частоте их актуализации в эксперименте позволяет построить полевую модель психолингвистического значения исследуемого онима.

Ядро значения представлено семантическими компонентами:

город 31 красивый 27 место действия мультфильма «Котенок с улицы Лизюкова» 22	находится на юге России 17 родной 17 лучший город 16 областной центр 15
---	--

Ближняя периферия сформирована семантическими компонентами:

грязный 14 большой 13 здесь много ворон 11 никогда его не посещал 11 маленький 11 провинциальный 11 промышленный 10 криминальный 10 железнодорожный узел 9 много вузов 9 незнакомый 9 обычный, ничем не примечательный город 8 находится в России 7	находится в Черноземье 7 место жительства моих родственников 6 много мест для развлечений 6 привлекательный 6 является столицей Черноземья 6 известен улицей Лизюкова 5 место строительства первого русского флота 5 с ним связана известная фраза «Воронеж не догонишь» 5 теплый 5 характерно произносят звук «г» 5
---	---

Дальнюю периферию представляют семы:

интересный 4 много культурных ценностей 4 находится в Центральной России 4 неинтересный 4 непривлекательный 4 скучный 4 благоустроенный 3 высотная застройка 3 зимой заснеженный 3 имеет богатую историю 3 миллионный 3 многонациональный 3 современный 3 строящийся 3 холодный 3 хорошие люди 3 бедный 2 в городе много студентов, молодежи 2 город воинской славы 2	гостеприимный 2 загазованный 2 имеет водохранилище 2 крупный 2 на реке Воронеж 2 неперспективный 2 неудачное название 2 неуютный 2 перспективный 2 развита торговая сеть 2 расположен в степи 2 родина знаменитых людей 2 солнечный 2 там жил Мандельштам 2 там работает проф. Стернин 2 уютный 2 футбольный клуб «Факел» 2 хорошо озелененный 2 широкие улицы 2
---	--

**Крайняя периферия значения формируется семами,
имеющими единичную представленность в эксперименте:**

<p>в городе мало красивых мест 1 в Отечественную войну были жестокие бои 1 выглядит некрасивым 1 гламурный 1 глухие окраины 1 город контрастов 1 далекий 1 есть атомная станция 1 здесь живет Май Абрикосов 1 зимой холодно 1 известен Кольцовским сквером 1 известен Чернавским мостом 1 любимый 1 много банков 1 много женщин 1 мрачный 1 на реке Дон 1 надоедливый 1 находится в Волго-Вятском регионе 1 находится рядом с Украиной 1 не хочу туда ехать 1 немноголюдный 1</p>	<p>непрезентабельный 1 нерационально используется территория 1 пафосный 1 плохие дороги 1 плохой 1 прекрасный 1 проблемный 1 развивающийся 1 развитое сельское хозяйство 1 родина Кольцова 1 родина Никитина 1, с ним связана известная фраза «... девчонки веселые, певучие» 1 своя команда КВН 1 странный 1 технологичный 1 трудно найти работу 1 умные люди 1 хорошая медицина 1 чистый 1 экономически развитый город 1</p>
---	--

На следующем этапе исследования мы формулируем психолингвистическое значение слова ВОРОНЕЖ по результатам экспериментального описания. В это описание входят все выявленные в эксперименте семантические компоненты, независимо от частотности их актуализации. Значение формулируется в виде связной дефиниции с указанием частотности актуализации тех или иных сем, что является показателем относительной яркости данных сем в структуре значения:

Воронеж (200) – город 31, большой 15, реже *маленький* 1, провинциальный 11 областной центр 15, находящийся на юге 17 России 7, в Центральной России 4, в Черноземье 7, рядом с Украиной 1, столица Черноземья 6, в *Волго-Вятском регионе* 1, расположенный в степи 2, на реках Воронеж 2 и Дон 1, *далеко* 1; отличается теплым климатом 5, солнечный 2, зимой холодный 4 и заснеженный 3; с высотной застройкой 3, широкими улицами 2, с *многочисленными воронами* 11; с миллионным населением 3, обилием молодежи и студентов 2, реже *немноголюдный* 1, является крупным железнодорожным узлом 9, есть атомная станция, много вузов 9, водохранилище 1, промышленно развитый 11, вы-

сокотехнологичный 1, с обилием банков 1, развитым сельским хозяйством 1; обилием культурных ценностей 4, мест для развлечений 6, с футбольным клубом «Факел» 2, своей командой КВН 1; имеет богатую историю 3, является местом строительства первого русского флота 5, в Отечественную войну были жестокие бои 1, имеет звание «Города воинской славы» 2; ничем особо не примечателен 8, известен улицей Лизюкова 5, Кольцовским сквером 1, Чернавским мостом 1; родина знаменитых людей 2, жил Мандельштам 2, *работает проф. Стернин 2*, родина Кольцова 1, родина Никитина 1, *здесь живет Май Абрикосов 1*; место действия мультфильма «Котенок с улицы Лизюкова» 22, связан с известными фразами «Воронеж не догонишь» 5, «... девчоночки веселые, певучие» 1; красивый 27 и привлекательный 8, реже некрасивый и непривлекательный 8, город контрастов 1; криминальный 10, загазованный 2; преимущественно грязный 14, реже чистый 1; благоустроенный 3, уютный 2, хорошо озелененный 2, реже неуютный 2, с плохими дорогами 1; бедный 2; развита торговая сеть 2, хорошая медицина 1, но трудно найти работу 1; жители хорошие люди 3, разных национальностей 3, гостеприимные 2, умные 1, много женщин 1, характерно произносятся звук «г» 5; странный 1, вызывает скуку 4, надоедает 1; строящийся 3, перспективный 2, развивающийся 1, реже неперспективный 2; современный 3; как интересный 4, так и неинтересный 4; имеет неудачное название 2; родной 17, место жительства моих родственников 6, *я никогда его не посещал 11, незнакомый мне 9*; оценивается положительно 18, реже отрицательно 3.

Обращает на себя внимание региональная специфика семантики имени собственного, а также наличие региональных и ложных семантических компонентов (в тексте связной дефиниции они выделены курсивом) в семантике онима.

Региональные семы (выявляющиеся за пределами «родного» региона имени собственного):

я никогда его не посещал 11, незнакомый мне 9, далеко 1, там работает проф. Стернин 2, здесь живет Май Абрикосов 1.

Ложные семы (ошибочно приписанные значению, в основном представителями «чужого» региона):

маленький 11, много ворон 11, немногочисленный 1, расположен в Волго-Вятском регионе 1.

Также в ходе анализа экспериментальных данных нами были выявлены *персонафицированные семы*, прямо указывающие на личное отношение субъекта эксперимента к городу:

родной 17, я никогда его не посещал 11, незнакомый мне 9, место жительства моих родственников 6.

Следует обратить внимание на случаи существенных различий в частотности актуализации многих семантических компонентов в ответах испытуемых Ярославской и Воронежской областей.

Частота актуализации сем жителями разных регионов

Семантический компонент	Воронежская обл.	Ярославская обл.
город 31	2	29
красивый 27	21	6
место действия мультфильма «Котенок с улицы Лизюкова» 22	6	16
лучший город 16	15	1
областной центр 15	14	1
грязный 14	5	9
большой 13	4	9
здесь много ворон 12	3	9
криминальный 10	1	9
промышленный 10	8	2
железнодорожный узел 9	1	8
много вузов 9	7	2
находится в России 7	2	5
находится в Черноземье 6	1	5
привлекательный 6	5	1
место строительства первого русского флота 5	4	1

Также нами были отмечены семы, актуализированные жителями только одного из регионов.

Семы, актуализированные только ярославцами: находится на юге России 17, маленький 11, никогда его не посещал(а) 11, провинциальный 11, незнакомый 9, обычный, ничем не примечательный город 8, с ним связана известная фраза «Воронеж не догонишь» 5, теплый 5, характерно произносят звук «г» 5, зимой заснеженный 3, холодный 3

Семы, актуализированные воронежцами: место жительства моих родственников 6, является столицей Черноземья 6, много мест для развлечений 5, интересный 4, культурные ценности 4, благоустроенный 3, современный 3, хорошие люди 3

Появление такого рода различий в частоте актуализации разных сем связано с различиями в когнитивной базе участников эксперимента. Жители Воронежской области особое внимание уделяют признакам, характеризующим уровень благоустройства и удобства для жизни (*благоустроенный*), эстетическую привлекательность города (*красивый, интересный, привлекательный*), историческое прошлое (*место строительства первого русского флота*), динамику развития (*современный*), стремятся дать общую оценку предмету исследования (*лучший город*).

Испытуемые, проживающие в Ярославской области, особо отмечают компоненты значения онима, маркирующие положение Воронежа в системе родовидовых отношений (*город*), географическое положение (*находится на юге России, находится в Черноземье*), связь с прецедентными текстами (*мультфильм «Котенок с улицы Лизюкова», с ним связана известная фраза «Воронеж не догонишь»*), климатические условия (*теплый, зимой заснеженный, холодный*), степень развития инфраструктуры (*железнодорожный узел*), оценивают безопасность (*криминальный*), степень известности для испытуемых (*незнакомый*).

На базе психолингвистического описания значения онимов может быть создан психолингвистический толковый словарь имен собственных русского языка. Он будет предлагать связанные дефиниции значений имен собственных в опоре на самые яркие семантические компоненты, выявившиеся в ходе эксперимента. Принципы формулирования дефиниций в таком словаре еще подлежат исследованию.

Таким образом, с помощью привлечения экспериментальных методов для описания семантики имени собственного можно не только установить психологически реальное значение онима, но и выявить региональные, социальные и индивидуальные особенности семантики имени собственного в языковом сознании носителей языка, а также выявить наиболее актуальные компоненты значения исследуемого онима для различных социальных, возрастных и гендерных групп. В принципе, одновременные эксперименты помогут помочь проследить динамику изменения значения имени собственного во времени.

Список литературы

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М., 1983.
2. Галкина-Федорук Е.М. Слово и понятие. – М., 1956.
3. Есперсен О. Философия грамматики: пер. с англ. – М., 1958.
4. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике: Сб. ст. – М., 1952. – С. 251.
5. Никитина А.А. Некоторые аспекты функционирования имени собственного в рекламном тексте / А.А.Никитина // Вестн. С.-Петербургского ун-та. Сер. истор., яз., литер. – СПб., 1996. – Вып. 2. – С.110–112.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.
7. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 1967.
8. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии: (Избр. работы по языкознанию и фонетике). – Л., 1958. Т. 1.

**Семантические изменения в синкретических формах
«существительное / глагол» в английском языке**

В статье описываются и классифицируются семантические изменения в конверсных парах «существительное / глагол» на материале лексико-семантических групп «животные», «инструменты, орудия» и «соматизмы». На основе классификации существительных по принципу «предметные / отвлеченные» выделены предметные существительные, объединенные в лексико-семантические группы. Внутри ЛСГ выявлены основания семантических изменений, сходства и различия. В статье анализируется развитие значения в глаголах, образованных от предметных существительных, определяются общие для развития значения черты. Автор приходит к выводу о том, что семантика производных глаголов связана с ассоциациями, вызванными внешним сходством с предметами и выполняемыми ими функциями.

The article intends to describe and classify semantic changes in conversive pairs «noun/verb» using lexico-semantic groups «animals», «tools» and «somatics». For this purpose nouns are classified according to the principle «objective/abstract» and united into lexico-semantic groups. Within these groups basic features for semantic changes, similarities and differences are defined. It deals with the change of meaning of the verbs derived from objective nouns. The author concludes that the semantics of the derived verbs is related to associations caused by external similarity with an object and its functions.

Ключевые слова: синкретизм, конверсия, значение, лексико-семантическая группа, эволюция семантики.

Key words: syncretism, conversion, lexico-semantic group, meaning, evolution of semantics.

В английском языке такое явление как синкретические формы (типа существительное-глагол), т. е. слова, имеющие одинаковую форму, но относящиеся к различным грамматическим категориям, достаточно распространено благодаря безаффиксальному способу словообразования – конверсии. Переход слов из одной части речи в другую происходит в обоих направлениях «существительное ↔ глагол». Изучение вопросов лингвистического синкретизма по сей день представляет интерес и вызывает много споров, в

связи с неоднозначностью этого явления, причина которой заключается в его дуалистической сущности.

Синкретизм как лингвистический феномен совмещает в себе свойства полисемии и переходности, омонимии и нейтрализации и реализуется как самостоятельное явление на всех уровнях языка. Проявления синкретизма на морфологическом уровне в английском языке наблюдаются в таком словообразовательном процессе как конверсия, сущность которой заключается в образовании из слова, относящегося к одной части речи, нового слова, принадлежащего к другой части речи, без его внешней словообразовательной перестройки. И хотя сама конверсия также имеет различные определения и подходы к рассмотрению, тем не менее, для нас сейчас неважно их различие, а важно их сходство. В какой-то степени при изучении конверсных пар существительное / глагол возможно даже соединение двух понятий. В основе и синкретизма, и конверсии лежат процессы переходности, которые в морфологии основаны, прежде всего, на сходстве разных частей речи, сходстве семантическом, функциональном, но, главное, формальном. Формальная аналогия и является той базой, которая делает возможной трансформацию грамматической семантики слова и изменение его функционально-синтаксических свойств. Для нашего исследования понятие синкретизма сводится к признанию синкретичности форм как слов, которые без специальной маркировки какими-либо показателями, артиклями или суффиксами, могут быть отнесены к различным грамматическим разрядам.

В данном явлении нас интересует семантическая составляющая, а именно, какие изменения происходят в значении слова при смене части речи. Первым шагом в изучении этого вопроса стало деление существительных на четыре группы в соответствии с классификацией, предложенной С.Л. Чарековым: предметные, предметно-конкретные, не предметно-конкретные, отвлеченные [2]. В основу классификации существительных был положен принцип конкретности / абстрактности, так как именно он, по мнению С.Л. Чарекова, обладает наибольшей степенью обобщения и позволяет объединить в одну группу максимальное число лексико-

семантических групп слов, которые выделяются при традиционной классификации существительных.

С.Л. Чариков указывает на тот факт, что эта классификация изначально разрабатывалась на материале синкретических слов, отражающих первичные этапы происхождения языка. Предполагается, что первичные значения являются более узкими, конкретными, а последующая их эволюция приводит к расширению этих значений. В процессе развития языка в них происходит увеличение степени отвлеченности и обобщенности. Поскольку считается, что эволюция проходила в два этапа, то каждому из этих этапов соответствуют свои черты. Для начальной стадии характерны максимально обобщённые понятия и значения слов. Затем, по мере увеличения понятий общего характера, возникла необходимость в дифференциации – это уже второй этап, характеризующийся детализацией.

Именно «это обстоятельство и определило «принципиальную антропоцентричность классификации» [1, с. 5]. То есть все свойства неодушевлённых предметов и понятий вообще получают свои наименования сквозь призму свойств человека. Это классификация всех реалий, явлений, объектов, состояний, «преломляющаяся в восприятии человека и соотносящаяся с его физическими, физиологическими и психологическими характеристиками». Эти же реалии проявляют свой характер в самих наименованиях, чем и определяются их грамматические свойства. Таким образом, данная классификация может быть рассмотрена в качестве «некоторой предварительной попытки наполнить конкретным содержанием такое общеизвестное, очевидно справедливое, но и несколько отвлечённое утверждение о том, что язык отражает действительность» [1, с. 5]. Итак, исходя из вышеприведенных оснований, все материальные и нематериальные объекты, обозначенные именами существительными, можно подразделить на четыре группы.

В первую группу вошли существительные, обозначающие предметы, представляющие вещь, материальность которой определяется формой, составом. Внутри этой группы можно выделить такие лексико-семантические группы имен: животные, птицы, про-

фессии, орудия, приспособления, предметы домашнего обихода и быта, минералы и металлы, растения, предметы одежды. В настоящей статье анализируется развитие значений в трех ЛСГ, а именно: животные, инструменты и соматизмы. Сопоставив результаты развития значения, как в существительных, так и в глаголах, образованных от них, можно сделать выводы относительно общих для данной группы черт.

В лексико-семантической группе «животные» конверсные пары существительное – глагол представляют номинации животных: *cat, cock, dog, fox, pig, duck, goose, hare, wolf* и др.

Изменения значения существительного отмечается в большинстве случаев. Основой для лексико-семантического варианта, как правило, служит тот признак, который человек выделил в каком-либо животном, наблюдая за его поведением, внешним видом. Надо признать, что ни одно животное по-настоящему такими чертами как, например хитрость лисы или леность трутня не обладает. Человек, таким образом, приписывал животным черты свойственные людям, и затем в обратном порядке использовал название животного применительно к человеку: **drone** – *трутень, туняедец*; **fox** – *лиса, хитрец*, **ferret** – *хорёк, ищейка, упорный исследователь; человек, производящий разыскания; сыщик*, **lamb** – *ягнёнок, библ. Агнец, простак; сущий младенец; наивное дитя*, **leech** – *зоол. пиявка медицинская, кровопийца, вымогатель*, **pig** – *свинья, неряха, грязнуля*, **rat** – *крыса, презр. трус (убегающий как крыса с тонущего корабля); предатель; ренегат; перебежчик*, **shrimp** – *мелкая креветка, маленький, сморщенный человек, карлик) ничтожный человек, козявка, ничтожество*, **snake** – *змея; подлец*.

Второй компонент конверсной пары – глагол, производный от существительного. Анализируя развитие значения глагола, мы используем классификацию действий глаголов, выработанную С.Л. Чарековым, в основе которой также заложен принцип отвлеченности, так как классифицируются не собственно глагольные значения, а сами производящиеся действия. В соответствии с ней действия можно разделить на пять типов: а) действие при помощи предмета, б) направленное на предмет, в) самого предмета,

г) действие, обозначающее производство предмета, д) действие в сфере предмета.

В ЛСГ «животные» глаголы можно условно разделить на те, которые описывают поведение, т. е. ассоциативным признаком стала какая-либо поведенческая черта, манеру двигаться, т. е. заложен кинетический признак, либо образованные на основе внешнего сходства, и отдельная группа глаголов, обозначающих действия на предмет.

В основу такого деления, за исключением глаголов, обозначающих действия на предмет, положен ассоциативный признак, составляющий основу значения глагола. Назвать такой признак мотивирующим вряд ли правомерно, т.к. в самом существительном, обозначающем животное, номинативное значение, как правило, единственное. Номинативно-производных значений меньше, это скорее метафорические, образные, фигуральные, в общем, вторичные, но их основой становится какой-либо мотивированный признак (чаще всего поведение): **ape** – обезьяна/ обезьянничать, подражать, подделываться, **beaver** – бобер/работать без усталости, энергично, **cock** – петух/ ходить с важным, напыщенным или самодовольным видом, **dog** – собака/ выслеживать, следовать, неотступно следовать, **drone** – трутень/ бездельничать, жить за чужой счет, **ferret** – хорек/ разыскивать, рыться, шарить, **fox** – лиса/ обмануть, одурачить, действовать ловко, **leech** – пиявка/ впиваться, **mouse** – мышь/ выискивать, выслеживать, **parrot** – попугай/болтать или повторять как попугай, **peacock** – павлин/важничать, чваниться, задаваться; важно расхаживать, гордо выступать, **pig** – свинья/ жить по-свински в грязи, тесноте, **squirrel** – белка/запасаться впрок, **wolf** – волк/пожирать с жадностью, **worm** – червяк/ втираться.

В таких парах как “**cat** – кошка/ мор. брать якорь на кошку, **crane** – журавль/ поднимать краном” основой значения в глаголе становится «внешний вид» (подъемный кран похож на журавля, а устройство для якоря на когти кошки), в парах “beetle, crab” и т.д. – кинетический признак: **beetle** – жук/двигаться, бегать мелкими шажками, семенить, **crab** – краб/идти боком или зигзагообразно, **hare** – заяц/двигаться быстро, **snail** – улитка/двигаться или

действовать медленно или лениво, **snake** – змея/извиваться, виться, **worm** – червяк / ползти, пробираться ползком.

В отдельную группу глаголов, обозначающих такие типы действия, как “действие предметом или на предмет” (действие, которое естественным образом совершается человеком в отношении животного, ведь человек либо охотится на него, либо ест животного), вошли следующие глаголы: **crab** – краб/ ловить крабов, **ferret** – хорек / охотиться с хорьком, выгонять из норы, **fish** – рыба/ловить рыбу, **hawk** – хищная птица, сокол, ястреб / охотиться с ястребом, соколом, **horse** – лошадь / обеспечивать лошадьми, поставлять лошадей, запрягать, **mouse** – мышь / ловить мышей, **whale** – кит / охотиться на кита, что абсолютно мотивировано, так как охота на животных издавна составляла одно из основных видов деятельности человека.

В ЛСГ «соматизмы» вошли слова, называющие разные части тела с различными жизненно важными функциями. В эту группу входят не только названия внешних частей человеческого тела, но и слова более широкого толкования, связанные с организмом и его системами, а также обозначения тела общие для человека и животных. Соматизмы составляют если не значительную, то определенную часть словарного состава языка и являются древнейшим исконным пластом лексики. В силу своей устойчивости и частотности употребления этим словам свойственна развитая семантическая структура. Анатомическая лексика во многих языках характеризуется переносами значений, основанных на внешнем сходстве и выполняемых функциях. Как было отмечено выше обозначения некоторых частей тела человека и животного совпадают и в этом также есть развитие значения. Вероятно, в этом проявляется когнитивная деятельность человека, который присвоил имя аналогичному по функции или по внешнему виду органу или части тела животного: **back** – спина / спина, спинка (животного), **beard** – борода, бородка (у животного), **face** – лицо / морда, **foot** – нога / лапа, **hand** – рука / лапа, **heel** – пятка / шпора, **leg** – нога / лапа, **limb** – конечность / нога (животного), **mouth** – рот / пасть, **knuckle** – сустав пальца / голяшка, **nail** – ноготь / коготь, **neck** – шея / шейная часть, **nose** – нос / морда.

Но не отмечено заимствования в отношении таких наименований как **“finger – палец, lap – колени, lip – губа, heel – пятка (только для птицы “шпора”), palm – ладонь (искл. для обезьян)”**. Объяснение этому можно найти в физическом строении перечисленных частей тела, свойственных только человеку. Развитие значения по внешнему признаку наблюдается в таких существительных как: **foot – нога ступня / основание, подножие, след чулка, heel – пятка / каблук, limb – конечность / сук, ветка, lip – губа / край, mouth – рот / дуло, nail – ноготь / гвоздь, neck – шея / горлышко бутылки, nose – носик (у чайника) нос (у корабля), palm – ладонь / лопасть (весла), широкая часть рогов оленя, queue – коса (волос) / очередь, хвост; по функции в существительных: eye – глаз, взгляд, взор (в этом значении проявляется глагольного значение, может быть именно оно и дало развитие глаголу по типу конверсии), face – лицо, внешняя сторона, поверхность (земли, воды), лицевая сторона, фасад, finger – палец, стрелка часов, указатель на шкале, foot – нога, шаг, походка, gut – кишка, кишки, внутренности, разг. содержание; существенная часть, hand – рука, кисть руки, указатель, сторона, направление, положение, рабочий, работник, jaw – челюсть, разговоры, muscle – мышца, мускул, сила.**

Развитие значения в существительных этой лексико-семантической группы осуществляется и в переносном смысле, при этом мотивирующим признаком становится либо внешнее сходство – **“face – лицо / циферблат, jaw – челюсть / ловушка”**, либо функция **“hand – рука / почерк, eye – глаз / взгляды, мнение, воззрение”**.

Анализируя развитие значения глагола как второго компонента пары, выделены в первую очередь те, которые относятся к первому типу “действие при помощи предмета”: **fist – ударить кулаком, finger – трогать пальцами, foot – шагать, протанцевать, hand – передавать, heel – пристукивать (каблуками), jaw – пережевывать, knee – ударять коленом, leg – ходить, lip – касаться губами, nose – нюхать**. Такой тип действия, по существу, развивает значение по функции, которое присутствует в этих существительных: hand, jaw, nose и т.д. Следует обратить внимание

на слово “heel – *пятка*”, которое реализует в глаголе переносное значение существительного, образованное по аналогии с внешним видом “каблук”.

Характер действий, относящийся ко второму типу «действие на предмет», включает такие глаголы как: **beard** – *борода* / *схватить за бороду*, **hair** – *волосы* / *удалить волосы*, **gut** – *кишки* / *выпотрошить*, **limb** – *конечность* / *расчленять*, **scrag** – *шея/свернуть шею* и др.

Третий тип действия отличается большей степенью отвлеченности “действие самого предмета”, и поскольку в первую группу входят предметные существительные, то образованные от них глаголы большей частью характеризуют действие с помощью предмета. Действие можно произвести, только манипулируя самим предметом, значительно реже сам предмет производит действие: **belly** – *живот* / *пучиться, надуваться*.

Следующий тип действия – “производство предмета”, в основе значения глагола лежит результат такого действия, т.е. сам предмет, таким образом, действие является первичным, в то время как в предыдущих случаях предмет был первичен, а глагол именовал действие, описывающее употребление данного предмета: **fist** – *кулак* / *зажать в кулак*, **plait** – *коса* / *заплести косу*, **queue** – *коса* / *заплести косу*, **scalp** – *кожа черепа, скальп* / *скальпировать*. Трактовка глагольных значений в этой группе может быть, конечно, разной. Но мы рассуждали следующим образом: чтобы получилась коса, ее надо сплести, чтобы получить скальп, его надо снять и так далее.

Примеры пятого типа “действия в сфере предмета” в данных ЛСГ отсутствуют, вероятно, в связи с тем, что объекты, относящиеся к этим ЛСГ, не обладают внутренним объемом.

Переносное значение в глаголах, образованных от соматизмов, появляется на основе функции, выполняемой каким-либо органом или частью тела: **back** – *спина* / *поддерживать*, **face** – *лицо* / *облицовывать*, **finger** – *палец* / *опознать* (буквально указать пальцем), **heel** – *пятка* / *следовать по пятам*, **jaw** – *челюсть* / *читать нравоучение*, **nail** – *ноготь* / *поймать* (на лжи), **nose** – *нос* / *выискивать, выслеживать*. Интересно развитие переносного значения

глагола **belly** - надуваться, пучиться (о животе) / наполнять ветром (паруса), **gut** – потрошить / опустошать, грабить. Можно отметить необычайную образность в дополнение к мотивированному аспекту значения.

В ЛСГ «инструменты / орудия» интерес с точки зрения развития значения представляют существительные, обозначающие простейшие механизмы и орудия. Развитие семантики наблюдается по внешнему сходству в следующих существительных: **axe** – топор, колун, ледоруб, секира, боевой топор; **club** – дубинка, дубина, булава (гимнастика), клюшка (хоккей, гольф), бита (бейсбол), приклад (ружья); **hook** – крюк; секач, серп, закорючка (при обучении письму), хук (короткий боковой удар в боксе), шип, излучина (реки); **knife** – нож, скальпель, кинжал, кортик; **nail** – ноготь, гвоздь, шпилька, сигарета «гвоздик»; **needle** – иголка, вязальная спица, гравировальная и граммафонная игла, иголки (сосны и т. п.), стрелка (прибора,) утёс, шпиль; **net** – сеть, тенёта, сетка (хозяйственная, спасательная), тюль, радио, тлв. сеть, ворота (футбол, хоккей), интернет; **rake** – грабли, кочерга, лопаточка крупье, расчёска, частый гребешок, «скелет», «щепка» (о худом человеке), тех. скребок; гребок; **scoop** – совок, ковш, черпак, разливательная ложка, ложечка (хирургический инструмент), ковш (землечерпалки), редк. котлован, впадина, яма, «ковш», прибор осветительный в кино.

В представленных ниже существительных в основе развития значения лежит функция предметов: **crutch** – костыль, поддержка, опора (функция «не дать упасть»); **fan** – веер, опахало, вентилятор, фен, сушилка для волос (функция «создавать движение воздуха»); **harness** – упряжь, сбруя, вожжи, поводок (для ребёнка), ремни безопасности (в автомобиле); 2. ист. доспехи, инвентарь; снаряжение; спорт. мягкое крепление; мор. парусное вооружение; рангоут и такелаж (функция «сдерживать»); **lock** – замок; запор; затвор; замок, затвор (в оружии; шлюз; плотина; переключатель; захват «на ключ» (приём в борьбе); мёртвая хватка; тиски (функция «запирать»); **manacle** – наручники; ручные кандалы, путы, оковы; препятствие (функция «ограничить движение»).

Глаголы, образованные от этих существительных, принимают значение основы и означают выполнение прямого действия этим предметом: **club** – *бить дубиной*, **crutch** – *ходить на костылях*, **fan** – *обмахивать*, **harness** – *надевать упряжь*, **hook** – *ловить на крючок, застегивать на крючок*; **knife** – *резать ножом*; **lock** – *закрывать на замок*, **needle** – *шить иглой*, **net** – *ловить сетями*, **rake** – *сгребать граблями*, **scoop** – *копать*.

Что касается переносного значения, то оно логически оправданно возникает из той функции, которую выполняют эти предметы: **axe** – *работать топором / урезывать, сокращать (бюджет и т.д.)*, **fan** – *раздувать / разжигать страсти*, **harness** – *обуздывать / покорять, укрощать (реку, водопад)*, **hook** – *поймать на крючок (рыбу) / подцепить, поймать на удочку; заполучить, получить с помощью обмана*, **knife** – *резать ножом/идти наперерез волнам*; **lash** – *плеть/бичевать, клеймить*, **needle** – *уколоть / дразнить, мучить, “подкалывать”*, **net** – *набрасывать сеть / покрывать сетью (железных, автомобильных дорог и т.п.)*; **rake** – *сгребать граблями, ворошить / ворошить (прошое)*, **scoop** – *черпать/получать большую прибыль, большой куш*.

Подводя итог, можно сделать общий вывод об изменении значения существительных предметной группы, в состав которой входят лексико-семантические группы, представленные в исследовании. Основные пути эволюции значения – по внешнему сходству и по функции: **limb** – *конечность / сук ветка*, **club** – *дубинка / клюшка*; **harness** – *упряжь / ремни безопасности*, **hand** – *рука / рабочий, работник*.

Есть свои особенности в ЛСГ животные, но и те изменения в значении существительных, которые наблюдаются, мотивированы и вполне объяснимы и относятся к изменению по внешнему сходству. Так, например, в существительном “трутень – тунеядец” можно отнести эти изменения в разряд внешнего сходства, поскольку тунеядство приписывается трутню, выделяется как основная черта и переносится на человека только в связи с внешними наблюдениями человека за деятельностью животного. Внутреннее содержание жизнедеятельности животного, в данном случае трут-

ня, никоим образом не связано с тем значением, которое вкладывает человек в это слово.

Семантика глаголов, образованных от существительных предметной группы, имеет общую для всех черту – почти всегда принимает основное значение существительного. Глаголы ЛСГ «инструменты», «соматизмы» развивают значение по четырем типам: действие при помощи предмета (**club** – дубина / бить дубиной), направленное на предмет (**nail** – гвоздь / забивать гвоздь), самого предмета (**belly** – живот / пучиться), действие, обозначающее производство предмета (**scalp** – скальп/снимать скальп). Переносное значение глаголов в основном связано с функцией существительного.

Список литературы

1. Чареков С.Л. Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках. – СПб.: Наука, 2004.
2. Чареков С.Л. К происхождению языка. – СПб., 1997.
3. Новый большой англо-русский словарь - New english-russian dictionary: в 3 т. / Акад. РАН Ю. Д. Апресян и др.; под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна и д-ра филол. наук, проф. Э. М. Медниковой. – 3. изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1998.

К семантическому представлению концепта *КРАСОТА* в лексической системе английского языка

В статье показано, что представления о красоте в языковом сознании можно описать в том числе и через семантический анализ словарных единиц, связанных с именем концепта «красота»: через описание синонимических, антонимических, словообразовательных и прочих связей, с помощью которых лингвокультурный концепт «укореняется» в лексической системе языка. В русском и английском языках, выражающие концепт «красота» лексические единицы содержат компонент оценки.

It is shown in the article, that the idea of beauty in linguistic consciousness may be described and also through the semantic analysis of lexical units, that are connected with the name of concept of «beauty»: through the description of synonymic, antonymic, word-formative and other connections, with the help of which the linguocultural concept «strikes root» in the lexical system of language. In Russian and English, the lexical units, that express concept «beauty», keep the component of appraisal.

Ключевые слова: красота, лингвокультурный концепт, эстетическая оценка, уродливый, смысловой признак, компонент оценки.

Key words: beauty, linguocultural concept, aesthetic appraisal, ugly, semantic indication, component of appraisal.

Представления о красоте в языковом сознании можно описать через семантический анализ словарных единиц, связанных с именем концепта «красота»: через описание синонимических, антонимических, словообразовательных и прочих связей, с помощью которых лингвокультурный концепт «укореняется» в лексической системе языка.

Рассмотрим следующие лексические единицы, связанные с концептом «красота» в английском языке: beauty, loveliness, handsomeness, good looks, pulchritude, attractiveness, splendor, resplendence, magnificence, radiance, belle, goddess, Venus, beau, doll; to beautify, to enhance, to embellish, to adorn, to ornament, to glamorise, to improve, to grace, to dress up, to smarten up, to do up; to enhance, to elaborate, to exaggerate, to decorate, to adorn, to garnish; ugliness, unpleasantness, unattractiveness; ugly, homely, unattractive,

unsightly, unseemly, unbecoming, ill-favoured, repulsive, hideous, frightful, grotesque, monstrous; evil-looking, nasty; to uglify, to spoil, to mar, to disfigure, to deface, to besmirch, to deform, to deface, to cut up, to injure the appearance of, to render unsightly, to maim, to make ugly, to scar, to scarify, to blemish.

Данные лексические единицы содержат один общий смысловой признак, относящийся к концепту «красота». Это характеристики внешнего и внутреннего свойства, вызывающие то или иное отношение к человеку или предмету – проявление отношения к человеку или предмету через оценку внешних данных с целью воздействия на него, причем человеку или предмету приписывается то или иное количество характеристик [5, с. 512].

Сравним разнообразие значений лексических единиц, связанных со значением «красота» в английской и русской культурах, т. е. русское слово «красота» и его английские эквиваленты.

Слово beauty наделено следующими значениями (словарные значения приводятся в порядке убывания степени важности места, отведенного им в словарях): 1. красота; прекрасное (the quality present in a person or thing that gives intense aesthetic pleasure or deep satisfaction to the mind or the senses); 2. привлекательная или красивая черта, как украшение (a beautiful thing, as a work of art); 3. прелесть в значении иронии (ironical–something remarkable or excellent: a beauty of a bruise); 4. красавица, красавец, красotka (a beautiful person); 5. достоинство (a particular advantage); 6. краса, цвет (something that is beautiful in nature or in some natural or artificial environment) [13].

Проведенный анализ четырех толковых словарей русского языка показал, что три значения слова «красота» встречаются во всех этих словарях без исключения. Мы провели исследование трех наиболее общих и значимых словарей [14, 15, 16].

Слово «красота» в русской культуре включает в себя следующие значения: 1) свойство доставлять наслаждение взору, слуху, интеллекту; 2) красивые, прекрасные места; 3) разговор о чем-то приятном, доставляющем удовольствие, удовлетворение

(разг.); 4) все красивое, прекрасное; 5) красивая, привлекательная внешность: одарить красотой и талантом.

По словарным различиям в значении слова “красивый” в английском и в русском языках выделяются два основных признака: 1) доставляющее наслаждение своим видом, 2) пропорциональность и гармоничность физических качеств. Единица красоты передает внешнюю форму и представляется в виде прекрасной женщины. По данным признакам возможно сделать следующие выводы: 1) человек оценивает окружающий мир и его проявления по собственным представлениям о красивом, 2) человеку свойственно стремиться к красоте как к совершенству.

Единица эстетической оценки внешности человека строится как образ человеческого физического и духовного облика с пропорциональными гармонично развитыми чертами. Внешность красивого человека совпадает с собственным психическим, осознанным или неосознанным представлением о красоте, тем самым вызывая нужную реакцию. Красивое не только красиво внешне, также оно обладает другими обязательными качествами. Иными словами, одной внешней красоты недостаточно. Человеку свойственно стремиться к самосовершенствованию не только физиологически, но и развивая свой внутренний мир.

В толковом словаре русского языка слово “уродливый” определяется так: 1) имеющий прирожденный физический недостаток, отличающийся уродством; человек, резко отличающийся от нормального вида (телосложение); 2) очень некрасивый, безобразный (об одежде); 3) неправильный, искаженный (о воспитании).

Слово «безобразный» имеет значения: 1) непристойный (о поступках), 2) отталкивающе некрасивый, уродливый (о человеке, о поступках), 3) отвратительный (о предметах).

Слово «некрасивый» имеет следующие значения 1) отличающийся неправильностью очертаний, с отсутствием гармонии красок, тонов, и т. д., непривлекательный на вид, имеющий непривлекательные черты лица, неприятный для слуха;

2) нечестный, непорядочный, (в противопоставлении с «красивый» разг.).

В словаре синонимов русского языка следующим образом определяются единицы, называющие людей, непривлекательных на вид, не обращающих на себя внимания своим внешним видом: невзрачный – имеющий непривлекательный, некрасивый вид и обычно небольшой рост или размер, слово употр. для характеристики людей, живых существ, предметов, а также внешность, наружность и т.п.; непрезентабельный употребляется в том же значении, но преимущественно в литературно-разговорной речи; неказистый подчеркивает небольшой рост кого-либо или небольшой размер чего-либо при отсутствии привлекательности; плюгавый – жалкий на вид из-за маленького роста, хилости и т.п., слово употр. по отношению к человеку, его внешнему виду и содержит пренебрежительную оценку [9, с. 210].

В синонимическом словаре русского языка для иллюстрации смысловых дистинкций применительно к идее «уродливость» приводятся существительные:

Безобразие, уродство – то, что во внешнем виде кого-, чего-л. производит отталкивающее, неприятное впечатление. Безобразие употр. в тех случаях, когда надо подчеркнуть отталкивающее, неприятное впечатление от общего вида кого-, чего-л.; уродство указывает на наличие какого-л. физического недостатка в лице, фигуре и т.д. человека или на нарушение, искажение пропорций, составных частей в каком-л. сооружении, создании и т.д. [9, с. 35].

Урод, уродина (разг.), страшилище (разг.), страшило (прост.) и страшила (прост.), страхолюд (прост.) и страхолюдина (прост.). Урод – человек с некрасивой, безобразной внешностью; слово «уродина» имеет усилительный характер, употр. в обиходно-разговорной речи; слова страшилище, страшило, страшила, страхолюд и страхолюдина подчеркивают крайнее уродство кого-л., употр. в просторечной, грубовато-фамильярной речи [9, с. 305].

Анализ слов, обозначающих понятие «некрасивый» в русском языке, дает возможность сделать следующие выводы:

1. Подавляющее большинство этих слов отмечены стилистически как разговорные и просторечные, следовательно,

обозначение некрасивой внешности допускается только в кругу хорошо знакомых между собой людей.

2. Смысловые различия между исследуемыми словами носят следующий характер: 1) наличие врожденного физического недостатка, 2) непропорциональность, 3) негативно оцениваемый маленький рост, 4) отсутствие ярких особенностей, 5) вызывающий жалость, 6) слабое здоровье, 7) гендерная маркированность: в качестве примеров некрасивой внешности приводятся слова, обозначающие женщин; 8) тесная связь с этической оценкой.

Мы видим, что английское *beauty* не менее многозначно, чем русское «красота». В соотношении выделяемых значений в русском языке не присутствует полисемия, которая характерна для английского.

Рассмотрим некоторые прилагательные английского языка: *good-looking* (having a pleasingly attractive appearance), *stupendous* (astounding, marvelous, causing amazement), *first-rate* (superb, excellent), *fascinating*, *enchanting*; «пленительный», «симпатичный», «миловидный», «располагающий к себе». Следующие лексические единицы содержат смысловый признак: «обольстительный», «притягательный»; прилагательные *captivating* (attracting intensely and fixedly, as by beauty or some special quality), *alluring* (very attractive or tempting; enticing, fascinating; charming), «зачаровывать», «пленять», «покорять», «восхищать»; *to fancy up* (to take a liking to), *to set off* (to enhance the effect of), *to spoil*.

К чьему-либо мнению мы можем относиться как с положительной стороны: (*seemly*, «приводить в восторг»), так и с отрицательной (*to disfigure*, «оскорблять глаз своим видом») [4, с. 21]. Присутствие внешних характеристик и присутствие отношения (т. е. мнения об индивиде или о предмете по причине определенных качественных характеристик) является обязательной составляющей лексических единиц, связанных с лингвокультурным концептом «красота» [1, с. 495].

Определение по внешности может значительно различаться: homely (lacking in physical attractiveness), gorgeous (splendid or sumptuous in appearance).

Наиболее употребительными единицами для передачи концепта «красота» являются beauty и его производные beautiful, beautifully. Beautiful встречается в значении attractive, lovely (в противоположность слову ugly), т.е. в значении someone or smth that is beautiful is very good and pleasing to look at. В данном случае слово beautiful является синонимом heavenly exquisite. Синонимом слову exquisitely, является наречие beautifully, т.е. a beautiful action is that is done very skillfully. Наречие beautifully встречается перед Причастием II различных глаголов: kept, laid (table), laundered (white shirts), written, thought out (plan), tailored (suit) – the beautifully furnished room, furnished (room), upholstered (sofa). Можно сделать вывод, что слово beautiful может обозначать индивида или предмет, какое-то действие или событие, которому выносится высокая оценка внешней стороны или значимости.

Можно заметить, что общая положительная оценка и эстетическая положительная оценка являются естественными для объектов. Это осуществляется по принципу возврата: хорошее – красивое – хорошее, отсюда и «красивый поступок» [2, с. 15]. Слово pretty от германского *pratt-trick, толкуется в этимологическом словаре английского языка как crafty, wily, clever, ingenious, fine, brave, beautiful in a slight or dainty manner, considerable in quantity [17, с. 347]. В словаре приводится очень важное рассуждение: развитие значения этого слова параллельно и развитию семантики других слов – canny, clever, cunning, fine, nice. Можно отметить, что слова, которые обозначают частные положительные качества «умный», «умеющий» и др., перешли в общеоценочные, а те вновь конкретизировались для обозначения красоты. Например, обозначение эмоциональных модулей, таких как «страх», «радость», «печаль» развивалось от конкретного к абстрактному, от выражения человеческой реакции (например, страх выражается через оцепенение, удушье) к обозначению эмоционального психического состояния [9, с. 495]. Таким образом, слова с эстетической оценкой развиваются по принципу

от конкретного положительного признака к общему положительному признаку и в итоге переходит в эстетически положительный признак.

Рассмотрим оценку отрицательного эстетического признака, который выражается словом *ugly* в английском языке. Этимологически данное слово относится к северогерманским словам со значением «страшный». Французское же заимствование *monstrous* переводится как «смотреть с удивлением» (изначально – смотреть с трепетом на нечто чудесное). Идея безобразного выражается как характеристика человеческой эмоции при виде безобразного (страх, отвращение) и как удивление [8, с. 201].

В английской лексикографии [11] можно выделить следующие характеристики концепта «красота»: мысленно опосредованное наблюдение (*mind and soul*) (*beautiful*); удовольствие от созерцания совершенства на расстоянии (*handsome*); изящество наблюдаемого объекта (небольшого размера) (*pretty*); удовольствие от наблюдаемого объекта (*bonny*); акцент на чистоту и свежесть предмета наблюдения (*fair*); заострение внимания на телесной красоте; очарованность (*lovely*), эмоциональное восхищение; минимальная степень выражения восхищения (*good-looking*); совершенство, соответствие идеалу (*beautiful*); гармоничность и противопоставление простому, заурядному (*comely*).

Некоторые единицы в ряду слов, которые соотносятся с приведенными синонимами по аналогии, определяются по двум типам: 1) *glorious, splendid, resplendent, superb, sublime*; 2) *exquisite, choice, elegant*. К словам первой группы можно применить общеоценочный характер и, в данном случае, можно дополнить обширным списком подобных слов.

Во второй группе слов выделяются: *exquisite* – a) *extremely beautiful or delicate*, b) *acute; keenly felt (exquisite pleasure)*, c) *keen; highly sensitive or discriminating (exquisite taste)*; *elegant* – a) *graceful in appearance or manner*, b) *(of a mode of life etc.) of refined luxury*, c) *tasteful, refined*, d) *ingeniously simple and pleasing*.

«Интенсивность эмоционального удовлетворения», «изящество» и «вкус» – данные признаки выделяются из словарных

дефиниций этих прилагательных. Они по праву соотносятся с идеей выбора: хороший вкус подразумевает умение выбрать лучшее (careful selection of the best). В латинском языке корневые морфемы данных единиц обозначали выбор и поиск [6, с. 92].

Для англичан внешнее и внутреннее связаны неразрывно, они делают акцент внимания на внешность. Предполагается, что внешние характеристики должны соотноситься с внутренним содержанием, хотя и признают, что внешность может быть обманчива [3, с. 273].

В идеографическом словаре П. Роже [10] выделяются следующие обозначения концепта «некрасивый»:

ugly, ugly as sin, ugly as a toad; homely; ordinary not fit to be seen; unbeauteous; graceless, inelegant; lumpish; hulky; frightful, hideous, odious, hard favored; dingy (colorless); squalid, haggard; grim; grewsome.

Проанализировав словарные обозначения синонимического ряда, который имеет начало со слова «ugly» [12], можно скорректировать некоторые понятия для определения концепта «красота». Для английской синонимии характерны следующие различия: а) общим признаком для синонимов ugly, ill-favored, unsightly, hideous, выступает качество, которое является противоположностью тому, что доставляет удовольствие при наблюдении; б) признаки по степени различия сравниваемых синонимов можно разделить по следующим направлениям: 1) неприятный при наблюдении, при использовании обоняния, слуха; 2) вызывающий ужасное отвращение (hideous); 3) конкретизация на неприятном признаке или качестве человека или животного (ill-favored); 4) подчеркивание определенного качества материальных объектов, которое не приносит удовольствия во время наблюдения (unsightly).

В данном ряду слов можно выделить две группы единиц, противопоставление которых построено на двух признаках: а) plain, simple, unpretentious, homely; б) bizarre, grotesque.

Рассмотрим слова первой группы:

simple – а) not elaborate or complicated; plain; unembellished: a simple design. б) not ornate or luxurious; unadorned: a simple dress.

c) common or ordinary: a simple soldier. d) not grand or sophisticated; unpretentious: simple tastes. e) lacking mental acuteness or sense.

plain – a) clear or distinct to the eye or ear: in plain view, b) not beautiful; unattractive: a plain face, c) without intricacies or difficulties, d) with little or no embellishment or decoration: a plain blue suit, e) without a pattern, figure, or device: a plain fabric.

homely – a) lacking in physical attractiveness; unattractive; plain. b) simple; unpretentious. c) commonly seen or known; familiar.

«Неопределенность», «простота», «отсутствие красоты» – данные признаки относятся к словарным единицам этих прилагательных.

Можно сделать некоторые выводы, проанализировав лексические обозначения понятий, которые являются противоположными значению «красивый»:

У слов, обозначающих понятие «некрасивый», нет сходных признаков по отношению к словам, обозначающим «красоту», исключение составляет лишь признак по интенсивности.

Понятия отрицательной эстетической оценки в английском языке конкретизируются в отсутствии какого-либо украшения, непропорциональности форм, грубости, необработанности; отвращении, вызванном грязью; непривлекательности, заурядности; бесформенности; и отвращении, вызванном страхом.

Таким образом, можно заключить, что в русском и английском языках, выражающие концепт «красота» лексические единицы содержат компонент оценки. Это совпадает с определением красоты как эстетической оценки и определением одобрения или неодобрения. В английской лингвокультуре рациональное и эмоциональное отношение к миру противопоставляется последовательно. В английской лингвокультуре наблюдатель более активен. Что касается оценки красоты, то здесь подчеркивается идея выбора как действия субъекта.

Причиной грубости, необработанности и отсутствие украшения является в английском языке то, что объект вызывает отрицательную эстетическую оценку. Большое количество народно-поэтических синонимов, которые обозначают концепт «красота» в русском языке, и отсутствующие подобные единицы в

английском языке можно объяснить известными характеристиками английской и русской синонимии: для английского языка более характерна идеографическая синонимика, для русского – оценочно-стилистическая.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2-х т. – М., 1995.
2. Арутюнова Н. Д. «Пропозиция», «факт», «событие»: (Опыт концепт. анализа) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1987. – Т. 46, N 6. – С. 529–546.
3. Бабаева Е. В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997.
4. Васильева А. В. Эмоционально-оценочные прилагательные в современном английском языке (парадигматический и синтагматический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1975.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. – М.: Русский язык, 1982. – С. 89–98.
7. Демьянков В. З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – С. 169–209.
8. Красавский Н. А. Эмоциональные концепта в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград: Перемена, 2001.

Список словарей

9. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Сов. энцикл., 1969.
10. Random House Webster's Unabridged Dictionary. NY: Random House, 1997.
11. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. – Glasgow, 1982.
12. Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield: Merriam-Webster, 1984.
13. Oxford Dictionary & Thesaurus. – Oxford University Press, 1995.
14. Большой толковый словарь русского языка.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра, 1994.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1984.
17. The Oxford Dictionary of English Etymology, OUP, 1996.

Психолингвистическое значение слова *общение* в русском языковом сознании

В статье рассматриваются особенности лексикографического и психолингвистического описания значения слова. Показано, что экспериментальные процедуры позволяют выявить психолингвистическое значение слова в языковом сознании носителя языка, которое существенно отличается по объему от его лексикографических описаний.

The article is devoted to the characteristic features of the lexicographical and psycholinguistic description of the word meaning. It is shown that experimental methods permit to find psycholinguistic meaning of the word in the linguistic conscience of speakers that is different from its lexicographical descriptions by the amount.

Ключевые слова: языковое сознание, лексикографическое значение слова, психолингвистическое значение слова.

Key words: linguistic conscience, lexicographical meaning of the word, psycholinguistic meaning of the word.

Термин «языковое сознание» в настоящее время активно используется в психолингвистике, когнитологии, культурологии, встречается в названиях симпозиумов и конференций по психолингвистике и когнитивной лингвистике, наименованиях сборников статей.

В то же время следует отметить, что в толковании этого понятия нет единства. В 1988 г. И.Н. Горелов отмечал, что «языковое сознание функционирует в научных текстах не как однозначное терминосочетание, а в качестве интуитивно найденного обозначения различных "ясно-смутных" представлений об обозначаемых, часто синонимичных "языковому мышлению"» [1, с. 46–47]. На неопределенность этого термина указывают в своих работах Т.Н. Ушакова [7, с. 13], А.А. Залевская [2, с. 92] и ряд других исследователей. А.А. Залевская подчеркивает, что «важно различать общее понятие "универсального", или "глобального", сознания / мышления и частные понятия языкового / речевого сознания / мышления, которые фигурируют наряду с понятиями знакового соз-

нания, когнитивного сознания, метаязыкового сознания, неязыкового сознания и т.д.» [2, с. 92].

Языковое сознание определяется как «совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть ментальные механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека» [3, с. 32–34]. Е.Ф. Тарасов дифференцирует сознание и языковое сознание, определяя последнее как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [5, с. 26]. В Предисловии к сборнику материалов XV Симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации он отмечает: «Языковое сознание – это совокупность подходов, методов и методик анализа процессов использования знаний при речевых процессах, которое пришло на смену менее адекватному представлению о значении слова как способу описания знаний, вовлекаемых в процесс речевого общения» [6, с. 3–4].

В исследовании языкового сознания выделяют два подхода: лингвистический и психолингвистический.

Уровень *традиционного лингвистического описания* языкового сознания предполагает обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания. Такой подход предполагает описание того, что есть в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях, письменной и устной речи, что устоялось, определилось и является общепринятым. Описывается надындивидуальное в языке.

Уровень *психолингвистического описания* языковых фактов отражает результаты экспериментальных исследований, в частности, выполненных с помощью различного рода ассоциативных экспериментов и многочисленных других экспериментальных процедур (методика интервьюирования, метод субъективных дефиниций, интерпретационный эксперимент, методика семантического шкалирования, методика ранжирования и др. [3, с. 32–33].

В описании значения слова также можно выделить два уровня. Известно, что обращение к толковым словарям русского языка

как к материалу для семантического анализа требует ряда уточнений, поскольку лексическое значение слова шире, объемнее словарной дефиниции. В связи с этим И.А. Стернин разграничивает два типа значений – значение, представленное в толковом словаре, и значение, представленное в сознании носителя языка [4, с. 15].

Таким образом, можно говорить о разных уровнях описания значений лексических единиц как элементов языкового сознания носителей языка: 1) *лексикографическое значение* (логически сформулированный лексикографами минимум признаков для узнавания значения слова); 2) *психолингвистическое значение* (значение, полученное или верифицированное экспериментально, содержащее описание относительной яркости каждого значения и семантического компонента значения в языковом сознании носителей языка) [4, с. 18].

С целью описания лексикографического значения лексем *общение, общаться* мы обратились к ряду толковых словарей.

В Словаре современного русского литературного языка в 17 томах приведены следующие дефиниции: *общение* – "взаимные сношения, связь", *общаться* – "поддерживать связь, общение, взаимные отношения с кем, чем-л." [Словарь современного русского литературного языка 1959].

Другие толковые словари приводят сходные значения данных лексем: *общаться* – "поддерживать отношения, встречаться, иметь общение с кем-л."; несколько уточняется значение лексемы *общение* – "взаимные сношения, деловая, дружеская связь" [Словарь русского языка 1983; Ожегов 1995; Ефремова 2000; Большой толковый словарь русского языка 2000].

В Толковом словаре русского языка под ред. Д.В. Дмитриева, который, по мнению авторов, призван «служить читателю языковым справочником активного типа» лексема *общение* дефинируется следующим образом:

1. Общением вы называете отношения, которые возникают между часто встречающимися в деловой или дружеской обстановке людьми, основанные на взаимной симпатии, общности интересов, сфер деятельности и т. п., важной составной частью которых

является обсуждение каких-л. вопросов, обмен мнениями, впечатлениями, новостями.

2. Кругом общения вы называете людей, с которыми вы часто встречаетесь, разговариваете, обмениваетесь мнениями, впечатлениями, новостями, поддерживаете дружеские или деловые отношения.

3. Общением вы называете также способ, с помощью которого вы взаимодействуете с природой, животными и т. п. [Толковый словарь русского языка, 2003].

По определению И.А. Стернина, психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных [4, с. 16].

Источником выявления психолингвистического значения является психолингвистический эксперимент.

Для определения психологически реального значения лексемы *общение* на первом этапе был использован свободный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предлагалась следующая инструкция:

«Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Пожалуйста, прочитайте предлагаемый список слов и около каждого напишите первое слово, которое придет Вам в голову. Работайте быстро, не раздумывайте долго. Если ни одно слово не вспоминается, ставьте прочерк. Просим Вас не вносить никаких изменений в свои ответы.

высота

общение

рассвет

поражение

поведение

вежливость

удивление

помощник

кактус

внешность

грубость

атлет

образование

занятие

Просим указать свои данные: пол, возраст, кем работаете, место жительства».

В эксперименте приняло участие 600 человек, из них 292 мужчины, 308 женщин, 234 человека в возрасте от 21 до 30 лет, 213 человек в возрасте от 31 до 55 лет, 153 человека в возрасте выше 55 лет.

Результаты эксперимента

Общение 600 – разговор 151, беседа, люди 33, друзья 31, дружба 25, диалог 24, друг 20, радость 19, контакт, речь, человек 11, с друзьями 9, встреча, удовольствие 8, язык 7, коллектив, с людьми 6, деловое, знакомство, информация, коммуникация 5, культура, подруга, приятное 4, коммуникабельность, людей, с человеком, собеседник 3, веселое, группа людей, дружеское, интерес, интересное, компания, круг, любовь, общество, работа, разговоры, с животными, связь, смех, телефон, усталость 2, бабки, базар, близость, болтовня, в рамках дозволенного, взаимопонимание, вместе, времяпрепровождение, гости, группа, два человека, дебаты, девушка, дед и внуки, дети, диалог двоих, доброта, дом, досуг, друзей, желание, жена, жизнь, замкнутость, знатство с людьми, искусство, класс!, клуб, клятва, легкое, личное, мама, между людьми, мнение, народ, необходимость, нужно, отношение, пение, перемена в классе, поведение, повод для выпивки, понимание, посиделки, прекрасно, привет, прикосновение, прощение, прямое, равноправное, разговор с собеседником, разное, рассказ, рассуждение, роскошь, ругань, руки, рынок, с девушкой, с дочкой, с ребенком, сближает, связь людей, семья, слово, собрание, тема, тепло, тесное, тоска, трепло, тусовка, урок, учитель, хорошее, чтение, широкое, школа, эмоции 1; отказы 32. Всего получено 568 реакций, из них различных – 123.

При обработке экспериментальных данных семантически сходные ассоциаты интерпретируются как ассоциативная актуализация одного и того же семантического компонента. Далее выделенные семантические компоненты распределяются по зонам ядра и периферии.

Ядро: представляет собой разговор 212 (разговор 151, беседа 33, диалог 24, разговоры 2, базар 1, разговор с собеседником 1).

Ближняя периферия: с друзьями 65 (друзья 31, друг 20, с друзьями 9, подруга 4, друзей 1); с людьми 60 (люди 33, человек 11, с людьми 6, людей 3, с человеком 3, собеседник 3, между людьми 1); устанавливаются дружеские отношения 27 (дружба 25, дружеское 2); вызывает радость 19 (радость 19); вербальное 19 (речь 11, язык 7, слово 1); направлено на установление взаимоотношений 15 (контакт 11, связь 2, отношение 1, связь людей 1); приятное 15 (удовольствие 8, приятное 4, класс! 1, прекрасно 1, хорошее 1).

Дальняя периферия: протекает на работе 9 (коллектив 6, работа 2, собрание 1); происходит при встрече 8 (встреча 8); предназначено для знакомства с людьми 6 (знакомство 5, знатство с людьми 1); протекает в группе 5 (группа людей 2, общество 2, группа 1); содержит обмен информацией 5 (информация 5); устанавливаются деловые отношения 5 (деловое 5); культурное 4 (культура 4); веселое 4 (веселое 2, смех 2); является потребностью 4 (желание 1, жизнь 1, необходимость 1, нужно 1); интересное 4 (интересное 2, интерес 2); предназначено для проведения времени 3 (времяпрепровождение 1, досуг 1, посиделки 1); с детьми 3 (дети 1, с дочкой 1, с ребенком 1); устанавливаются близкие отношения 3 (близость 1, вместе 1, сближает 1); протекает в школе 3 (перемена в классе 1, урок 1, школа 1); протекает в компании 3 (компания 2, тусовка 1); предполагает наличие коммуникабельности 3 (коммуникабельность 3).

Крайняя периферия: с животными 2; с пожилыми людьми 2 (бабки 1, дед 1); с девушкой 2 (девушка 1, с девушкой 1); устанавливаются любовные отношения 2 (любовь 2); устанавливается взаимопонимание 2 (взаимопонимание 1, понимание 1); вызывает усталость 2 (усталость 2); невербальное 2 (прикосновение 1, руки 1); протекает дома 2 (дом 1, семья 1); протекает в малой группе 2 (два человека 1, диалог двоих 1); по телефону 2 (телефон 2); несодержательное 2 (болтовня 1, трепло 1); проявляются определенные качества личности 2 (доброта 1, замкнутость 1); имеется определенный круг общения 2 (круг 2); протекает на рынке 1

(рынок 1); протекает в клубе 1 (клуб 1); теплое 1 (тепло 1); вызывает тоску 1 (тоска 1); эмоциональное 1 (эмоции 1); с гостями 1 (гости 1); с женой 1 (жена); с мамой 1 (мама 1); с народом 1 (народ 1); с учителем 1 (учитель 1); протекает в форме дебатов 1 (дебаты 1); сопровождается пением 1 (пение 1); предполагает соблюдение определенных правил 1 (поведение 1); с книгой 1 (чтение 1); содержит клятву 1 (клятва 1); содержит обмен мнениями 1 (мнение 1); содержит приветствие 1 (привет 1); содержит прощение 1 (прощение 1); включает рассказ 1 (рассказ 1); содержит рассуждение 1 (рассуждение 1); личное 1; легкое 1; прямое 1; равноправное 1; разное 1; конфликтное (ругань 1); тесное 1; широкое 1; является поводом для выпивки 1 (повод для выпивки 1); является роскошью 1 (роскошь 1); протекает в рамках дозволенного 1 (в рамках дозволенного 1); на определенную тему 1 (тема 1).

Психолингвистическое описание показало, что ядерной семой в значении слова *общение* является сема 'разговор', а в лексикографических описаниях *общение* определяется как взаимоотношения, связь между людьми.

Психолингвистическое значение слова можно сформулировать как связное перечисление выявленных в ходе эксперимента семантических компонентов с указанием частотности их актуализации в эксперименте. По данным экспериментального исследования лексема *общение* в современном русском языковом сознании имеет два значения:

1. Разговор 212 с людьми 60, преимущественно с друзьями 65, детьми 3, пожилыми людьми 2, девушкой 2, гостями 1, женой 1, мамой 1, народом 1, учителем 1, на определенную тему 1; направлен на обмен информацией 5 и мнениями 1 с помощью вербальных 19 и невербальных 2 средств, с использованием технических 2 средств передачи информации; протекает по определенным правилам 1 в рамках дозволенного 1; может иметь форму дебатов 1; может содержать клятву 1, приветствие 1, прощение 1, включать рассказ 1, рассуждение 1; сопровождается установлением взаимоотношений 15, дружеских 27, деловых 5, близких 3, любовных 2, равноправных 1, тесных 1, взаимопонимания 2; формирует определенный круг общения 2, протекает

в группе 5 из двух и более человек 3, в широком кругу 1, в компании 3, на работе 9, в школе 4, дома 2, на рынке 1, в клубе 1; возникает при встрече 8; предназначен для знакомства 6, проведения времени 5, является поводом для выпивки 1, является потребностью 4, роскошью 1; доставляет радость 19, удовольствие 15, может вызывать усталость 2, тоску 1; может быть интересным 5, культурным 4, веселым 4, несодержательным 2, теплым 1, эмоциональным 1, личным 1, легким 1, прямым 1, конфликтным 1, разным 1; предполагает наличие у коммуникантов определенных качеств 5. Всего 563 реакций.

2. Взаимоотношения с животными 2, книгой 1. Всего 3 реакции.

При анализе психолингвистического значения, сформулированного по результатам свободного ассоциативного эксперимента, могут быть выделены семантические параметры, по которым осмысливается языковым сознанием явление общения:

Способ общения 216: *разговор 151, беседа 33, диалог 24, разговоры 2, базар, дебаты, пение, поведение, разговор с собеседником, чтение 1.*

Участники 139: *люди 33, друзья 31, друг 20, человек 11, с друзьями 9, с людьми 6, подруга 4, людей, с человеком, собеседник 3, с животными 2, бабки, гости, девушка, дед и внуки, дети, друзей, жена, мама, между людьми, народ, с девушкой, с дочкой, с ребенком, учитель 1.*

Устанавливаемые взаимоотношения 47: *дружба 25, контакт 11, связь, любовь 2, близость, вместе, взаимопонимание, отношение, понимание, сближает, связь людей 1.*

Эмоциональная характеристика 36: *радость 19, удовольствие 8, веселое, смех, усталость 2, тепло, тоска, эмоции 1.*

Используемые средства 21: *речь 11, язык 7, прикосновение, руки, слово 1.*

Сфера протекания 17: *коллектив 6, работа 2, дом, клуб, перемена в классе, рынок, семья, собрание, тусовка, урок, школа 1.*

Состав участников 11: *группа людей, компания, круг, общество 2, группа, два человека, диалог двоих 1.*

Содержание 11: *информация 5, клятва, мнение, привет, прощение, рассказ, рассуждение 1.*

Типы 8: *деловое 5, дружеское 2, личное 1.*

Сопутствующие события 8: *встреча 8.*

Оценка 7: *приятное 4, класс!, прекрасно, хорошее 1.*

Характер протекания 7: *легкое, прямое, равноправное, разное, ругань, тесное, широкое 1.*

Назначение 5: *времяпрепровождение, досуг, повод для выпивки, посиделки, знатство с людьми 1.*

Культурный уровень 5: *культура 4, искусство 1.*

Качества коммуниканта 5: *коммуникабельность 3, доброта, замкнутость 1.*

Испытываемая потребность 5: *необходимость 2, желание, жизнь, роскошь 1.*

Результат 5: *знакомство 5.*

Познавательная ценность 3: *интересное 2, интерес 1.*

Используемые технические средства 2: *телефон 2.*

Ценность информации 2: *болтовня, трепло 1.*

Тематика 2: *в рамках дозволенного, тема 1.*

Выделение семантических параметров определяет возможность проведения дальнейших экспериментальных процедур для дополнения полученных в свободном ассоциативном эксперименте результатов. Например, выделение зон, имеющих достаточно высокую яркость, – «Способ протекания» (как протекает?), «Участники» (с кем?), «Эмоциональная характеристика» (какое?), «Используемые средства» (как? с помощью чего?), «Оценка» (какое?) и др. позволяет определить содержание направленных ассоциативных экспериментов, которые дополняют результаты свободного ассоциативного эксперимента и позволят более углубленно представить психолингвистическое значение слова.

Таким образом, психолингвистические экспериментальные процедуры позволяют выявить психолингвистическое значение слова в языковом сознании носителя языка, которое, как правило, существенно отличается по объему и структуре от его лексикографических описаний.

Список литературы

1. Горелов И.Н. «Языковое сознание» как система актуализированных декларативных и процедуральных знаний / И.Н. Горелов // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988. – С. 46–47.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М., 2000.
3. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2007.
4. Стернин, И.А. О новых возможностях лингвокогнитивного анализа (концептуальный анализ и описание психолингвистического значения слова) / И.А. Стернин // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж, 2010. – Вып. 3. – С. 14–27.
5. Тарасов, Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей. – М., 2000.
6. Тарасов, Е.Ф. Теория речевой деятельности (предисловие) / Е.Ф. Тарасов // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. – Калуга, 2006. – С. 3–4.
7. Ушакова, Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т.Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира: Сборник статей. – М., 2000. – С. 13–23.

Список словарей

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2000.
2. Ефремова Т.В. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. / Т.В. Ефремова – М., 2000. – Т. 1. А-О.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1995.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Институт русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1983. – Т. 2. К-О.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР, Институт русского языка. – М.-Л., 1959. – Т. 8. О.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. – М., 2003.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА

УДК 81

С. В. Иванова, О. Е. Артемова

Роль карнавализации в идентификации культурного кода (на материале современного американского медиадискурса)

Статья посвящена изучению исследовательского потенциала теории карнавализации применительно к процессу декодирования культурных кодов в медиадискурсе. Обнаружение элементов карнавализации в медиадискурсе свидетельствует о заложенных в сообщении культурных кодах, которые могут быть подвергнуты декодированию посредством интерпретационного анализа карнавализационных масок.

The article studies investigational potential of carnivalisation theory in its relation to deciphering cultural codes in media discourse. Identification of elements of carnivalisation in media discourse testifies to the existence of cultural codes which can be decoded by way of carnivalisation mask interpretation analysis.

Ключевые слова: теория карнавализации, культурный код, речеповеденческий код, медиадискурс, ирония, бинарная оппозиция, лингвокультурное сообщество.

Key words: theory of carnivalisation, cultural code, speech behavioral code, media discourse, irony, binary opposition, lingvo-cultural community.

Современное понимание лингвокультурологии предполагает обращение к проблематике культурного кодирования как одной из основополагающих сфер данной области лингвистических исследований. Культурный код вошел в обязательный перечень базовых лингвокультурологических категорий и понятий. Полномасштабное изучение природы данного явления предполагает как обращение к различным типам дискурса, так и анализ специфики культурного кодирования в связи с его вербализацией. Цель данной статьи состоит в установлении возможности идентификации культурного кода посредством обращения к исследовательскому потенциалу теории карнавализации. Объектом данного исследования является современный американский медиадискурс. Предмет исследования составляет карнавализация как один из способов кодирования и декодирования культурных кодов.

В последнее время в связи с расширением и углублением межкультурных связей, термин «код культуры»/«культурный код» все чаще упоминается в работах социологов, политологов, специалистов по межкультурной коммуникации. Задача лингвистов состоит в поиске и систематизации подходов к декодированию содержащейся в сообщении оязыковленной культурологической информации.

Как известно, интеллектуальная мода на понятие кода связана с именем крупнейшего отечественного семиотика Ю.М. Лотмана. Ученый трактовал код как «тайные языки» различных возрастных и социальных групп, религиозные, политические и профессиональные тайны и пр. [11, с. 165]. Несмотря на индивидуальность восприятия этих тайных знаков и неуловимость значений, Ю.М. Лотман представлял возможным расшифровку данных кодов.

Нет нужды говорить о том, что сложность понятия «код культуры» объясняет существование различных подходов к определению этого термина. Так, согласно концепции В.В. Красных, код культуры может быть представлен в виде «сетки» наброшенной культурой на окружающий мир. Эта «сетка» «членит, категоризирует, структурирует», оценивает мир, что и находит отражение при кодировании [8, с. 232]. Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова определяют код культуры как систему знаков «материального и духовного мира, ставшие носителями культурных смыслов» [6, с. 9]. Подытоживая наработки в области проблематики культурного кодирования, проф. Чанышева З.З. предлагает обобщающее определение кода культуры как (1) внутренне связанной системы носителей культурно ценностной информации и установок, которая (2) формируется в пределах языков культуры в результате культурного соглашения и (3) выражает глубинное смысловое поле культуры [7, с. 282].

Кроме сложности, связанной с определением культурного кода, обращает на себя внимание их большое разнообразие и отсутствие конечного перечня (см. работы Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, О.А. Леонтович, Р. Барта, У. Эко), что, собственно, в своих изысканиях прогнозировал Ю.М. Лотман,

указывая, что «во всякую живую культуру «встроен» механизм умножения ее языков» [11, с. 164].

Типичным для культурного кода является его объективизация в устном народном творчестве, в художественной литературе; культурные коды могут фиксироваться в текстах в виде образной лексики, фразеологических единиц и т. п. [6, с. 62]. Среди средств «перекодирования» обращает на себя внимание карнавализация, потенциал которой особенно заметен в рамках комической ситуации. Под карнализацией понимается семиотическая теория карнавала, изложенная М.С. Бахтиным в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья». Источником для исследования М.М. Бахтина явилась традиция проведения праздников карнавального типа в средневековой Европе. Помимо карнавалов как таковых в то время существовала традиция справлять особые праздники, носившие названия: «праздник дураков» и «праздник осла». Также практически каждый церковный праздник имел свою «народно-площадную смеховую сторону». Чаще всего это были ярмарки и народные увеселения с участием великанов, карликов, уродов, «ученых» зверей. Неизменными участниками таких народных праздников выступали шуты, которые пародировали различные моменты серьезного церемониала. Такие обрядово-зрелищные формы разделяли мир на «серьезный, официальный – церковных и феодально-государственных – культовых форм и церемониалов и второй мир или вторую жизнь» [4, с. 13]. «Они давали совершенно иной, подчеркнуто неофициальный, внецерковный и внегосударственный аспект мира, человека и человеческих отношений; они как бы строили по ту сторону всего официального второй мир и вторую жизнь, которым все средневековые люди были причастны, в которых они в определенные сроки жили» [4, с. 13].

Для организованной на начале смеха карнавальной культуры свойственно создание своего рода "второго мира" и "второй жизни" [4, с. 10], где все не похоже на действительность. Так, например, то, что является важным и серьезным в действительности, в этом мире представляется смешным, воспринимается и постигается в своей смеховой ипостаси. Поскольку в центре кон-

цепции карнавализации находится «идея об "инверсии двоичных противопоставлений", то есть переворачивание смысла бинарных оппозиций» [13], то можно заключить, что карнавальное мировосприятие характеризуется амбивалентностью, двоичностью культурных образов (смыслов), при котором основное противопоставление идет по линии полюсов (*верх-низ, смешное-серьезное, приличное-неприличное* и т.п.). Объединение противопоставленных модусов служит снижению признаваемых в данное время и в данном обществе ценностей.

Смысл концепции карнавализации, по М.М. Бахтину, состоит в том, что понятие средневекового карнавала – архаической традиции, связанной в европейской культуре со стихией всеобновляющего смеха – может быть применено ко всем явлениям культуры Нового времени, в том числе и к литературным произведениям [2, с. 143]. Весьма ценным является замечание автора о том, что даже в эпоху современности, когда многие жанры имеют лишь отдаленную связь со средневековыми традициями, они "сохраняют в себе карнавальную закваску (бродило), резко выделяющую их из других жанров" [2, с. 143]. Соответственно, карнавальное мироощущение и гротескная образность воплощаются в настоящее время в произведениях смехового жанра, а также в текстах других жанров для отображения смеховой ситуации.

М.М. Бахтин выделяет несколько этапов карнавализации в литературе, начиная от поздней античности (диалоги Сократа, памфлеты) до карнавальных тем Средневековья и карнавала, выполняющего ту же, что и театр, функцию (средство массовой пропаганды) в эпоху барокко [2]. Таким образом, со временем карнавализация приобретает статус исключительно литературного явления. И этот процесс сопровождается модификацией карнавальных форм в собственно художественные средства. Так, редуцированные формы карнавального смеха, например, ирония (М.М. Бахтин в исследовании творчества Ф.М. Достоевского говорит также о юморе и о сарказме) транспонировали свою природную амбивалентность во вместившие их в себя художественно-образительные системы. Представляется, что именно ирония наилучшим образом отражает амбивалентную природу карна-

важных образов, которые объединяют в себе оба полюса смены и кризиса: благословение и проклятие, хвалу и брань, юность и старость, верх и низ, глупость и мудрость [2].

В качестве подтверждения данного тезиса целесообразно напомнить определение термина «ирония» как стилистического средства в отличие от понимания иронии как насмешливости. При использовании иронии как стилистического приема в слове «появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости)» [5]. Таким образом, ирония приобретает статус одного из тропов, суть которого заключается в переносе значения по противоположности. Отличительный признак этого приема – "двойной смысл, где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый" [14, с. 97].

Ирония как редуцированная форма карнавализованного мироощущения, которая не позволяет мысли автора «остановиться и застыть в односторонней серьезности» [2], широко используется в медиа-дискурсе. Соответственно, благодаря идентификации элементов карнавализации адресат сообщения имеет возможность декодировать культурные смыслы сообщения, отсылающие к бытующим в данном ЛКС ценностям.

Для понимания дискурса СМИ важно осознавать то, что он «представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества, поскольку в силу своей природы отражает как языковое, так и культурное статус-кво социума» [7, с. 144]. В результате, в тексте масс-медиа находят выражение «имеющиеся в том или ином ЛКС установки к созданию речевого продукта <...>» [7, с. 144]. Данное утверждение тесно связано с теорией культивации/культивирования (cultivation), автором и разработчиком которой является Дж. Гербнер [15]. Смысл данной теории заключается в том, что СМИ являются мощным фактором культурной социализации. Это означает, что аудитория (зритель, а в нашем случае – читатель) из средств массовой информации узнает об образцах поведения, о нормах реагирования на конкретные явления и получает то представление об обществе, которое

доминирует в СМИ. Иными словами, можно сказать, что при помощи масс-медиа последовательно культивируются определенные культурные ценности. Данную точку зрения разделяют и отечественные исследователи. Так, Г.Я. Солганик утверждает, что картина мира, создаваемая в СМИ, предназначена не только для информирования, но и для убеждения, воздействия [9, с. 795].

Суммируя все вышесказанное о дискурсе СМИ, можно утверждать, что, с одной стороны, «дискурс масс-медиа порождает тексты в определенном культурном контексте» [7, с. 144], тиражируя имеющиеся культурные установки и ценности, а с другой стороны, он способен формировать в сознании аудитории новые тенденции. Безусловно, масс-медийные издания во многом различаются по своим информативным задачам, но, тем не менее, одна из основных задач, их объединяющая, состоит в том, чтобы заинтересовать читателя, сделать сообщение стилистически привлекательным и убедительным для аудитории. Говоря о СМИ как о средстве убеждения, можно привести в качестве примера язык советской прессы, широко использовавшей средства прямой агитации. Ценностные установки насаждались СМИ посредством прямых призывов: "Поля зовут на ударный труд!", "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!".

В этой связи нельзя не отметить чужеродность подобного агитационного ракурса для современных англо-американских СМИ, так как использование императивной модальности несвойственно для представителя данной культуры. Это ограничение вытекает из существования такой специфической черты английского коммуникативного поведения, как "неимпозитивность – недопустимость или сведение до минимума прямого коммуникативного воздействия на собеседника" [10, с. 137]. Автор сообщения, таким образом, вынужден искать такие средства выражения, которые были бы приемлемы для представителей данного ЛКС. Одним из таких средств, например, является ирония как способ не прямой оценки, как внешний сигнал карнавализации.

Для иллюстрации сказанного необходимо обратиться к анализу практического материала. Весьма показательным в этом отношении является текстовый отрывок из статьи о скандале вокруг

корпорации Enron. Автор публикации дает следующую оценку этому событию: *The collapse of Enron, we now hear, is not a "political scandal" -- it's a business story. A fine distinction! So far, no one possesses evidence that government officials lied, goofed around with interns, ran guns from the White House basement, burglarized opponents' campaign offices or accepted bags of unmarked bills. And so a growing chorus in the media now chants that the Enron affair should not be considered in the same class as Whitewater, Watergate, Iran/Contra or any of the other previous brouhahas that have consumed Washington and brought presidencies to their knees. "I don't think it's a political [scandal] story yet. I think it's a business scandal" -- that's how the National Journal's Charlie Cook put it during a journalism panel covered in the Hotline. "Reporters try to put everything into a Whitewater/Watergate prism".¹*

Суть данного скандала заключается в том, что компания, которая обманывала своих инвесторов, лгала о прибылях и проводила целый ряд теневых сделок, оказывается, была тесно связана с Белым домом, в том числе, конкретно с президентом Дж. Бушем. Так, Enron выделил миллионы долларов на финансирование избирательной компании Джорджа Буша в 2000 г. Автор статьи проводит параллель с Уотергейтским скандалом – символом нечистоплотности в политических делах. Свою оценку автор выражает комментарием *A fine distinction!* на реплику *The collapse of Enron, ..., is not a "political scandal" -- it's a business story.* Слово *fine* в своем прямом значении обозначает нечто хорошего качества, прекрасное, либо тонкое, изящное: 1. - if something is fine, it is good enough and acceptable to you, 2. - very thin and narrow, not thick or heavy [16]. Таким образом, фразой *A fine distinction!* (рус.: тонкое отличие, небольшая разница), являющейся выражением иронии, автор привлекает внимание читателя к тому факту, что на самом деле политический скандал (*political scandal*) и ведение дел, бизнес (*a business story*) – это диаметрально противоположные понятия, стоящие на разных полюсах представления о порядочности как общечеловеческой ценности. Но участники скандала своими действиями сближают эти понятия, подменяя одно другим, и в ре-

¹ Отчет от 18.01. 2002. Режим доступа <http://open.salon.com>

зультате, под маской *business story* скрывается *political scandal* и, оказывается, что, действительно, четкая грань между ними практически стирается. Таким образом, используя теорию бинарных оппозиций как одну из характеристик теории карнавализации, представляется возможным обнаружить культурный код, используемый автором (идея о несовместимости скандала и честного ведения дела), и его вербальное воплощение – эпитет, служащий выражению иронии.

Второй пример иллюстрирует использование в качестве иронии такого приема, как «сближение человеческого мира с животным» [9, с. 228], лежащий в основе зооморфного кода. В статье ***Chinese Tiger ate US Dove for lunch*** (издание New York Post), автор представляет переговоры лидеров двух стран – Китая и США – как борьбу двух символических животных: президент Ху Цзиньтао представлен в образе тигра, символа силы и быстроты (Tiger Leader), а президент США – в образе голубя, символа миролюбия, покорности и чистоты (Dove Leader). Важно напомнить, что метафора сама по себе представляет один из способов карнавализации, так как маска, двойная жизнь, реальная и образная – это существенная черта карнавала. В рамках социологического подхода маска связана с понятием «имидж» и представляет собой способ самопрезентации индивидуума в социуме, причем мировоззрение, культура, ценностные установки ЛКС могут влиять на выбор маски. В лингвистическом смысле маска выступает как элемент речевого общения, который может определенным образом характеризовать говорящего. Каждый участник коммуникативного процесса, сознательно или бессознательно, выбирает тот или иной сценарий поведения и надевает соответствующую маску. В понимании М.М. Бахтина, маски задают свой тон, т.е. жанр и стиль высказывания зависят от того, в качестве кого и как (то есть, в какой ситуации) выступает говорящий человек [3, с. 377–378]. В анализируемой статье автор сам надевает маски на участников коммуникативного акта – согласно имиджу, который те для себя выбрали. Так, американский лидер выступает в образе всеобщего миротворца – *Dove*. Что касается президента КНР, то, представляется, что автор вводит сравнение с *Tiger* по аналогии с терми-

ном «азиатские тигры» (четверка азиатских стран, характеризующихся мощным и агрессивным экономическим поведением на мировом рынке), причисляя авансом бурно развивающийся Китай к вышеупомянутой группе стран. Таким образом, *Dove* и *Tiger* – это, прежде всего, политические и, кроме того, коммуникативно-ролевые маски участников переговоров. Однако, и в дальнейшем мы попробуем это доказать, эти образы вступают в противоречие с ожиданиями и принятыми в каждом ЛКС речеповеденческими кодами и культурными ценностями. Событие политической жизни, представленное сквозь призму карнавального сознания, подвергается кодированию, что дает возможность автору статьи дать собственную оценку происходящего.

Прежде всего, хотелось бы остановиться на использовании в тексте статьи метафорических имен *Tiger* и *Dove*. Так, принимая во внимание значение христианской и принятой в США политической символики понятия Dove¹, поведение Dove Leader во время переговоров полностью увязывается с взятой на себя американским президентом ролью политического голубя: президент Обама «likes to do a lot of bowing and scraping», «He is crowing about \$45 billion in US exports he got China to agree to.», «he really busted Hu's chops over his country's unfettered piracy of everything from designer handbags to software to drugs to sophisticated electronic gadgetry that American companies have plowed billions upon billion of dollars of research and development into ...»². Однако в закодированной форме автор статьи апеллирует к читателю и передает ему негативное отношение к избранной президентом США маске: не подобает руководителю великой державы выполнять «голубиные» действия (*bowing and scraping, crowing*). Таким образом, автор выражает мнение как в отношении возможности договориться представителям разных экономических систем, цивилизаций и культур, так и в целом по поводу перспектив развития американо-китайских отношений. Кроме того, совершенно очевидно столкновение речепо-

¹ Умеренные политические деятели, выступающие за решение международных проблем мирным путем (голубь – один из символов мира). Ср. hawks (ястребы) [АВВУУ Lingvo x3].

² <http://www.nypost.com>

веденческих культурных кодов, свойственных двум разным культурам. Так, для представителя азиатской культуры свойственно уходить от прямых конкретных ответов, поддерживать так называемый «дух дружбы», несмотря на жесткость ситуации, у них не принято улыбаться «просто так» (*Hu Jintao likes to do a lot of not smiling*), что совершенно неприемлемо с точки зрения американского речеповеденческого кода. Как правило, китайцы делают уступки лишь под конец переговоров, так как дипломатические встречи в их понимании служат только для сбора информации [12, с. 379–381]. Так, согласно тексту статьи, только в конце беседы, чтобы спасти переговоры, президент Китая идет на уступки, очень сомнительные, впрочем, с точки зрения автора (*Then came Hu's big concession to Obama -- perfectly illustrating his country's regard for intellectual property. Hu promised he would try to get his own government agencies to quit using pirated software. You call this a concession? No, that is called complete bamboozlement).*

Для представителя американского ЛКС важным является достижение конкретных результатов. Американцы, как правило, стремятся обсудить не только общие подходы, но и детали, связанные с реализацией договоренностей, ценят открытость и быстро переходя к сути разговора, часто теряют терпение, если не встречают аналогичной реакции у собеседника [12, с. 237–243]. Так, в самом начале статьи автор обрисовывает действия президента США, при этом стилистика фраз подчеркивает нарастающее нетерпение Dove Leader: *He speaks endlessly; he likes to do a lot of bowing; he is still talking; He is crowing*, и, наконец, только когда Obama ... *wagged his finger in Hu's face over China's human-rights record*, Tiger Leader идет на существенную уступку - *surprised many -- and surely caused the Dove Leader's heart to flutter -- by admitting that his country could do more in the area of human rights*. И даже это, значительное, с точки зрения носителя азиатской культуры, признание, автор называет *a baby step in the right direction*. Интересно здесь даже не столько речевое поведение президента США, сколько интерпретация автором статьи речевого взаимодействия героев, скрывающихся за масками. Интерпретация ролевого поведения президента США, таким образом, представляет собой иллюстра-

цию к идее о том, что многие американцы считают свою страну самой преуспевающей экономической и демократической системой, а американские нормы единственно верными [12, с. 239]. Именно это обстоятельство обуславливает ироническое отношение автора статьи к поведению своего лидера – на карнавале политических амбиций Америка не может играть роль миролюбивого и покорного Голубя. Проникнутая иронией карнавализация служит декодированию отношения автора, как к своим героям, так и к более широкому событийному политическому контексту.

Кроме того, эмпирический материал свидетельствует, что культурные коды входят в сложные отношения взаимодействия друг с другом, взаимонакладываясь, пересекаясь, но при этом существуя в общей для них семиосфере. При этом «масса конструкций как носителей семиотических значений» [11, с. 170] сводится воедино и организует культурологическую информацию, снимая элементы энтропии, понимаемой как некий информационный хаос. Все это подтверждает вывод Ю.М. Лотмана о том, что в таком случае «система выигрывает в степени структурной организованности, но теряет внутренние запасы неопределенности, с которыми связаны ее гибкость, способность к повышенной информационной емкости и резерв динамического развития» [11, с. 171].

В качестве итога хотелось бы отметить, что вербализация сообщения, содержащего культурологическую информацию, предполагает возможность вычленения этой информации посредством анализа языковой стороны сообщения сквозь призму проблематики культурного кодирования. В таком случае культурологическая информация получает полноценное лингвокультурологическое освещение с учетом ценностных ориентаций ЛКС. При этом исследователь имеет возможность реконструировать то, что Н.Ф. Алефиренко называет «ценностно-смысловым пространством языка» [1]. Анализ медиадискурса показывает, что мощным средством кодирования/декодирования культурологической информации выступает карнавализация. Механизм декодирования в этом случае основывается на заложенном в основе данного типа кодирования амбивалентном принципе построения образов, на

наличии интерпретируемых «масок», что является основным принципом теории карнавализации. Таким образом, можно заключить, что исследовательский потенциал теории карнавализации может быть успешно использован в целях декодирования культурологической информации, овнешненной языковой тканью.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: наука, 2010.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М.: Искусство, 1986.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990.
5. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд. лит. на ин. яз., 1958.
6. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007.
7. Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.
8. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК Гнозис, 2002.
9. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003.
10. Ларина Т.В. Категория "вежливость" как отражение социально-культурных отношений // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003. – № 4. – С. 137–146.
11. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: "Языки русской культуры", 1999.
12. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе (от столкновения к взаимопониманию). – М.: Дело, 1999.
13. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. - *Отчет от 23.03.2010. Режим доступа* http://rudnevslovar.narod.ru/i2_k1.htm#kar
14. Русова Н. Ю. От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. – М.: Флинта: Наука, 2004.
15. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. Charting the Mainstream: Television's Contributions to Political Orientations // Journal of Communication. – 1982. – № 32:2. – Pp. 100–127.
16. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Macmillan Publishers Limited, 2002. – XIV, 1692 p. [Macmillan].

Контрапункт как прием организации текста антиутопии

Статья посвящена рассмотрению контрапункта как приема организации антиутопических текстов. Дано определение контрапункта, проанализированы различные случаи его употребления в текстах двух классических антиутопий первой половины XX века, определены функции контрапункта в приведенных случаях.

The article describes counterpoint as a method of anti-utopian text organization. It gives its definition, analyzes different cases of its usage in the classical English anti-utopias of the XX century and defines the functions of counterpoint.

Ключевые слова: контрапункт, текст антиутопии, временная отнесенность, контраст, авторское отношение, О. Хаксли, Дж. Оруэлл.

Key words: counterpoint, anti-utopian text, time reference, contrast, author's attitude, A. Huxley, G. Orwell.

Термин «контрапункт» является изначально музыкальным. В музыке контрапункт определяется как «то же, что полифония – определенный тип многоголосия, характеризующийся сочетанием развитых и осмысленных контрастных мелодий» [8, с. 919]. Представления и понятия, которые характерны для одной области знания, были переосмыслены и в настоящее время применяются в других областях знания. В широком смысле контрапунктические отношения можно понимать как «столкновение, соединение и соседство различных стилей». Именно так этот термин понимал Д.С. Лихачев, говоря об истории архитектуры [5].

В более узком смысле контрапункт можно рассматривать в качестве приема организации вербального текста. В ходе анализа художественных текстов термин «контрапункт» активно использовался рядом исследователей, таких как Е.Н. Азначеева, С.К. Апт, Т.Б. Васильева-Шальнева, А.А. Луценкова, А.В. Синяя, Р.Т. Шаймарданова и др. [1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10].

В художественном тексте суть приема контрапункта, в частности, состоит в параллелизме показа действий, т. е. автор совмещает на малом отрезке текста представление нескольких планов повествования. По отношению к художественному тексту употреб-

ление этого термина несколько условно: как правило, под ним понимается совмещение на малом отрезке текста нескольких временных или иных планов повествования, соединение разного материала, разных персонажей и т.д. [3, с. 201]. Говоря о словесном контрапункте, мы фактически говорим не об одновременности представления элементов, а о последовательности их представления, и объединение этих элементов происходит лишь в сознании или воображении читателя.

Также контрапунктическая связь может достигаться и без всякого перемещения из одного временного или пространственного плана в другой. Разные темы, разные мелодии, если сравнивать с музыкальными произведениями, могут звучать на отрезке одного предложения и даже одного-двух слов [3, с. 201]. Таким словом может являться, например, заголовок. В настоящей статье далее рассмотрим использование приема контрапункта на уровне заголовков классических антиутопий XX века и на композиционном уровне текстов антиутопий.

В заголовок антиутопии О. Хаксли «Brave New World» вынесена неполная текстовая цитата из «Бури» (The Tempest) Шекспира. Полностью слова героини из пьесы Шекспира Миранды звучат следующим образом:

How many goodly creatures are there here!

How beauteous mankind is! O *brave new world*,

That has such people in't! [14] (выделено нами – Е.М.)

В этой антиутопии Хаксли изображает мир, где абсолютно все стандартизировано вплоть до любых мельчайших действий каждого отдельно взятого человека. В изображаемом обществе человек лишен права выбора. Это бездуховный мир, который автор называет «brave new world». Слово «new» в сочетании со словом «world» относит нас к будущему, но одновременно – это цитата из произведения Шекспира, относящая нас к прошлому, которое соотносимо с настоящим автора данной антиутопии, так как во время написания этого текста в обществе все-таки продолжали господствовать шекспировские ценности. Таким образом, в заглавии антиутопии происходит контрапунктическая переключка различных временных пластов.

В название антиутопии Дж. Оруэлла «1984» вынесен год. Указание на этот год является абсолютным временным показателем. Для автора антиутопии и для его современников – это указание на будущее, но нам известно, что эта антиутопия была написана в 1948 году. Мы видим, что в названии зашифрована отсылка к настоящему автора и его современников, т. е. здесь также происходит контрапунктическая переключка различных временных пластов.

Использование приема контрапункта на композиционном уровне особенно ярко проявляется в антиутопии О. Хаксли. Например, в третьей главе автор развертывает движение текста в нескольких планах, и происходит перемещение повествования из одного плана в другой и от одной сцены к другой.

Сначала автор дает пространственное описание одного места действия и упоминает героев, которые находятся в этом месте:

“Outside, in the garden, it was playtime. Naked in the warm June sunshine, six or seven hundred little boys and girls were running with shrill yells over the lawns, or playing ball games, or squatting silently in twos and threes among the flowering shrubs. The roses were in bloom, two nightingales soliloquized in the boskage, a cuckoo was just going out of tune among the lime tree. The air was drowsy with the murmur of bees and helicopters. The Director and his students stood for a short time watching a game of Centrifugal Bumble-puppy. ...” [12, с. 29].

Далее автор переключается к пространственному описанию другого места действия:

“In the four thousand rooms of the Centre the four thousand electric clocks simultaneously struck four. Discarnate voices called from the trumpet mouths. ...” [12, с. 33].

После описания места действия, Хаксли приводит реплики персонажей, которые находятся в этих местах. Постепенно описание каждой сцены становится короче, и, в конечном итоге, автор приводит только отдельные реплики персонажей, которые сводятся к нескольким строкам:

“Ford, how I hate them!” Bernard Marx was thinking. Эта реплика взята из внутреннего монолога Бернарда Маркса, который произносится им во время разговора с его коллегами. Бернард Маркс

и его коллеги находятся в Центре. В этой реплике Бернард Маркс выражает свое отношение к окружающим его людям.

Сразу же после этого автор приводит реплику из монолога Всемирного Контролера о прошлом. Он и студенты, которые слушают его, находятся в саду:

“There was a thing called Heaven; but all the same they used to drink enormous quantities of alcohol.”

“Like meat, like so much meat.” (Снова приводится реплика из внутреннего монолога Бернарда Маркса).

“There was a thing called the soul and a thing called immortality.”

“Do ask Henry where he got it.” (Эта реплика принадлежит одному из коллег Бернарда Маркса, с которым он беседует после работы).

“But they used to take morphia and cocaine.”

“And what makes it worse, she thinks of herself as meat.” (Реплика из внутреннего монолога Бернарда Маркса).

“Two thousand pharmacologists and bio-chemists were subsidized in A. F. 178.”

“He does look glum,” said the Assistant Predestinator, pointing at Bernard Marx.

“Six years later it was being produced commercially. The perfect drug.”

“Let’s bait him”... [12, с. 53].

Монолог Всемирного Контролера и внутренний монолог Бернарда Маркса произносятся в разных местах. В данном случае прием контрапункта позволяет создать и подчеркнуть контраст. Контраст в первую очередь проявляется на предметном уровне: Всемирный Контролер рассказывает о наркотиках и об их производстве, а Бернард Маркс думает о людях, т.е. на предметном уровне автор противопоставляет повествование об одушевленных и неодушевленных предметах.

Контраст проявляется также и на уровне временной отнесенности: Всемирный Контролер рассказывает о прошлом, а Бернард Маркс думает о настоящем. Временная отнесенность выражена с помощью различных временных форм глагола. В репликах Всемирного Контролера используются глаголы в Past Indefinite (was,

used to, were subsidized, was being produced). В репликах Бернарда Маркса и его коллег глаголы в Present Indefinite (hate, makes, thinks, does look).

Контрапунктическая переключка идей в антиутопиях может также создаваться с помощью цитатных включений. Как уже было упомянуто выше, в название антиутопии О. Хаксли вынесена неполная текстовая цитата, которая повторяется далее в развернутом виде в самом тексте. В пьесе Шекспира Миранда восхищается красотой окружающих ее людей и мира. Ее слова вводятся автором в текст антиутопии для выражения оценки изображаемого мира. В процессе взаимодействия с текстом антиутопии слова Миранды приобретают противоположные коннотации. Эта цитата из пьесы Шекспира встречается только в речи Дикаря и впервые используется в диалоге между представителем нового мира Бернардом Марксом и Дикарем, который был наслышан о новом мире по восторженным рассказам матери. Этот диалог можно считать ключом к пониманию основной идеи романа.

Дикарь с восторгом встречает предложение Бернарда Маркса посетить Лондон, город нового мирового государства:

The young man's face lit up. ... The young man drew a deep breath. "To think it should be coming true – what I've dreamt of all my life. Do you remember what Miranda says?"

"Who's Miranda?"

But the young man had evidently not heard the question. "O wonder!" he was saying; and his eyes shone, his face was brightly flushed. "How many goodly creatures are there here! How beauteous mankind is!"... "O brave new world," he repeated. "O brave new world that has such people in it. Let's start at once."... "You have a most peculiar way of talking sometimes," said Bernard, staring at the young man in perplexed astonishment. "And, anyhow, hadn't you better wait till you actually see the new world?" [12, с. 140–141].

В этом диалоге положительные коннотации цитируемых слов Миранды превалируют, т.е. сохраняются те коннотации, которые эти слова имеют в тексте Шекспира. Знакомство Дикаря с реальным новым миром, перестроенным по техническому образцу,

приводит к тому, что он переосмысливает слова Миранды. Коннотации этой цитаты меняются на прямо противоположные:

He halted and, with bewildered and horrified eyes, stared round him at the khaki mob, in the midst of which, overtopping it by a full head, he stood. "How many goodly creatures are there here!" The singing words mocked him derisively. "How beauteous mankind is! O brave new world ..." [12, с. 215].

В этом отрывке слова *How many goodly creatures are there here! How beauteous mankind is!* относятся к толпе цвета хаки (*khaki mob*). Восхваляющие слова Миранды употребляются в значении притворного восхваления, за которым в действительности стоит порицание.

Контрапунктическая переключка идей в антиутопии «1984» Дж. Оруэлла создается с помощью использования детского стихотворения, цитируемого автором в тексте (самый ранний из известных вариантов этого стихотворения датируется 1744 годом):

Oranges and lemons, says the bells of St. Clement's,
You owe me three farthings, say the bells of St. Martin's,
When will you pay me? say the bells of Old Bailey.
When I grow rich, say the bells of Shoreditch.
When will that be? Say the bells of Stepney.
I'm sure I don't know, says the great bell at Bow.
Here comes a candle to light you to bed,
Here comes a chopper to chop off your head [11, № 373].

Дж. Оруэлл включает это стихотворение в текст частями. Никто из героев не помнит его полностью, но постепенно они воспроизводят небольшие отрывки. Первым это стихотворение вспоминает мистер Чаррингтон, владелец антикварной лавки, во время показа Уинстону Смитю картины в его доме:

"Oranges and lemons, say the bells of St. Clement's!"

"What's that?" said Winston.

"Oh – *Oranges and lemons say the bells of St. Clement's*. That was a rhyme we had when I was a little boy. How it goes on I don't remember, but I do know it ended up, *Here comes a candle to light you to bed, Here comes a chopper to chop off your head*. It was a kind of dance. They held out their arms for you to pass under, and when they

came to *Here comes a chopper to chop off your head they brought their arms down and caught you*" [13, с. 83].

Это детское стихотворение относится не к настоящему герою, а к их прошлому. Таким образом, формируется связь между прошлым героем и настоящим автором данного произведения, то есть в данном случае происходит такая же контрапунктическая переключка временных пластов, как и в антиутопии О. Хаксли.

Стихотворение относится к тому периоду времени, когда дети играли в «нормальные» детские игры. Это время является прошлым для героев антиутопии. В настоящем дети не играют в игры, а полностью копируют поведение взрослых. Это проявляется в том, что они следят за своими родителями, доносят на них, самым лучшим детским развлечением считается наблюдение за казнью.

Кроме того, впервые включенное в речь мистера Чаррингтона в разговоре с Уинстоном Смитом, далее это стихотворение становится лейтмотивом мыслей Уинстона Смита. Он все время пытается его вспомнить и вовлекает в процесс воспоминаний практически всех окружающих его людей. Первое четверостишие приводит полностью представитель государства О'Браейн, который «плетет сеть» для Уинстона. В конечном итоге последние две строчки произносятся мистером Чаррингтоном во время ареста Уинстона Смита:

"And by the way, while we are on the subject, *Here comes a candle to light you to bed, here comes a chopper to chop off your head*" [13, с. 183].

Последняя произнесенная строчка из этого стихотворения также переосмысливается в контексте всего произведения. Если в начале это всего лишь часть описания детской игры, и слова несут положительную коннотацию, то далее коннотация ситуативно меняется на отрицательную.

Таким образом, в текстах двух классических антиутопий прием контрапункта позволяет показать различную временную отнесенность, контраст различных идей, и также с помощью этого приема авторы выражают свое отношение к описываемым событиям.

Список литературы

1. Азначеева Е.Н. Музыкальные принципы организации литературно-художественного текста. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1994.
2. Азначеева Е.Н. Интрасемиотические связи между литературно-художественным и музыкальным текстами: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1996.
3. Апт С.К. Над страницами Томаса Манна. Очерки. – М.: Советский писатель, 1980.
4. Васильева-Шальнева Т.Б. Принципы художественной структуры романа Булгакова М. А. "Мастер и Маргарита" (к вопросу взаимодействия литературы и музыки): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.
5. Лихачев Д.С. Контрапункт стилей как особенность искусств http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Lih/07.php (дата обращения 03.01.2011)
6. Луценкова А.А. Контрапункт в драматургии Жана Аюя: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996.
7. Махов А.Е. Система понятий и терминов музыковедения в истории европейской поэтики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007.
8. Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Ю.В. Келдыш. – Т.2. – М.: Советская энциклопедия, 1974.
9. Синяя А.В. Принципы музыкальной организации романной прозы XX века: Т. Манн "Доктор Фаустус", Дж. Джойс "Улисс", Р. Олдингтон "Смерть героя": дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008.
10. Шаймарданова Р. Т. Мир музыки в творчестве М. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.

Список источников

11. Стихи матушки Гусыни. Сборник / сост. Н.М. Демурова. На англ. языке с избранными русскими переводами. – М.: Радуга, 1988.
12. Huxley A. Brave New World. – N.Y.: HarperPerennial, 1989.
13. Orwell G. 1984. – N.Y.: Signet Classic, 1990.
14. Shakespeare W. The Tempest <http://shakespeare.mit.edu/tempest/full.html> (дата обращения 06.01.2011).

Типология критического суждения в речевой коммуникации

В статье исследуются типы критического суждения на материале английского языка. В ходе анализа устанавливается, что критические суждения могут быть типологизированы на основе данных смежных с лингвистикой гуманитарных наук. В статье предлагается разработанная автором типологическая классификация критических суждений. Согласно этой типологии, критика может подразделяться на конструктивную и разрушительную; огульную и негативную; полную и краткую и т.д. Методом количественных подсчетов определено процентное соотношение типов критики при выражении критического суждения.

The article deals with the typology of critical judgment in English. The analysis reveals that critical judgments may be classified on the basis of other disciplines adjacent with humanitarian. The article results in the typological classification of critical judgments. According to this typology, criticism based on different foundations may be constructive and destructive; sweeping and hard-edged; full and brief etc. The method of counts was used to rate the types of criticism within the critical judgment.

Ключевые слова: критика, критическое суждение, типологическая классификация критического суждения, разрушительная критика, конструктивная критика.

Key words: criticism, critical judgment, typological classification of critical judgment, constructive criticism, destructive criticism.

Цель данной работы состоит в разработке единой типологии критического суждения при опоре на уже имеющиеся типологии. Объект исследования составляют контексты, в которых содержится выражение критического суждения в англоязычном общении. Материалом исследования служат произведения английских авторов XX века.

Исходя из цели данной работы, представляется целесообразным решить ряд задач: выявить типы критики, входящие в состав типологии критического суждения, определить количественное соотношение типов критических суждений.

При проведении настоящего исследования используются такие методы, как метод количественных подсчетов, метод сплош-

ной выборки, семантический анализ слова в дефиниционном варианте, контекстуальный анализ.

Хотелось бы напомнить, что **критика** – «это 1. Обсуждение, разбор чего-нибудь с целью оценить, выявить недостатки. 2. Отрицательное суждение о чем-нибудь, указание на недостатки» [3, с. 301]. Определение данного понятия в отношении английского языка можно уточнить посредством анализа дефиниции лексемы “criticism”. Значение этого слова покрывает широкий спектр реакций по отношению к тому или иному факту/объекту: от похвалы до полнейшего неприятия. Также следует указать, что по данным лексикографических источников критике в англоязычной коммуникации свойственны такие характеристики, как *wrong, bad, annoying, unfair, unkind*. Таким образом, предварительный анализ словарных дефиниций показывает, что в английском языке понятие критики несет в основном отрицательный заряд. Соответственно, **критика** применительно к англоязычной коммуникации понимается как выражение собственного мнения с целью выявления недостатков и исправления последних, если критика конструктивная. Критике свойственно выражение отрицательного отношения к чему-либо. Цель критики может варьироваться от сферы применения и ситуации. Необходимо отметить, что в коммуникации критика выражается при помощи критического суждения.

Между тем, в специальной литературе выделяются различные виды критики. Так, в философии критику делят на прикладную, теоретическую и философскую. Основным критерием данной типологии является предмет критики. Прикладная (негационная) критика в предельном выражении выдает себя за единственный тип критики, за критику как таковую. Предмет рассматривается “негационно”, всячески снижается – вплоть до разрушения. Теоретическая критика предметна, ищет достоинства предмета, допускает правоту критикуемого и собственную неправоту, научает критикующего в том, чего он не знает. Философская критика (самокритика) проблематизирует все, в первую очередь, самого себя и основания своего подхода [2]. Необходимо указать, что при разработке типологии критических суждений в данной работе самокритика противопоставляется критике.

В деловой коммуникации критику делят на позитивную, разрушительную и конструктивную. Основанием данной типологии является характер взаимодействия партнеров по коммуникации при формировании критического суждения. Позитивная критика всегда ситуативно уместна, осуществляется в присутствии объекта критики. Предметом позитивной критики являются дела и поступки, а не личность человека, его особенности, характер, умственный потенциал. Она опирается только на конкретные факты и аргументы. Конечной целью позитивной критики является решение, помогающее изменить ситуацию, конкретные предложения по устранению недостатков и снятию возникших проблем. Цель критикующего – выявить действительные причины допущенных ошибок. Разрушительная критика по форме выражения монологична. Она не предполагает конструктивного взаимодействия, сотрудничества критикующего и критикуемого. Она не предполагает двух позиций, взаимно уточняющихся или вырабатывающихся в процессе критики. У автора такой критики только одна позиция, одна точка зрения, он заранее присвоил себе право быть правым. Конструктивная критика ставит своей целью не уничтожение оппонента, а совместный поиск средств преодоления обнаружившихся трудностей и проблем. Здесь налицо две равноправные позиции, во взаимодействии которых и осуществляется критика. Критический диалог – это не просто средство обнаружения недостатков, относительно которых необходимо «принять меры», но и сам процесс устранения этих недостатков [4]. Представляется, что в рамках общей типологической классификации критических суждений можно говорить о несомненном сходстве позитивной и конструктивной типах критики, что позволяет их рассматривать как критику конструктивную.

Также некоторые ученые подразделяют критику на обобщенную (огульную), несправедливую и справедливую [1], в зависимости от той оценки, которую дает критическому суждению сам объект критики. К несправедливой критике относятся высказывания, которые, по мнению критикуемого, не отражают реального положения вещей. Справедливая критика, в свою очередь, – отражает реальное положение вещей, по мнению критикуемого.

Обычно такие замечания конкретны и опираются на факты [1]. К огульной критике относятся различного рода оскорбления («Не фирма, а бог знает что», «Безобразие сплошное» и другие более крепкие высказывания) и фразы, включающие *обобщающие* слова «никогда», «всегда», «никто», «все время», «ничего» («Вы все время опаздываете с поставками», «На вас никогда нельзя надеяться»). Эти высказывания мало связаны с реальностью и указывают в большей степени на эмоциональное состояние собеседника [1].

Следует оговориться, что процесс выявления справедливости и несправедливости высказывания опирается на мнение критикуемого. В данной работе реакция реципиента не исследуется, следовательно, при дальнейшем анализе этот пункт типологии не задействован. Представляется, что огульная критика является одной из разновидностей рассматривавшейся выше разрушительной критики, вторым подтипом которой является негационная критика.

В сети Интернет разработчики одного из сайтов¹ предлагают ряд критериев, согласно которым можно подвергать критике тот или иной материал, размещенный во всемирной паутине. В данном случае критику подразделяют на полную сложную, полную обычную, краткую, исходя из количества практикуемых пунктов, служащих предметом критики. Например, полной критикой следует считать ту критику, когда ей подвергается: 1. ник, 2. название дневника, 3. дизайн, 4. предисловие, 5. музыка, 6. записи. Также критика делится на смысловую, дизайнерскую, общественную простую, общественную сложную и творческую. В данном случае критерий разделения на типы содержится в самих названиях [5]. Для разработки общей типологической классификации критического суждения считаем целесообразным оставить только полную и краткую критику.

Анализ соответствующих разделов теории коммуникации свидетельствует, что отсутствует единая типология критики, и, думается, она может быть разработана на основе рассмотренных выше типологий.

¹ http://www.situation.ru/app/j_art_208.htm

Представляется, что типология критического суждения является сложной иерархической системой. Согласно этой системе, критическое суждение может типологизироваться по различным основаниям.

Важнейшим является подразделение критики по цели, исходя из чего, критика может быть конструктивной и разрушительной. Примером конструктивной критики может служить следующее критическое суждение:

*E.g. (1) The older man growled, "We should have closed off that room years ago. **Maybe** we'd better do it now [9, с. 80].*

Прежде всего, необходимо выделить те факторы, которые позволяют отнести данный контекст к критическому. Одним из показателей такого рода является характер данного суждения, манера подачи – *growl (to say something in an unfriendly and angry way [11, с. 667])*. Данную критику следует считать конструктивной, так как в высказывании присутствует как сама критика (использование модального глагола *should* в значении *used for saying what was the right thing to do when you realize that someone did not do it [11, с. 1378]*): *we should have closed off that room years ago*, так и предлагаются пути решения: *maybe we'd better do it now*.

Разрушительная же критика, в свою очередь, по средствам выражения может подразделяться на негативную и огульную.

*E.g. (2) "I will add something," said Lombard. "Not only are you here under a **false** name, Mr. Blore, but in addition I've noticed this evening that **you're a first-class liar**. You claim to have come from Natal, South Africa. I know South Africa and Natal and I'm prepared to swear that you've never set foot in South Africa in your life" [7, с. 51].*

Толковать данный отрезок коммуникации как критический представляется возможным благодаря двум фактам. Во-первых: Ломбард говорит Мистеру Блору то, что он находится на острове под вымышленным именем (*false – based on mistake or wrong information [11, с. 531]*). Исходя из этой дефиниции данное высказывание можно отнести к критическому, так как *wrong* входит в состав лексикографического определения самой критики. Во-вторых, следующие реплики о том, что Блор лгун (*liar – someone who tells lies*) и не был никогда в жизни в Африке, подкрепляет тот

факт, что данное высказывание является критическим. Данный тип критики относится к разрушительному, так как цель критикующего состоит в том, чтобы опорочить предмет критики, а именно господина Блора, высказав свое мнение. Так как в высказывании отсутствуют какие либо обобщения – данную критику следует считать негационной.

В качестве примера можно привести еще одно высказывание: *E.g. (3) Hammer **shook his head**. “None of these explanations will do”* [6, с. 57].

Данный отрезок коммуникации относится к критическому. Во-первых, об этом говорит невербалика (такесика): “*shook his head*” (*to shake head from side to side as a way of saying no* [10, с. 1304]). Во-вторых, общее значение высказывания предполагает указание на отрицательное отношение к тому, о чем говорится, причем внимание обращает на себя местоимение “*none*”, предполагающее полное отрицание (*not one of a group of people, or things or no amount of something* [11, с. 1014]). Значение местоимения “*none*” и позволяет отнести данную критику к огульной.

По полноте охвата предмета обсуждения, критика может также быть полной (см. пример № 3) или краткой (примеры № 1 и 2), в последнем случае объект подвергается критике по одному критерию.

Судя по характеру манифестации, критика может выражаться явно и скрыто. Соответственно, речь идет о явной и скрытой критике. Если объект явной критики вербализован, то объект скрытой критики может быть, как завуалирован, так и смещен.

Для иллюстрации явной критики представляется возможным привести пример, содержащий самокритику, которая также встречается в английских произведениях:

*E.g. (4) She (Vera) said to herself **angrily**: “You must keep cool. This **isn’t like you**. You’ve always had excellent nerves”* [7, с. 88].

На то, что это высказывание критическое, указывает манера обращения Веры к себе самой – *angrily* (*feeling strong emotions which make you want to shout at someone or hurt them because they have behaved in unfair, cruel, offensive etc way, or because you think that a situation is unfair, unacceptable etc* [10, с. 46]). Она критикует

себя за то, что не может взять себя в руки из-за происходящих событий: *isn't like you; you've always had excellent nerves*. Данный тип критики можно понимать как краткую критику вследствие того, что критике подвергается только эмоциональное состояние объекта. Так как объект критики очевиден, данный случай следует считать примером явной критики.

Красноречивым примером скрытой критики может служить следующий отрезок коммуникации:

E.g. (5) DUMBY. Awful manners young Hopper has!

CECIL GRAHAM. Ah! Hopper is one of the Nature's gentlemen, the worst type of gentlemen I know [8, с. 44].

В данном примере можно идентифицировать две разновидности критики. В первом случае объектом является Хоппер, и он подвергается критике за то, что имеет плохие манеры (*awful – used for emphasizing how unpleasant someone or something is [11, с. 89]*). Данный вид критического суждения можно отнести к разрушительной критике, так как не предлагается путей решения проблемы, а высказывание представляется как данность. Кроме того, следует отметить, что в этом случае речь идет о негационной критике. Данный вид критики следует считать краткой, так как объект подвергается критике только в отношении манер. Во втором случае, напротив, имеет место скрытая критика, так как происходит смещение критикуемого объекта – т.е. *“the worst type of gentlemen I know”*. Критика осуществляется посредством отнесения ее объекта к группе, которой дается отрицательная квалификация. То, что данный тип критики относится к огульной, очевидно за счет использования превосходной степени прилагательного: *“the worst” (worse than all others, or worse than at all other time [11, с. 1726])*.

Исходя из всего вышеперечисленного, представляется целесообразным выстроить единую, характерную для коммуникации типологию критического суждения:

Схема 1. Типологическая классификация критического суждения

Особенностью критического суждения является возможность сочетания нескольких типов критики в одной коммуникативной ситуации. Следующий пример служит красноречивым доказательством выдвинутого утверждения:

E.g. (6) Miss Brent continued serenely.

*“Beatrice Taylor was in service with me. **Not a nice girl** – as I found out too late <...> She was a **loose girl with no morals. Disgusting!** <...>” Vera shivered.*

She stared at the calm delicate profile of Miss Brent. She said:

*“What did you feel like when you knew she’d done that? **Weren’t you sorry? Didn’t you blame yourself?**”*

“I? I had nothing with which to reproach myself.”

Vera said: “But if your – hardness – drove her to it.”

*Emily Brent said **sharply**:*

*“Her **own action** – Her **own sin** – that was what drove her to it. If she had behaved like a decent modest young woman **none** this would have happened” [7, с. 91].*

Данный диалог насыщен различными по типологическим характеристикам критическими суждениями. Мисс Brent рассказывает про свою служанку – Беатрис Тейлор, которая покончила

жизнь самоубийством. Очевидность критического отношения Мисс Brent к Беатрис обусловлена перечислением отрицательных характеристик девушки: *not a nice girl; a loose girl (behaving in a way that is considered to be sexually immoral [10, с. 845]); with no morals; disgusting (extremely unpleasant and making you feel sick; shocking and unacceptable [10, с. 390])*. Данную критику можно квалифицировать как разрушительную. В этом случае имеет место использование явной критики, так как объект критики очевиден. Вместе с тем, это образец частичной критики, так как критике подвергаются только моральные качества служанки. Далее Вера пытается подвергнуть критике Мисс Brent за то, что она довела девушку до самоубийства. Однако Вера использует смягчающие средства выражения критики: вопросительные предложения. В результате Мисс Brent негодует: *said sharply (in a severe and disapproving way [10, с. 1308])*, она доказывает, что девушка сама виновата: *Her own action – Her own sin (something that you strongly disapprove of [10, с. 1334]) – that was what drove her to it*. И далее автор вновь использует местоимение “none”, предполагающее полное отрицание (*not one of a group of people, or things or no amount of something [11, с. 1014])*, что позволяет отнести данную критику к огульной.

Количественный подсчет 500 контекстов, содержащих критическое суждение в англоязычном общении, позволяет выявить процентное соотношение использования критики и самокритики:

Таблица 1

Процентное соотношение использования критики и самокритики при выражении критического суждения

Критическое суждение	
Критика % (абс.)	Самокритика % (абс.)
94% (470)	6 % (30)

При дальнейшем анализе 470 контекстов, содержащих критическое суждение в англоязычном общении, количественный подсчет позволяет выявить частотность использования типов критики:

конструктивной, разрушительной (негационной и огульной), полной, краткой, явной и скрытой:

Таблица 2

Частотность использования типов критики при выражении критического суждения

Типы критики					
По цели		По полноте охвата предмета обсуждения		По характеру манифестации	
конструктивная	разрушительная	полная	краткая	явная	скрытая
20% (94)	80% (376)	60% (282)	40% (188)	70% (329)	30% (141)
	огульная				С завуалированным объектом
	негационная				Со смещенным объектом
	50% (235)				20% (94)
	30% (141)				10% (47)

Подводя итог, следует отметить, что типология критического суждения в коммуникации может быть разработана, исходя из данных смежных гуманитарных наук (философии, деловой коммуникации). Так, в ходе настоящего исследования установлено, что в коммуникации критика может делиться на конструктивную и разрушительную, исходя из цели. Последняя, по средствам выражения, может быть негационной и огульной. Все эти виды критики могут быть как полными, так и краткими, исходя из полноты охвата предмета обсуждения. По характеру манифестации критику можно разделять на скрытую и явную.

Итак, необходимо указать, что в англоязычной коммуникации при выражении критического суждения в подавляющем большинстве случаев (94 %) используется критика, нежели самокритика (6 %). Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов относительно частотности использования типов критики. Анализ эмпирического материала показывает, что чаще всего

используются разрушительная, полная и явная критика. Обращает на себя внимание и тот факт, что довольно редко встречается конструктивная критика (20 %), по сравнению с разрушительной (80 %). В свою очередь, огульная критика используется чаще (50 %) при выражении критического суждения, чем негационная (30 %). Данные материалы могут послужить исходными при анализе своеобразия коммуникативного кода той лингвокультурной общности, в рамках которой происходит общение.

Список литературы

1. Барышева А. Приемы реагирования на критику. Отчет от 15.06.2009. Режим доступа:
http://www.elitarium.ru/2004/06/23/priemy_reagirovanija_na_kritiku.html
2. Батищев Г.С. Типы критики и форм противоречий Выпуск: № 9\10 декабрь 2003 года. отчет от 29.09.10. Режим доступа:
<http://ratio98.chat.ru/Conf/soci-psiho/Ment.htm>
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. – М., 1996.
4. Скаженик Е.Н. Деловое общение Учебное пособие. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. Отчет от 15.06.2009. Режим доступа:
http://www.aup.ru/books/m161/7_2.htm
5. Отчет от 15.09.2010. Режим доступа:
http://www.situation.ru/app/j_art_208.htm
6. Agatha Christie. Selected Prose. – М.: Менеджер, 2002.
7. Agatha Christie. Ten little niggers. Кристи А. Десять негрят: книга для чтения на английском языке. – СПб.: Антология, КАРО, 2008.
8. Oscar Wilde. The importance of being earnest. Уайльд О. Как важно быть серьезным. Пьесы: Книга для чтения на английском языке. – СПб.: КАРО, 2008.
9. Hailey A. Hotel = [Отель / А. Хейли]. – М.: Айрис-пресс, 2006.
10. Longman Dictionary of Contemporary English/ International students' edition/ the complete Guide to Written and Spoken English. Longman group Ltd 1995.
11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2007.

О свойствах когнитивной гармонии повествовательного дискурса

В данной статье рассматриваются свойства когнитивной гармонии, являющейся конечным результатом когнитивного восприятия повествовательного дискурса.

This article deals with the characteristics of cognitive harmony as a result of cognitive perception of narrative discourse.

Ключевые слова: когнитивная гармония, повествовательный дискурс, когнитивный сценарий, репрезентация, дивинация.

Key words: Cognitive harmony, narrative discourse, cognitive script, representation, divination.

Целью данной статьи является раскрытие свойств когнитивной гармонии, выступающей в качестве когнитивной модели восприятия повествовательного дискурса. Когнитивная гармония впервые рассматривается как познание состояния равновесия событий, разворачивающихся в последовательной временной трихотомии и данных как цельное и безусловное переживание внутреннего Эго наблюдателя, опосредованное дивинацией.

Когнитивное понимание и становление когнитивной гармонии повествовательного дискурса всегда предопределено забегающим вперед движением дивинации (дивинация – от лат. *divinatio* «предсказываю, предчувствую» – предсказание будущего при помощи различных техник). Восприятие повествовательного дискурса органически слито с построением схем действия – сценариев когнитивной гармонии, являющихся особым способом динамики репрезентаций при становлении когнитивной гармонии. Взаимодействия между элементами сценария когнитивной гармонии носят причинно-следственный характер и предопределяют свойства системы когнитивной гармонии в повествовательном дискурсе:

1. Динамическая иерархичность и внутренняя открытость системы когнитивной гармонии. Данные свойства «взаимопереплетены».

Сценарий когнитивной гармонии содержит два иерархически «конструируемых» уровня: уровень элементов, значимых для развития событий (ЭЗ) и уровень действующих субъектов.

Существует несколько типов ЭЗ в зависимости от различной степени значимости и типов связей между ними. Можно выделить: 1) основные ЭЗ (ОЭЗ). ОЭЗ – «моменты риска» в сценарии; 2) второстепенные ЭЗ (ВЭЗ), служащие «прокладкой» между ОЭЗ; 3) признаковые ЭЗ (ПЭЗ). Функциональная роль данных элементов в повествовательном дискурсе – конкретизация персонажей, их характеров, мотивов, мыслей, обстановки событий и атмосферы действий и т. п.

ОЭЗ «имеет» дистрибутивный характер, поскольку посредством дивинации «прогнозирует» следующий за ним и его дополняющий элемент (коррелят): так, покупка револьвера имеет в качестве коррелята ожидаемый момент, когда из него выстрелят (а если персонаж не стреляет, то это превращается в знак его слабости и т.п.); снятие телефонной трубки коррелирует с ожидаемым моментом, когда ее положат на место и т.п.

ВЭЗ не бывают избыточными: любая деталь, которая на первый взгляд может показаться эксплетивной, на самом деле играет свою, особую роль в «становлении» переживаний событий - ускоряет, замедляет, отбрасывает назад, резюмирует или предвосхищает развитие событий, а иногда – способствует «смене горизонта» переживания. Знаки ВЭЗ в повествовательном дискурсе постоянно поддерживают семантическое напряжение дискурса. Они словно все время говорят: здесь есть смысл, сейчас он проявится. Невозможно устранить ни одного ОЭЗ, ни одного ВЭЗ, не нарушив при этом целостности сценария когнитивной гармонии целого повествовательного дискурса.

Вышеприведенная классификация нуждается в двух дополнительных уточнениях. Во-первых, один и тот же ЭЗ может одновременно принадлежать к двум различным классам: так, выпить порцию виски (в холле аэропорта) – это действие, способное служить ВЭЗ по отношению к ОЭЗ «Ожидание», но в то же время этот ЭЗ – признак определенной атмосферы и способно «служить» ПЭЗ (примета современности, указание на то, что персонаж рас-

слабился, предался воспоминаниям и т. п.). Некоторые ЭЗ могут быть смешанными.

ПЭЗ «обладает» интегративной природой: ПЭЗ и его корреляты связывают не дистрибутивные, а интегративные отношения: чтобы понять, чему служит тот или иной ПЭЗ, необходимо перейти на более высокий уровень – на уровень действующих субъектов сценария когнитивной гармонии – ибо ожидаемая значимость ПЭЗ раскрывается только там.

Уровень ЭЗ «черпает свой смысл» из уровня действующих субъектов. Действующий субъект выполняет некоторую структурную роль в повествовании, а сама эта роль выступает в качестве актанта. Актант определяется через круг его действий. Структура актанта воплощения «говорит» об идеологии повествовательного дискурса, о ситуации героя: есть ли у него помощники, занят ли он поиском чего-то или кого-то иного или обращен на самого себя, и т.д. Например, структура действующих субъектов сценария когнитивной гармонии «делится» на два класса в соответствии с функцией бенефактивности по шкале «приобретения - потери»:

- приобретения в нравственной или психологической области -

Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. (Л.Н. Толстой. После бала)

Элементы последовательности ВЭЗ – сидел с ней, видел ее улыбку на лице, вспоминал полковника на площади, чувствовал неловкость и неприятные ощущения, стал реже видаться, разлюбил – служат «прокладкой» между фазами укрупненного сценария когнитивной гармонии целого повествовательного дискурса «После бала» – «Жестокость полковника на площади» и «Любовь пошла на убыль». В то же время «улыбка на лице» относится к ПЭЗ, поскольку рисует атмосферу достатка, безмятежности, любви, праздности. Окончательный смысл данный ПЭЗ приобретает в статусе ОЭЗ, постепенно включаясь во более крупный ожидаемый сценарий «Что есть дурно». На уровне действующих субъектов этот актант обращен поисками нравственных ответов на возни-

кающие вопросы «на самого себя». Если ранжировать по шкале «приобретения-потери», то его можно отнести к нравственным бенефициарам (получателям), поскольку случай преподнес ему урок и опыт в том, что «есть дурно».

- приобретения в области физического или социального взаимодействия -

Людская молва сделала Голована мифическим лицом. За ним закрепилась репутация кудесника с неодолимым талисманом. Знал или не знал Голован, что ему присвоили такие дела, – неизвестно. Однако когда к нему очень часто обращались с такими просьбами и вопросами, с которыми можно обращаться только к доброму волшебнику, он на многие такие вопросы давал «помогательные советы», и вообще ни за какой спрос не сердился. (Н.С. Лесков. «Несмертельный Голован»).

ОЭЗ «Репутация кудесника с неодолимым талисманом» содержит последовательность ВЭЗ – люди обращаются к Головану за советом, приходят к нему лечиться, относятся к Головану как к доброму волшебнику. ПЭЗ «Отношение людей к Головану как к волшебнику» «перерастает» в ОЭЗ «Голован-кудесник» по мере укрупнения когнитивных сценариев до сценария когнитивной гармонии целого повествовательного дискурса «Несмертельный Голован». Голован, приобретя репутацию волшебника, которому не страшны болезни, представляется актантом-бенефактором, дарителем, «дарующим» людям совет, доброту, чудо и т. п.

- потери в нравственной или психологической области -

Поступая в монахи, Касатский показывал, что презирает все то, что касалось столь важным другим и ему самому в то время, как он служил, и становился на новую такую высоту, с которой он мог сверху вниз смотреть на тех людей, которым он прежде завидовал. Но не одно это чувство руководило им. В нем было и другое, истинно религиозное чувство, которого не знала Варенька, которое, переплетаясь с чувством гордости и желанием первенства, руководило им. Разочарование в Мэри (невесте), которую он представлял себе таким ангелом, и оскорбление было так сильно, что привело его к отчаянию, а от-

чаяние куда? – к богу, к вере детской, которая никогда не нарушалась в нем. (Л.Н. Толстой. Отец Сергей)

В сценарии когнитивной гармонии «Разочарование в Мэри» содержится последовательность ВЭЗ – узнал о предательстве Мэри, разочаровался и порвал с ней, поступил в монахи. Содержится здесь и ПЭЗ – умонастроение Касатского после того, как он узнал об измене своей невесты, о его религиозном чувстве. ПЭЗ о религиозном чувстве позднее «укрупнится» до ОЭЗ «Отец Сергей». Касатский выступает актантом, терпящим потерю, прежде всего, нравственного характера, а именно, потерю доверия к близкому человеку. Касатский (на уровне действующих субъектов) выступает в качестве актанта, обращенного поисками нравственных ответов на возникающие вопросы «на самого себя».

2. Цикличность. Дивинация способствует текстопорождающей роли когнитивной гармонии, которая «осуществляется» посредством фазовой модификации цикличности, которая сводится к следующей цепочке: фаза обособления – фаза партнерства/лиминальная – фаза преображения. Здесь мы касаемся, по-видимому, неких глубинных парадигм бытия. "Всякая жизнь складывается из непрерывного цикла "испытаний", "смерти", "воскрешений", независимо от того, какими словами пользуются для передачи этого (первично религиозного) опыта", вследствие чего в глубинах психики "данные сценарии не теряют актуальности" [1, с. 199].

Цикличность проявляется и в развертывании глагольного цикла сложного синтаксического целого (ССЦ), совпадающего с фазами действия сценария когнитивной гармонии (праимпрессии, ретенции, протенции), репрезентирующего асимметричный знак на когнитивном уровне. В случае асимметричных явлений (в приведенных примерах асимметричные языковые знаки подчеркнуты) возникшая асимметрия уравнивается за счет построения памятью дополнительной языковой структуры – сообщением о прошлом событии, «стоящем» за асимметричным знаком при смысловом восприятии дискурса. В свою очередь, репрезентация прошлого события становится «ориентировкой» для последующих событий. Перед наблюдателем разворачивает-

ся последовательная равновесная событийная цепочка сценария когнитивной гармонии. Обратимся к вышеприведенному отрывку из рассказа Л.Н. Толстого «После бала». Словосочетание «(вспомнил) полковника на площади» обозначает не только конкретное лицо – отца девушки (полковника), находившегося на площади, но и событие, происходившее там. Возникает асимметричный дуализм: одна форма знака указывает на два содержания-сообщения. Память отсылает к событию, которое произошло на плацу: через строй солдат был пропущен беглец – избит палками; после экзекуции полковник наказал одного из солдат, который, на его взгляд, был недостаточно суров и ударил беглого татарина слабо. Асимметрия подвергается процессу когнитивной гармонизации: вследствие того, что полковник показал себя на площади злым и жестоким «солдафоном» (праимпрессия), чувство любви Ивана Васильевича к дочери полковника «пошло на убыль» (ретенция), в результате он не женился на ней, поскольку увиденное кардинально изменило его мировоззрение (протенция). Наблюдатель воспринимает события прошлого как непосредственное восприятие, но, в отличие от непосредственного восприятия, каждая фаза данного восприятия – праимпрессия, ретенция и протенция – воспроизводятся как уже осуществленные. События прошлого равновесным потоком воспроизводятся в процессе видения того, что воспроизведено (в начале рассказа уже пожилой Иван Васильевич вспоминает дни молодости).

Глагольный цикл сценария когнитивной гармонии целого повествовательного дискурса «После бала» разворачивается следующим образом: влюбился в дочь полковника – проникся симпатией к отцу барышни, полковнику (фаза обособления) – «увидел» деспотичность и жестокость полковника на плацу во время избияния солдата (фаза лиминальная)– разлюбил и не женился (фаза преобразования).

3. Неустойчивость. Системе когнитивной гармонии свойственна неустойчивость положения: происходит информационное «обновление» системы. Ритмический «рисунок» данной последовательности предстает в качестве триады состояний: равновесие – неравновесие – равновесие, которая определяет дина-

мику событий сценария когнитивной гармонии целого повествовательного дискурса. Динамическое состояние неустойчивости когнитивного понимания и когнитивной гармонии повествовательного дискурса соответственно создается благодаря интриге, выступающей в качестве ориентирующей дивинации, с одной стороны. Суть такой интриги не в интриганстве персонажей, а в интригуемости: в способности, приобретенной знакомством с повествовательной традицией «прослеживать», реконструировать посредством смены горизонта дивинации события. С другой – интрига повествовательного дискурса состоит в напряжении событийного ряда, возбуждающем некое рецептивное ожидание и предполагающем "удовлетворение ожиданий, порождаемых динамизмом произведения" [2, с. 30], становление и переживание наблюдателем когнитивной гармонии.

4. Гомеостатичность. Гомеостатичность связана с тем, что система сохраняет свое нормальное существование в разных условиях: при изменении внешних условий она не меняет свои параметры таким образом, чтобы выйти из своей обычной формы. Это и есть гомеостаз. Для гомеостатичной системы основным фактором является целеполагание, т.е. система имеет цель - программу своего поведения. Центральным системообразующим фактором когнитивной гармонии является результат ее деятельности – когнитивное понимание повествовательного дискурса. Получение системой когнитивной гармонии конкретного результата – когнитивного понимания текста повествовательной прозы определяет упорядоченность во взаимодействии множества компонентов системы, а, следовательно, любой компонент может быть задействован и может войти в систему когнитивной гармонии только в том случае, если он вносит свою долю содействия в когнитивное понимание повествовательного дискурса.

5. Нелинейность. Когнитивная гармония – сложная система и содержит иерархические уровни сценариев, и на каждом – своя «информативность». Усложнение системы когнитивной гармонии идет по степени информативности, по степени укрупнения когнитивных сценариев для «вхождения» в сценарий целого повествовательного дискурса по мере развертывания когнитивной

гармонии: *Ему представлялось теперь, как известие о его исчезновении попадет на судостроительный завод, где после семилетнего перерыва он снова работал в последнее время, скрываясь от колчаковской контрразведки. «Старик» сидел, согнувшись у костра в безнадежной позе, и душа его по-прежнему ныла от непонятого, щемящего, тоскливого чувства, как будто все то, о чем он думал, было и родным, и душевно близким ему, но уже почти невозможным для него, потому невозвратно далеким. (А.А. Фадеев. Таежная болезнь)*

Сценарии когнитивной гармонии «Воспоминание о работе на заводе», «Размышления Старика о его вынужденном исчезновении с завода», «Чувство одиночества в тайге» реконструируются в укрупненный когнитивный сценарий «Размышления у таежного костра», который также «укрупняется» до сценария когнитивной гармонии «Таежная болезнь» целого повествовательного дискурса.

6. Наблюдательность. Наблюдатель становится частью креативного процесса воссоздания репрезентативной модели дискурса, вступая во взаимоотношения с репрезентациями, имеющимися и носящими «опытный статус» (хранятся в памяти) и, возникающими в процессе восприятия повествовательного дискурса.

7. Каузальность. Можно выделить пять наиболее существенных типов причинной связи, инициируемой асимметричным знаком при становлении когнитивной гармонии:

- результатирующая причинность (событие имеет результатом изменение состояния). В качестве примера возьмем вышеприведенный отрывок из рассказа Л.Н. Толстого «После бала». Событие избиения полковником солдата за недостаточную жестокость последнего на площади «послужило» изменению душевного состояния Ивана Васильевича – чувства его к дочери полковника-изувера «угасли».

- возможная причинность (состояние делает возможным событие): *Галченоч вздохнул. Несмотря на его спокойствие, чувствовалось, что тревога за отца и мать неотступно грызет этого сильного и уверенного в себе человека. Он молчал, словно не желая давать волю чувствам, которые уже ничему не могли ни помочь, не помешать. (К.М. Симонов. Живые и мертвые)*

Постоянная тревога за родителей, оставшихся на оккупированной территории Могилева, побуждает солдата Галченка «мысленно торопить» наступление советских войск на Могилев и, скорее всего, во всяком случае, в это верится, что встреча Галченка с его родителями непременно произойдет, хотя об этом в романе не упоминается.

- невозможная причинность (состояние делает невозможным событие): *И по своей дружбе с Серпилиным и по своему положению члена Военного совета Захаров лучше, чем кто-нибудь другой знал, что Сталин несколько раз имел личное касательство к судьбе Серпилина. (К.М. Симонов. Живые и мертвые)*

Сталин верил в Серпилина и неоднократно оказывал ему поддержку и благодаря этому подозревавшему всех в государственной измене Львову так и не удалось выставить Серпилина «врагом народа».

- иницируемая причинность (состояние или акт иницирует душевное состояние): в вышеприведенном отрывке из рассказа А.А.Фадеева «Таежная болезнь» мысль старика том, что на заводе по-разному истолкуют причину исчезновения «Старика», «наводила» чувство дискомфорта и тоски на него.

- причинность основания (душевное состояние является основанием для события): *Среди солдат, как узнал с неудовольствием группенфюрер, поползли панические слухи о неких «зеленых призраках» или «зеленых дьяволах», появившихся в здешних местах. Группенфюрер Гилле не верил в трансцендентальность этих призраков. Он втолковал вызванному им начальнику разведки и контрразведки капитану Вернеру, что на войне призраков не бывает, а бывают враги, и предложил Вернеру лично возглавить операции по поимке «призраков». (Э.Г. Казакевич. Звезда)*

Страх немецких солдат перед «зелеными дьяволами» (советскими разведчиками) был настолько велик, что немецкое командование стало проводить крупномасштабные операции по поимке разведчиков.

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам:

- когнитивная гармония, как самоорганизующаяся система, обладая такими свойствами, как динамичная иерархичность, нелинейность, внутренняя открытость (самореферентность), цикличность, неустойчивость, гомеостатичность, каузальность, наблюдательность, проявляет свой полифункциональный характер в повествовательном дискурсе и «вносит свой вклад» в осуществление жанрообразующей функции;

- «жанрообразующая» функция когнитивной гармонии в повествовательном дискурсе комплексно реализуется в сложном процессе «формирования» жанровой структуры, «реконструкции» и динамики смыслов дискурса, создания событийных концептосфер (системы событийных репрезентаций).

Список литературы

1. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде // пер. с фр. – М., 1995.
2. Рикер П. Время и рассказ / П. Рикер // пер. Т.В. Славко. – М.; СПб., 2000. в 2-х т.: Т.2. – С.50–51.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

Л.В. Величкова, Т.Ю. Шурупова

Анализ формальных признаков выражения сложных эмоций (сопоставительное исследование на материале русских и немецких звучащих текстов, маркированных эмоцией «дружелюбие»)

Звучащая речь является каналом экспликации эмоции и эмоциональных состояний. Способы выражения одних и тех же эмоций в разных культурах имеют не только национальную специфику, но и универсальные признаки. *Дружелюбие* относится к рангу социокультурных эмоций. В русском и немецком языках это явление относится к широким сферам общественной жизни. Изучение просодических маркеров *дружелюбия* в русском и немецком языках имеет лингвистическую и культурологическую ценность.

Emotions and emotional states are expressed by a tonal language. Vocal expression of emotions has specific as well as universal features in different languages. Friendliness has a specific significance in the social life in the Russian and German language areas. The investigation of prosodic features of expression can be of high importance in linguistic and psycholinguistic sense.

Ключевые слова: звучащая речь, базовые эмоции, сложные эмоции, дружелюбие, психолингвистический эксперимент.

Key words: tonal language, basic emotions, complex emotions, friendliness, psycholinguistic experiment.

При исследовании признаков выражения эмоциональных состояний в звучащей речи существенным является определение универсального и национально специфического в способах выражения. Наблюдения над общением представителей различных культур убеждают в существовании обоих типов средств. Степень выраженности универсальных признаков не подвергалась исследованию, в последнее время интенсивно шло накопление информации о национальной специфике средств различных уровней языка. В значительно меньшей степени этот процесс затронул параметры звучащей речи.

Несомненным тезисом для исследования в этой области представляется необходимость междисциплинарного подхода с

привлечением информации из разных областей, в настоящем рассмотрении мы, прежде всего, имеем в виду психолингвистику, нейролингвистику, психологию и речеведение.

В многочисленных исследованиях эмоций общей позицией является разделение их на положительные и отрицательные. Хотя это, весьма, общая классификация в целом целесообразна, однако понятие положительности /отрицательности в приложении к эмоциям требует уточнения. Такие эмоции, как *гнев*, *страх*, *стыд* не могут быть безоговорочно отнесены к категории отрицательных. Наиболее известный в рассматриваемой области автор – К.Э. Изард в книге «Классификация эмоций» задается целью определить базовую классификацию эмоций, основывающуюся на биосоциальном подходе [2, с. 48].

Тенденция к системному рассмотрению проблемы обуславливает обращение к описанию некоего минимума, содержащего основные эмоции (модальности). Таковыми в представлении Е.Н. Винарской являются 1) радость; 2) горе; 3) гнев / страх. Из этого можно сделать заключение о том, что на уровне средств звучащей речи в экспрессивной функции можно говорить о системном изменении некоего набора средств в определенных направлениях, что создает в восприятии впечатление этих базовых эмоций [1, с. 18].

Ряд ученых (напр., Фрелих, 1997) склонны подразделять эмоции человека на «простые» и «сложные» / «комплексные» (ожидания, представления и т.д.). Первые являются отражением конкретных физиологических процессов, происходящих внутри организма или результатов воздействия извне (будь то раздражители зрительных, слуховых и т.п. рецепторов или же факторы, которые непосредственно воздействуют на сознание). Такие эмоции имеют в способе своего выражения «биофонетическую» основу [4, с. 81], [7, с. 43]

Рассматривая отдельные эмоции и различные формы их выражения, можно разделить их на те, которые понятны людям разных культур, и другие, понятные в рамках определенной культуры. Эту особенность О. Кляйнберг связывает с различием эмоций по социальным функциям. Некоторые эмоции, по мнению ученого,

такие как *гнев, заинтересованность, презрение*, явно направлены на окружающих и являются формой взаимодействия между человеком и его социальной средой. Другие же (например, *страх, печаль*) имеют наиболее эгоцентрический характер и являются ответом на то, что произошло с человеком. Правда, и эгоцентрические эмоции имеют социальное значение, но это является их вторичной функцией [5, с. 234].

Задачей является исследование экспрессивных средств речи, которые, по нашим представлениям, имеют системную организацию в том плане, что они соотносимы с базовыми эмоциями. В каждом языке ведущими могут быть различные параметры этих средств, которые сами по себе имеют физиологически и акустически универсальную природу. Важным является, с нашей точки зрения, представление, согласно которому палитра эмоций на уровне звучащей речи создается интенсивностью «порций» реализуемых средств, относящихся к базовым эмоциям. Таким образом, инвентарь экспрессивных средств звучащей речи значительно меньше по объему, чем обозначений эмоций.

Интерес для исследователя представляют как универсальные, так и национально-специфические средства выражения эмоциональных состояний. Можно предположить, что среди них различаются в большей степени конвенциональные, то есть социально обусловленные группы средств, не предполагающие наличие у говорящего соответствующей эмоции, а только сигнализирующие об «уместности», «необходимости» этой эмоции в данной ситуации согласно принятым правилам общения.

Объект нашего исследования – «дружелюбие» является именно таким социокультурно обусловленным эмоциональным комплексом. При этом ведущую роль играет культурная обусловленность, поскольку рассматриваемое явление входит в пласт так называемых сложных эмоций и несет ярко выраженную социальную функцию. Если соотносить проявление таких эмоций с состоянием говорящего или направленностью его эмоционального состояния в сторону выражаемой конвенциональной эмоции, то следует иметь в виду наличие биологических предпосылок реали-

зации эмоциональных состояния (закон активационно-мотивационного оптимума по Е.Н. Винарской) [1, с. 16–17].

Настоящее исследование носит психолингвистический характер и проводится в сопоставительном плане на материале немецкого и русского языков. Уже на начальном этапе эксперимента мы столкнулись с трудностями терминологического плана. Взяв за основу немецкий термин «Freundlichkeit», мы попытались найти ему соответствие на русском языке. Для этого был проведен ассоциативный эксперимент, в котором 19 носителям русского языка в возрасте от 20 до 73 лет были предложены две ситуации: неофициальная и официальная встреча, которые представляли эмоцию дружелюбия описательным путем, не называя этот термин.

При этом мы исходили из мнения, что необходимость деления на «официальную» и «неофициальную» ситуации неизбежна. Результатами по описанию неофициальной ситуации явились следующие ассоциации: *искренность, открытость, приветливость, доброта, добросердечие, дружелюбие, дружелюбие, радушие, доброжелательность, добродушие, положительность, любезность. Результаты по официальной ситуации: воспитанность, дипломатичность, профессиональная приветливость, дружелюбие, приветливость, доброжелательность, любезность, вежливость.* Таким образом, мы можем наблюдать совпадения по 4 наименованиям: *доброжелательность, дружелюбие, приветливость, любезность.*

Проведение психолингвистического эксперимента

Собранный материал для экспериментального исследования представляет собой видеотреклеты ток-шоу. Выбор именно этого вида телевизионных передач обуславливается определенными критериями. Ток-шоу (с англ. «talk» – разговор, «show» – показ, представление) является одним из немногих типов телепередач, где «разговорная» часть преобладает над «шоу». При отборе материала мы отличали так же разговорное шоу («дискуссия на телеэкране» по В. Холи – Werner Holly „Redeshows: Fernsehdiskussionen in der Diskussion“) от «телевизионного разговора» («телевизионной дискуссии») [3, с. 27]. При более тщатель-

ном отборе ток-шоу мы обращали внимания на следующие критерии (по Клаусу Плаке):

1. Непосредственный характер (имитация живого телеобщения).
2. Спонтанность.
3. Тематическая классификация ток-шоу [6, с. 12].

Источником нашего материала послужили видеозаписи с высокой степенью вовлеченности публики в происходящее, кроме того, мотивируя последующей репрезентативностью результатов фонетического и психолингвистического экспериментов, мы исследовали речь известных личностей из публичных сфер жизни (представители кино и телевидения, писатели, журналисты, политики, музыканты).

Рассматривая разговорное шоу как благоприятный источник исследования просодических характеристик эмоционально окрашенной речи, мы уделили особое внимание начальной или конечной стадиям ток-шоу, а именно моменту приветствия со стороны ведущего / ведущей, представлению гостей, объявлению темы, вводной дискуссии, а также прощанию и напутствию с пожеланиями. В русских и немецких видеофрагментах присутствуют от 2 до 9 участников разговора (ведущие и гости), средняя продолжительность одной русской записи составляет от 30 до 200 секунд, немецкой – от 30 до 70 секунд, что в слогах составляет приблизительно 107-763 и 26-235 в русском и немецком языках соответственно (при необходимом учете темпа речи). Тематика ток-шоу относится к областям: телевидение, киноискусство, театр, семья, политика, здравоохранение, спорт, любовь, кулинария, защита окружающей среды, образование, праздники. Русские видеозаписи были получены с телеканалов «Культура», Первый Канал, ТНТ, немецкие видеозаписи - WDR Köln, Das Erste, ZDF, ZDFinfokanal, rbb-Brandenburg, 3sat, Doku-Kika, Eins-Festival, MDR-Sachsen-Anhalt, NDR FS NDS, Phoenix, ZDFdoku, arte.

Записи проводились в период с октября 2007 по декабрь 2008 гг. Общий объем составляет: русские видеозаписи – 460 минут, немецкие – 590,10 минут. В записях присутствуют как мужские, так и женские голоса (приблизительно в равных пропорциях). Отбор видеофрагментов проводился на основе психолингвистиче-

ского эксперимента, участие в котором было добровольным. Состав экспертов: носители языка (соответственно русского и немецкого) без специальной (лингвистической, фонетической) подготовки. Возраст участников эксперимента варьировался между 19 и 37 годами, род их занятий был также различен: студенты специальностей физика, математика, география, геология, политология, преподаватели экономики, воспитатели детского сада, военнослужащий, метеоролог. В двух этапах психолингвистического эксперимента приняли участие 48 человек (23 носителя русского языка и 25 носителей немецкого языка).

Предложенная для отбора видеозаписей парадигма включала 6 категорий и одну свободную графу. Данная парадигма имеет два полюса – дружелюбный и нейтральный / официальный. Остальные указатели служат для усиления общей системы и упрощают «наивному» носителю языка восприятие звучащего эмоционально окрашенного текста. Информаторы отвечали на вопрос: Как Вы оцениваете речь говорящего? Варианты для выбора: обрадованный / радостный, ироничный, дружелюбный, раздраженный, убедительный, нейтральный/официальный, другое.

Интересным с психолингвистической точки зрения представляется тот факт, что «граница насыщения» объемом материала у участников эксперимента – носителей русского языка составила около 45 минут видеофрагментов, у носителей немецкого языка – до 25–30 минут.

В обработанном реципиентами материале процентное соотношение распределилось следующим образом:

Таблица 1

Результаты психолингвистического эксперимента

обрадованный, радостный	ироничный	дружелюбный	раздраженный	убедительный	нейтральный, официальный	другое
4,6% (р); 21% (н)	17% (р); 11% (н)	23,4% (р); 28% (н)	7% (р); 0 % (н)	29% (р); 7% (н)	17% (р); 31% (н)	2 % (р, н)

Наиболее частые сочетания при узнавании «социальной» эмоции *дружелюбие* выступали для носителей русского языка в комбинации с категорией «убедительный» и «ироничный». Для носителей немецкого языка дружелюбие часто включало одновре-

менное маркирование категории «обрадованный» / «радостный». В категорию «другое» были занесены ряд описаний, лишенных непосредственной лингвистической или фонетической обусловленности (как, напр., «с оскалом») или относящиеся в первую очередь к голосовым параметрам (тихий, громкий). Для русских записей такими характеристиками явились: *оптимистичный, робкий, смешной, расслабленный, возмущенный*; для немецких записей: *прямой, взволнованный, странный, с оскалом, отсутствие интереса, громкий, тихий, грубый, дрожащий, твердый*.

На основе работы участников эксперимента мы отобрали видеозаписи, помеченные как «дружелюбные» и «нейтральные» для проведения дальнейшего эксперимента.

Целью второго этапа психолингвистического эксперимента явилась попытка проследить, что является первичным при восприятии социокультурного феномена *дружелюбие* и оппозиционной категории «нейтральный», «официальный» в обеих речевых культурах. Информаторы при ответе на вопросы систематизировали сигналы узнавания формальных признаков дружелюбия и официальности по следующим критериям: содержание высказывания, речевые особенности (темп, звучание голоса), мимика, жесты или другое.

Результаты второго этапа эксперимента можно обобщить следующим образом.

Выражение «дружелюбия»

1. В русских видеозаписях:

- большинство участников эксперимента отмечает первостепенную роль фонетических показателей речи, в частности, движения основного тона, а также ударений;

- на втором месте по количеству отобранных участниками эксперимента вариантов находится показатель «содержание высказывания»; здесь были в первую очередь отмечены лексико-синтаксические структуры, такие как «Мы рады приветствовать Вас; спасибо, что Вы с нами; добрый день / вечер; добро пожаловать...»;

- третье место занимает жестикулярно - мимическое сопровождение высказывания; участники эксперимента отмечали «смеющиеся» глаза, кивающие движения головой, активность бровей,

лба, рук и кистей рук, плечей, улыбку. Следует отметить, что фиксирование отдельных компонентов жестов и мимики не являлось непосредственной установкой для участников эксперимента;

- четвертым выводом является наличие факта телесного контакта коммуникантов, большее, чем просто пожатие кисти руки (например, объятие), что участниками эксперимента было вынесено в графу «другое». Данный способ выражения *дружелюбия* не был зафиксированы в немецких видеофрагментах.

2. Для немецких видеозаписей:

- как и в русском звучащем материале, участники эксперимента - носители немецкого языка отметили большинством голосов графу «речевые особенности», обращая при этом внимание в основном на темп речи и ударения;

- вторым по значимости маркером *дружелюбия* для носителя немецкого языка явились мимика (взгляд, улыбка, подвижность лобовой части лица) и жесты (в первую очередь, движения кистей рук);

- третье место принадлежит признаку «содержание высказывания» со следующим лексическим наполнением: “Herzlich Willkommen!”, “Ich freue mich, in unserem Studio begrüßen zu dürfen!, Hallo, schön, dass ihr da seid... Таким образом, экспериментальным путем удастся выделить универсальные и национально специфические признаки *дружелюбия* в русском и немецком языках.

Список литературы

1. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии) / Е.Н. Винарская. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003.

2. Изард К.Э. Эмоции человека / К.Э. Изард. – М.: Издательство МГУ, 1980.

3. Fröhlich L.P. Förderung der phonologischen Bewusstheit und sprachlicher Kompetenzen / L.P. Fröhlich. – Göttingen: Hogrefe, 1997.

4. Holly W. (Hgg): Redeshows: Fernsehdiskussionen in der Diskussion / W. Holly, P. Kuhn, U. Puchel. – Tübingen: Niemeyer, 2004.

5. Klineberg O. Social Psychology / O. Klineberg. – New Jork: Holt, 1967.

6. Plake K. Talkshows. Die Industrialisierung der Kommunikation / K. Plake. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999.

7. Schwarz – Friesel M. Sprache und Emotion / M. Schwarz-Friesel. – Tübingen, Basel: A. Francke Verlag, 2007.

Эмотивный дейксис как неконвенциональный тип дейксиса

Данная статья посвящена эмотивному дейксису как неконвенциональному типу дейксиса. В работе устанавливается характер расположения эмотивных знаков в пространстве дейктического поля. Центр эмотивного дейктического поля занимают эмотивы-символы и эмотивы-индексы, в то время как в периферийной части данного поля сконцентрированы эмотивы-образы.

The article is devoted to emotional deixis as an unconventional type of deixis. The authors determine the character of location of emotive signs in the deictic field. Emotive symbols and indices are located in the centre of the emotive deictic field whereas emotive images are concentrated in the peripheral part of the field under study.

Ключевые слова: эмотивный дейксис, эмотивное дейктическое поле, языковой знак, семантика, эмотивы-символы, эмотивы-индексы, эмотивы-образы.

Key words: emotive deixis, emotive deictic field, language sign, semantics, emotive symbols, emotive indices, emotive images.

Вопрос о потенциальной возможности эмотивов указывать на вербализованные эмоции в высказывании обуславливает необходимость обращения к понятию «дейксис» и возможную экстраполяцию на них общей теории дейксиса. Необходимо напомнить, что эмотивы составляют довольно значительную группу лексических единиц, служащих называнию, описанию и выражению эмоций. Цель данной статьи состоит в установлении содержания эмотивного дейксиса как неконвенциональной разновидности категории указания. Объектом исследования выступает эмотивное дейктическое поле; предметом – эмотивы-дейктики.

Эмотивный дейксис (далее: ЭД) представляет собой указание в рамках высказывания на ориентированные на личность говорящего вербализованные эмоции. Изучение ЭД осуществляется посредством анализа эмотивного указательного поля, состоящего из эмотивных лексических единиц, именуемых в данной работе эмотивами-демонстративами, эмотивами-знаками, эмотивными указа-

телями, эмотивами-дейктиками или эмотивными эгоцентрическими спецификаторами.

Действенным параметром расположения эмотивных дейктических единиц в пространстве указательного поля служит характер лексического значения эмотивов. При этом важно определить, какую часть семантики слова занимает эмотивное значение: совпадает с денотатом или составляет созначение, или эмотивность наводится на единицы эмоциональной ситуацией. Необходимо установить тип отношений между означающим, материальной стороной знака, в частности, его графическим исполнением на письме, и означаемым эмотивного знака, его «содержательной «духовной» стороной» [8, с. 31], то есть смыслом.

Для достижения цели настоящего исследования представляется возможным использование триединой системы знаков, предложенной Ч.С. Пирсом. Поскольку дейктические значения имеют отношение ко всем языковым значениям, то эмотивные значения вряд ли будут лишены функции указания. Однако стоит принять во внимание весьма сложное «сращение» общей типологии языковых значений с «коннотациями, всякого рода экспрессивными и дейктическими значениями (или компонентами значений)» [2, с. 170]. Тем не менее, возможность такой постановки вопроса обусловлена тем, что и номинативно-интерпретирующие значения, и дейктические значения в широком понимании, имеют модально-оценочный оттенок в своём содержании. Итак, попробуем «прирастить» знаковую систему Ч.С. Пирса к классификации эмотивных средств вербализации эмоций. Напомним лишь, что Ч.С. Пирс выделяет три типа знаков: иконические знаки (знаки-образы), знаки-символы и знаки-индексы. Этим трём типам знаков соответствуют основные типы языковых значений: номинативные, интерпретирующие и дейктические [2, с. 167]. Знаки-образы подразделяются на знаки с номинативными и интерпретирующими значениями. И те и другие выполняют отражательную функцию. Символическая функция знаков-символов, по мнению Л.М. Васильева, свойственна, главным образом, ассоциативным компонентам иконических значений (например, ассоциативным коннотациям в значениях цветоименований). Дейктические зна-

чения знаков-индексов тоже совмещены, как правило, со значениями иконических знаков.

Представляется, что знаки-символы соотносятся с эмотивами-символами. Репрезентантами эмотивов-символов являются аффективы: междометия, эмоционально-оценочные прилагательные; единицы из разряда ненормативной лексики. Они обладают аффективно-интерпретирующими, или модально-оценочными значениями, и у них нет коррелятов в реальном мире, равно как в слове *хороший* (данный пример с интерпретирующим значением можно найти в [2, с. 167]).

Поскольку в данном проекте исследуются способы и средства, указывающие на выражение эмоций в речи, то «приращение» общей типологии языковых значений к знаковой системе эмотивов рассматривается с несколько иных позиций по сравнению с ранее представленными работами.

В частности, междометия согласно традиционному пониманию дейксиса вряд ли могут квалифицироваться как эмотивы-символы и дифференцироваться с точки зрения характера лексического значения на интерпретирующие и номинативные, так как и к тем и к другим значениям, в первую очередь, относят внутреннюю форму знаменательных частей речи. Тем не менее, денотат семантики междометий эмотивен и оценочен, что позволяет им именоваться аффективно-интерпретирующими единицами в русле изучения эмотивного лексико-семантического указательного поля. Кроме того, суть их содержания базируется на относительной смежности между составляющими компонентами знака, означающим и означаемым. В целом, в аффективах, примером которых и являются междометия, указание на эмоциональность зафиксировано в языке.

В качестве примера обратимся к словарной статье междометия *Ух!*: «Употребляется при высказывании, окрашенном каким-либо сильным чувством (восхищения, удивления и т. п.)» [7, с. 538]. Указание на употребление позволяет квалифицировать междометие *Ух!* как знак с приписанным свойством, в то время как слова «восхищение» и «удивление» указывают на «духовную» сущность языкового знака *Ух!*, то есть его эмоциональность. Таким образом, в двусторонней структуре рассматриваемого demonstra-

тива *Ух!* установлен принцип относительной смежности между означающим *Ух!*, его графической фиксацией на письме и означаемым знака, его смыслом, собственно эмоцией, подразумеваемой адресантом и воспринимаемой адресатом в сообщении.

Рассмотрим использование данного аффектива в высказывании: «*Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали*» [7, с. 538]. Здесь междометие *Ух* выражает подавленность эмоционального состояния говорящего.

Итак, относительное сходство или фактическая смежность между *signans* и *signatum* эмотива-дейктика *Ух!*, по-видимому, отсутствуют. Однако присутствует тот тип отношений между составляющими компонентами знака, который характерен для содержания знака-символа.

В соответствии с трактовкой символа А.Ф. Лосевым и К. Бюлером, роль эмотивов-символов оправданно отводится междометиям, поскольку данные аффективы, номинируя эмоции в тексте, полностью выдают эмоциональное состояние говорящего. То же самое касается и других представителей аффективов, наполняющих текст эмоциями.

Таким образом, аффективы могут выступать в качестве эмотивов-символов, несмотря на то, что они не относятся к классу назывных слов, как это традиционно принято в языкознании. Например, междометия *Ah!* и *Oh!* однозначно указывают на наличие эмоций в речи, несмотря на то, что не имеют сходства с обозначаемым объектом, вызвавшим соответствующую эмоциональную реакцию и оценку со стороны говорящего. Кроме того, читатель в этом случае вряд ли усомнится: эмоционально или нейтрально высказывание?

Лингвистический анализ использования междометий как эмотивов-символов в эмоционально-окрашенной речи обнаруживает шифтерность этих эгоцентрических спецификаторов. В частности, если высказывание состоит из одного междометия, то последнее однозначно соответствует эмотиву-символу, поскольку выявляется относительная смежность между означающим и означаемым в дуализме знака: e.g. "*Oh,*" *I said, starting, for now I knew who Sir Henry had reminded me of when first I saw him* (11, с. 34). Репарка

персонажа из произведения Райдера Хаггарда, представляющая собой единственное междометие **Oh**, вполне «справляется» с репрезентацией эмоции удивления в тексте.

В контраргумент с предыдущим вариантом, рассмотрим пример, где за междометием следует остальная часть высказывания: *Housemaid: Oh, yes – the handsomest young lady that ever was seen; and so accomplished!* (10, с. 246). Здесь междометие *Oh* «работает» по принципу индикативных знаков, жеста указания пальцем на объект, поскольку аффектив репрезентирует красоту молодой девушки и одновременно эмоционально подчёркивает её. Тем не менее, словарное толкование междометий, которое подразумевает эмоцию (например, в англ. языке **Bless me** означает: “used for showing surprise” [13]), убеждает в квалификации данных аффективных единиц, преимущественно, как эмотивов-символов.

Что касается эмоционально-оценочных прилагательных, то макрокомпонент семантики данных единиц имеет непосредственное отношение к категории экспрессивности, а, как известно, эмотивность коррелирует с экспрессивностью (см. работы В.И. Шаховского). В этой связи рассмотрим словарные статьи, посвящённые эмоционально-оценочным прилагательным, в лексикографических источниках, например в английском толковом словаре издательства Macmillan: e.g. (1) **great** (informal used for emphasizing the most important feature of something) [13, с. 622]; (2) **awful** (used for emphasizing how unpleasant someone or something is) [13, с. 422]). Словарные толкования данных эмоционально-оценочных прилагательных доказывают присутствие эмотивности в одном из составляющих рассматриваемых знаков – означаемом. При этом означаемое этих языковых знаков не имеет относительного сходства с означаемым, подразумеваемой адресантом эмоцией. Кроме того, здесь не требуется обязательного соприсутствия какой-либо единицы с целью указания на неё, что характерно для индикативных знаков, а помета *used for emphasizing* указывает на приписанное свойство в двусторонней сущности знака. Таким образом, в эмотивах-дейктиках как эмоционально-оценочных прилагательных означаемое, зафиксированное на

письме, соотносится по принципу установленной смежности с означаемым, «духовной» стороной адъективных знаков, т.е. эмоцией.

Следующие «претенденты» на статус эмотивов-символов – лексические единицы со сниженной тональностью, поскольку отрицательный эмоциональный заряд данных единиц часто сосредоточен в денотативном компоненте лексического значения ненормативной лексики: **stuff** (informal nonsense) [13, с. 1427]): e.g. *Oh, **stuff**, Maurice! Cheap-jack **stuff**. I'm surprised at you!* (12, с. 135). Достаточно одного бранного слова в высказывании, чтобы обнаружить эмоциональное состояние адресанта и его отношение к адресату. Например: «Ты лжешь, **мерзавец!**.. ты лжешь самым бесстыдным образом» [6, с. 253]. В слове «мерзавец» означающее *мерзавец* связано по принципу установленной смежности с означаемым знака, его смыслом, а именно с эмоцией возмущения, выраженного адресантом в данном сообщении.

Междометия, эмоционально-оценочные прилагательные и единицы ненормативной лексики не имеют никакого отношения к номинации, ибо они не называют обозначаемое, а только выражают отношение говорящего к нему с помощью аффективно-интерпретирующего значения. Кроме того, они не указывают на сопresentствующие объекты, тем самым не обладают фактической смежностью с явлением или объектом, подразумеваемым адресантом. Всё это обуславливает символичность как приписанное свойство в содержании аффективных знаков.

Следующие представители ЭД – это класс эмотивов-индексов. К нему относятся: 1) коннотативы, предусматривающие осмысление экспрессивно-эмотивного значения слова посредством “внешней формы” – индекса – экспрессивных формообразующих и словообразовательных аффиксов; 2) коннотативы с увеличительной экспрессивностью в семантической структуре слова, не обладающие метафорическим переносом или каким-либо внешним признаком эмотивности, а обладающие прочной синтаксической связью и абстрактным значением согласно традиционному пониманию дейксиса (например, усилительные наречия, выступающие в сочетании с прилагательными); 3) единицы ассоциативно-эмотивной лексики, где указательное местоимение Я – «общепри-

знанное дейктическое слово» [2, с. 168] – выполняет значимую роль (например, *я люблю, я ненавижу, я презираю* и т.д.); 4) а также синтактико-стилистические средства вербализации эмоций (например, инверсия или повторы) – представители абстрактного вида знаков в различных средствах коммуникативной стороны высказывания [2].

В целом, эмотивы-индексы – это обладающие дейктическими значениями эмотивные единицы, в том числе дейктические единицы в широком понимании. Суть их состоит в фактической смежности между составляющими компонентами индикативного знака: означающим и означаемым.

Морфологические средства реализации эмотивности выполняют функцию знаков-индексов, поскольку усиливают значение производной основы эмотивной единицы, примером чего служат уменьшительно-ласкательные суффиксы в русском языке. Рассмотрим отрывок из семейной повести А. Инина «Не сошлись характерами»:

Нина сообразила, что не надо беречь подруге душу, и сменила тему, закружилась перед Наташей.

- А я зато беру фирмой! Ну, как костюмчик? Мейд ин Гонконг!

- Ты в нем совсем девчоночка! – одобрила Наташа. (4, с. 173).

В соответствии со значением уменьшительности суффиксов **-чик** и **-очк** лексические единицы *костюмчик* и *девчоночка* выражают положительную эмоцию, знак одобрения в женской речи. В противном случае, слова *костюм* или *девчонка* вряд ли соответствовали бы желанию молодой женщины подбодрить свою подругу. Следовательно, в единицах *костюмчик* и *девчоночка* означающее соотносится с означаемым, экспрессивным переосмыслением слова, по принципу фактической, непосредственной, сопresentующей смежности.

Важно подчеркнуть, что экспрессивные формообразующие и словообразовательные аффиксы успешно «работают» как эмотивные индексы в адъективной лексике. Анализ лингвистических штудий, в частности по стилистике английского языка (см. работы

И.В. Арнольд), подтверждают такую репрезентативную функцию морфологических средств языка. В частности, к ним относятся формообразующий суффикс *-est*, словообразовательный префикс *un-* и уничижительный аффикс *-ish*.: *e.g. pleasantest, handsomest, unkind, ungrateful, foolish*.

Однако без соприсутствия основы лексической единицы, рассматриваемые аффиксы вряд ли «срабатывают» как индикативные знаки. Как правило, экспрессивные формообразующие или словообразовательные аффиксы есть неразделённая часть в морфологической структуре эмотивного слова. Это позволяет именовать их полуиндексами, по аналогии с «традиционными» ползнаками (см. в Лингвистическом энциклопедическом словаре). Например, в единице *handsomest* наблюдается фактическая смежность между означающим, *handsomest*, фиксацией на письме и означаемым *handsome*, подчёркивая тем самым высокую степень качества в прилагательном.

Коннотативы с увеличительной экспрессивностью, также как и морфологические средства эмотивности, соответствуют статусу индексов в семиотической системе эмотивности. Устойчивая синтаксическая связь усилителей-интенсификаторов со знаменательными частями речи служит предпосылкой реализации функции индикативных знаков в речи *homo sentiens*. В английском языке, например, это наречия *absolutely, terribly, extremely, awfully, very*, которые индексируют значения имен прилагательных [9, с. 139].

Хочется отметить, что эмотивная функция текста также может усиливаться словами *How* и *What* в вопросительных и, преимущественно, восклицательных предложениях [1]. В русском языке аналогичными усилителями-интенсификаторами выступают местоимения *какой, что* и другие. Они занимают устойчивое синтаксическое положение, как правило, в начале предложения, тем самым обращая внимание адресата на соприсутствующие с этими интенсификаторами слова, которые, в отличие от усилителей, не указывают на что-либо, а обозначают действительность. Рассмотрим пример: «*Играл он божественно! **Что** за тон! **Что** за сила! **Что** за полнота!*» [5, с. 103]. Здесь дуализм знака-индекса состо-

ит в фактической смежности между означающим, материальной стороной знака, например: *что за сила*, и означаемым, экспрессивно-переосмысленной номинацией, выступающей в сочетании с усилителем *что*; то есть означаемые *тон, сила, полнота* представлены в эмотивном «обрамлении» согласно соприсутствующему интенсификатору *что*.

Последним представителем эмотивов-индексов в предлагаемой типологии является ассоциативно-эмотивная лексика. Словарные значения эмотивов-номинативов только описывают эмоцию, но не выражают её. Например, в английском языке глагол *to grieve* означает “to feel extremely sad because someone has died” [13, с. 625]. Данные единицы рассматриваются вместе с базовой дейктической единицей, с местоимением *Я*: *я люблю, я ненавижу*, что усиливает, по принципу указания пальцем на предмет, номинативное значение эмотивов *любить, ненавидеть, презирать, обожать* и т.д., тем самым составляя суть означаемого в знаке как эмотива-номинатива. Следовательно, двусторонняя сущность знаков-индексов как единиц ассоциативно-эмотивной лексики может быть эксплицирована следующим образом: *я люблю* есть означающее, материальная сущность знака, в то время как означаемое суть весьма эгоцентрическая спецификация эмоций адресанта. Таким образом, между составляющими компонентами знака присутствует фактическая, фиксированная смежность. Сочетание общепризнанных дейктиков, таких как местоимение первого лица единственного числа, с единицами эмотивно-номинативной лексики позволяет именовать последние эмотивами-индексами.

Однако если в высказывании отсутствует местоимение *Я*, но присутствует такой способ образования временной формы эмотивно-номинативного глагола, который направлен на выражение его говорящего, то данный эмотив-номинатив так же, как и в предыдущем варианте, квалифицируется как эмотивный индекс. В качестве примера можно обратиться к известным строкам А.С. Пушкина: «**Люблю** («чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-либо» [6, с. 208]) *тебя, Петра творенье, Люблю твой строгий, стройный вид, Невы державное течение,*

Береговой её гранит. В этом отрывке отсутствует местоимение *Я*, что, тем не менее, несколько не снижает высокого накала сокровенных чувств поэта по отношению к любимому городу. Каждому, включая неискушенного читателя, передаётся внутреннее состояние поэта. Слово «люблю» полностью отражает личное отношение автора к объекту речи.

Последние компоненты в группе эмотивов-индексов представляют собой синтактико-стилистические средства вербализации эмоций, другими словами, знаки эмотивности в широком понимании. Они выполняют указательную функцию так же, как и другие представители эмотивов-индексов, – по принципу жеста, указывающего пальцем на предмет, а именно с помощью «нарушения» синтаксиса в тексте. Например, демонстрация эмоциональности реализуется посредством повторения единиц, инверсии и т. д.

Таким образом, синтактико-стилистические средства эмотивности основаны, прежде всего, на дистрибуции единиц высказывания. Содержание означаемого в синтактико-стилистических конструкциях определяется с помощью указания на необычное размещение элементов в высказывании. В качестве иллюстрации рассмотрим диалог из рассказа «Телефон доверия» А. Инина:

И снова женщина. Вся какая-то нервная и порывистая:

– Але! Але, але! Телефон доверия? Доверия или нет?

– Доверия, доверия, – успокоил её Козлов. – И если у вас есть немного времени...

– У меня времени много! – перебила она. – Очень много никому не нужного времени! (4, с. 424).

Повтор *Але, Але*, подхват *немного времени... У меня времени много!* а также нарастание - *У меня времени много! Очень много никому не нужного времени!* выдают раздражительность и вспыльчивость позвонившей женщины. По-видимому, если не принимать в расчет синтаксические нарушения, не обращать внимание на синтактико-стилистическое оформление высказывания, то рассматриваемые сочетания единиц представляют собой только означающее, некие конструкции, «материальные оболочки», лишённые всякого смысла. Однако с учётом синтагматических нарушений, их значимости в экспрессивно-эмотивном оформлении

высказывания [3] выявляется суть означаемого синтаксических конструкций как индикативных знаков – опосредованная через сознание адресанта эмоция. Следовательно, синтактико-стилистические средства вербализации эмоций как эмотивы-индексы предполагают фактическую смежность между составляющими компонентами знака, означающим и означаемым.

Последние представители ЭД – это эмотивы-образы. Данные демонстративы суть эмотивные единицы с коннотативно-номинативными значениями. Номинативные значения в данном типе эмотивных знаков описывают признаки (свойства) реалий действительности, а коннотативные выражают различные модально-оценочные компоненты значений, в том числе метафорические [2, с. 167]). Таким образом, к эмотивам-образам относятся коннотативы с ассоциативно-образным переосмыслением значения слова (словосочетания) в виде различных тропов или фразеологизмов.

В примере из романа А. Мердок «Замок на песке»: *Rain: It's useless, Mor... What am I doing in your life? I've often wondered this, you know, only I never told my doubts. **You are a growing tree. I am only a bird. You cannot break your roots and fly away with me*** (14, с. 195) с помощью образных средств героиня выражает любовь и сожаление. В семантической структуре эмотивов-дейктиков выявляется конкретность значения, поскольку эмоции выражаются посредством номинаций, например, *a growing tree, only a bird, break your roots*. Для того, чтобы выразить свою несчастную любовь, молодая женщина представляет образы: растущее дерево – это её любимый, птичка – это сама героиня и т.д. Такое переосмысление значений лексических единиц в высказывании способствует вербализации эмоций адресантом. Таким образом, данные лексико-выразительные средства эмотивности построены на относительном сходстве между тем, что называется, а также письменно фиксируется – *a growing tree. a bird. your roots*, и тем, что подразумевается, переосмысливается самой говорящей.

Кроме того, в роли эмотивов-образов могут выступать разного рода зооморфизмы, то есть единицы сниженной тональности с ассоциативно-образным переосмыслением значения слова. Напри-

мер, *goat*, *dog* и другие. Общая особенность зоонимов заключается в том, что эмотивный смысл не является макрокомпонентом значения этих слов, а представляет собой микрокомпонент, то есть выступает в роли компонента эмотивного значения или созначения. В данном случае наблюдается эмоциональное сопровождение логико-предметной номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего к объекту в целом или к его определённым признакам; ср.: **beast** 1. mainly literary an animal, especially a dangerous or strange one: a wild beast. 2. informal old-fashioned used for speaking to someone who is behaving badly [3, с. 106].

Парадигматические связи между значениями в семантике зооморфизма коррелируют с двусторонней сущностью зооморфизма как языкового знака, а именно выстраиваются связи между означающим, сочетанием материального воплощения на письме и основного значения слова, и означаемым – эмотивным созначением, репрезентирующим эмоцию.

Эмотивы-демонстративы составляют содержание единого лексико-семантического указательного поля. Однако абстрактные значения эмотивных эгоцентриков выполняют дейктическую функцию в большей мере, чем конкретные [2, с. 167]). Дихотомия *абстрактность vs конкретность значения* рассматривается по отношению к номинации. Чем более конкретно языковая единица называет обозначаемое, его сущность, его основной признак, тем менее абстрактна, менее указательна семантика слова. В противном случае, во внутренней форме слова доминирующим становится проявление указательности.

В этой связи эмотивы-индексы и эмотивы-символы, которые конкретно не называют обозначаемое, не имеют с ним сходных черт, не являются схемами-образами обозначаемого, занимают центральную часть эмотивного указательного поля, вероятно, несколько отодвигая от центра к периферии эмотивы-образы.

Отсюда следует, что суть содержания эмотивных символов и эмотивных индексов зиждется на отношении составляющих компонентов языкового знака – означающего и означаемого – условной и фактической смежности, соответственно. Периферийную часть указательного эмотивного поля составляют эмотивы-образы, которые квалифицируются как образы на основе относительного сходства между *signans* и *signatum* в знаке. Однако нель-

зя не признать подвижность эмотивных знаков, характерную для семиотических систем всех языков, как естественного, так и формализованных языков в целом.

Таким образом, показатель удельного веса эмотивного компонента во внутреннем содержании слова и характер дистрибуции дейктических эмотивных единиц в эмотивном высказывании служат действенными параметрами степени дейктичности эмотивных указателей, или шифтеров, в эмотивном указательном поле. При этом содержание двусторонней сущности знака – отношение между *signans* и *signatum* – является основополагающим в семиотической системе эмотивности.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. “Иностр. яз.”. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990.
2. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: Сборник избранных статей. – Уфа: РИО БашГУ, 2006.
3. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Учеб. пособие для студентов фак. и пед. ин-тов иностр. яз. – Л., “Просвещение”, 1978.
4. Инин А.Я. Телефон доверия. Избранное – М.: Издательский Дом «Прибой», 1998.
5. Толковый словарь русского языка. Том I / Ред. А.П. Евгеньева – М.: Русский язык, 1981.
6. Толковый словарь русского языка. Том II / Ред. А.П. Евгеньева – М.: Русский язык, 1981.
7. Толковый словарь русского языка. Том IV / Ред. А.П. Евгеньева и Г.А. Разумникова. – М.: Русский язык, 1984.
8. Якобсон Р.О. Избранные работы по лингвистике. – Б: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
9. Alexander L.G. Longman English Grammar. – London and New York, 1997.
10. Austen J. Pride and Prejudice. Foreign Languages Publishing House. – Moscow. 1961.
11. Haggard R. King Solomon’s Mines. Progress Publishers. – Moscow, 1972.
12. Johnson P. The Humbler Creation. – Penguin Books, 1961.
13. Macmillan. English Dictionary for Advanced learners. Macmillan Publishers Limited, 2002.
14. Murdoch I. The Sandcastle. – Ленинград: “Просвещение”. Ленинградское отделение, 1975.

К вопросу о классификации русско-английских адъективных лакун

Статья посвящена классификации русско-английских адъективных лакун. Проводится тематическая классификация, в результате которой выделено 18 тематических групп, а также типологическая классификация, основанная на причине лакунарности.

The article is devoted to the classification of the Russian-English attributive lacunae. Both thematic classification, according to which 18 thematic groups are distinguished, and typological one, based on the reason of lacunarity, are carried out.

Ключевые слова: лакуна, тематическая группа, обобщающие лакуны, конкретизирующие лакуны, имплицитно-обобщающие лакуны, эксплицитно-обобщающие лакуны, дизъюнкция, конъюнкция, уровень лакунарности, степень лакунарности.

Key words: lacuna, thematic group, generalizing lacunae, specifying lacunae, implicit generalizing lacunae, explicit generalizing lacunae, disjunction, conjunction, level of lacunarity.

В ходе исследования русско-английских адъективных лакун, полученных методом сплошной выборки из Нового Большого англо-русского словаря под редакцией Ю.Д. Апресяна [1], нами было выделено 3570 лакун. Как показал анализ, данные лакуны могут быть классифицированы как по тематическому принципу, так и типологически.

Проведенная тематическая классификация позволила выделить 18 тематических групп русско-английских адъективных лакун: **пространственные характеристики** (*сильно наклоненный вперед (особ. о голове) – ср. roking; находящийся в мешке – ср. bagged*), **временные характеристики** (*продолжавшийся всю ночь – ср. overnight; происходящий или выходящий раз в два месяца, происходящий или выходящий 2 раза в месяц – ср. bimonthly*), **звуковые характеристики** (*подобный звукам флейты – ср. fluted*), **характеристика флоры** (*растущий пучками или гроздьями – ср. bunchy; имеющий удлиненные листья – ср. flaggy*), **характеристика фауны** (*имеющий клюв – ср. rostrate*), **характеристика местности**

(изобилующий мелями – ср. *shelvy*; богатый травами – ср. *herby*), характеристика одежды (с капюшоном (о плаще и т. п.) – ср. *hooden*; в тонкую полоску – ср. *pinstriped*), характеристика обуви (подбитый гвоздями (о сапоге, горных ботинках и т. п.) – ср. *hobnailed*), порядковые и количественные характеристики (самый последний – ср. *aftermost*; существующий в 5 копиях или экземплярах – ср. *quintuplicate*), характеристика продуктов питания и блюд (приготовленный с мелко нарезанными овощами – ср. *printanier*; из муки грубого помола – ср. *household*), характеристика человека и его состояний (подобный мяснику – ср. *butcherly*; легко, быстро утомляющийся – ср. *fatigable*), характеристика предметов окружающей действительности (монтируемый на автомобиле – ср. *carborne*; похожий на пуговицу – ср. *buttony*), характеристика объектов приложения человеческой деятельности (написанный несколькими авторами – ср. *polygraphic*), характеристика родовой принадлежности (относящийся к лечебным, благотворительным и др. учреждениям – ср. *institutional*), характеристика общественных и социальных явлений (получивший статус города (о населенном пункте) – ср. *incorporated*), характеристика болезней и болезненных состояний (частый и сухой (о кашле) – ср. *hacky*), финансово-денежные характеристики (стоимостью в один пенс или один цент – ср. *penny*; начисленный до уплаты налогов – ср. *pretax*), характеристика действий (охвативший всю страну – ср. *countrywide*; ярко светящийся – ср. *glowing*).

Проведенная тематическая классификация русско-английских адъективных лакун продемонстрировала, что количество лакун по группам существенно различается – от 8 до 660. Так, наиболее многочисленными являются следующие группы русско-английских адъективных лакун: характеристика предметов окружающей действительности (660), характеристика человека и его состояний (559), характеристика родовой принадлежности (501), характеристика действий (155). Наименьшее количество лакун зафиксировано нами в группах, отражающих финансово-денежные характеристики (10) и звуковые характеристики (8).

Проведенное типологическое исследование русско-английских адъективных лакун показало, что к русско-английским адъективным лакунам применима типологическая классификация, предложенная и разработанная А.А. Махониной [2, с. 55–76] для субстантивных лакун, согласно которой все межъязыковые лакуны подразделяются на две большие группы: **обобщающие и конкретизирующие**. Данное деление основано на причине лакунарности, то есть на причине, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна. Такой причиной может быть отсутствие в исследуемом языке либо соответствующего **обобщения**, либо соответствующей **конкретизации** по определенному признаку.

В ходе исследования выяснилось, что среди русско-английских адъективных лакун также можно выделить обобщающие и конкретизирующие лакуны, при этом количество конкретизирующих лакун (3007) намного превышает количество обобщающих лакун (563). Примерами **обобщающих адъективных лакун** являются: *липкий и сладкий* – ср. *gooey*, *длинный и мягкий* (о траве и т. п.) – ср. *lank*. В качестве примера **конкретизирующих адъективных лакун** приведем следующие: *намазанный маслом* – ср. *buttery*, *подходящий для светских девушек* – ср. *debbu*.

Как показало исследование, конкретизирующие лакуны демонстрируют отсутствие конкретизации по 30 лакунарным признакам, в том числе: **направлению** (*мигрирующий против течения* – ср. *contranatant*; *направляющийся к берегу, суше* – ср. *onshore*), **месту приложения действия** (*изображенный на медали, ордене* – ср. *medallic*; *записанный в конторской книге* – ср. *book*), **субъекту приложения действия** (*ухаживающий за больными* – ср. *bedside*; *использующий обнаженных исполнителей* (о фильме, спектакле и т. п.) – ср. *nude*), **положению в пространстве** (*зажатый между пальцами* – ср. *pinched*; *находящийся ниже по течению* – ср. *downstream*), **объекту действия** (*строящий гнезда* (о птицах) – ср. *pensile*; *продающий свою продукцию через собственные магазины* (о фирме) – ср. *retail*), **наличию** (*имеющий боковые крылья* – ср. *aisled*; *снабженный, обладающий клыками* – ср. *fanged*), **отсутствию** (*не имеющий расписания* – ср.

nonscheduled; не имеющий ключа (о задачнике и т. п.) – ср. *key-less*), **воздействующему объекту** (*прибитый гвоздями, вбитыми наискосок* (о доске) – ср. *toed*; *огражденный решеткой* – ср. *barred*), **воздействующему субъекту** (*разыскиваемый полицией* – ср. *wanted*; *написанный несколькими авторами* – ср. *polygraphic*), **субъекту сходства** (*подобный мяснику* – ср. *butcherly*).

Что касается обобщающих лакун, то они, как показало исследование, имеют более сложную типологию. Так, проведенный анализ дал возможность выделить среди обобщающих адъективных лакун типологические **подтипы**, а именно: **эксплицитно и имплицитно обобщающие** лакуны.

Под **эксплицитно-обобщающими** лакунами мы понимаем такие, у которых обобщение выражено эксплицитно в словарной дефиниции. Например, в лакуне *сплющенный или сжатый у полюсов* – ср. *oblate* обобщение ***сплющенный или сжатый*** эксплицитно присутствует в словарной дефиниции. Под **имплицитно-обобщающими** лакунами нами понимаются такие, у которых обобщение не выражено в словарной дефиниции, но может быть понято благодаря денотативным семемам лексем, входящих в словарное определение. Например, в лакуне *без надписи, без теснения* – ср. *letterless* имплицитно подразумевается обобщение ***находящийся, продающийся, сделанный без надписи, без теснения***. Следует отметить, что количество имплицитно-обобщающих лакун (384) значительно превышает количество эксплицитно-обобщающих лакун (179).

Исследование показало, что у эксплицитно-обобщающих лакун обобщение может быть выражено **конъюнкцией** или **дизъюнкцией**, в результате чего можно говорить о существовании **дизъюнктивных и конъюнктивных эксплицитно-обобщающих лакун**.

Дизъюнктивные эксплицитно-обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, представленного в виде *альтернативы* между двумя родовыми признаками (*высшего качества или большого размера* – ср. *imperial*), а **конъюнктивные эксплицитно-обобщающие лакуны** – на основании отсутствия обобщения, выраженного *совокупностью* родовых

признаков (*сочный и свежий (о растительности) – ср. verdurous*). Отметим, что отсутствие обобщения у дизъюнктивных эксплицитно-обобщающих лакун зафиксировано нами по 7 признакам, в том числе: **качеству** (*слишком длинный или долгий – ср. overlong*), **наличию** (*снабженный зубцами, усаженный остриями, шипами – ср. spiked*), **отсутствию** (*безрукий или безногий – ср. limbless*), а у конъюнктивных – только по 2 признакам: **качеству** (*жирный и липкий (о почве) – ср. unctuous*) и **цвету** (*розовато-лиловый – ср. mauve*).

Следует отметить, что количество дизъюнктивных эксплицитно-обобщающих лакун (119) значительно превышает количество конъюнктивных эксплицитно-обобщающих (60).

Проведенный анализ дал также возможность выделить одну **дизъюнктивную лакуну с конъюнкцией** – *спелый и мягкий или сладкий и сочный (о фруктах) – ср. mellow*. Таким образом, мы можем констатировать наличие **дизъюнктивно-конъюнктивной обобщающей лакуны**.

Как показал материал, дизъюнкция у эксплицитно-обобщающих лакун может быть выражена как **эксплицитно, так и имплицитно**. Например, у дизъюнктивной лакуны *происходящий или выходящий через каждые три недели – ср. triweekly* дизъюнкция выражена эксплицитно в словарной дефиниции при помощи разделительного союза *или*, а лакуна *собирающий, предсказывающий, передающий легенды, сказания и т. п. – ср. legendary* демонстрируют имплицитную дизъюнкцию, так как последняя не выражена в словарной дефиниции, а подразумевается имплицитно.

У имплицитно-обобщающих лакун отсутствие обобщения зафиксировано нами по 21 лакунарному признаку, в том числе: **образу действия** (*с широко открытыми глазами; с круглыми глазами (от страха, удивления и т. п.) – ср. moon-eyed*), **наличию** (*с бельмом на глазу – ср. horn-eyed*), **отсутствию** (*без лифта (о доме) – ср. low-rise*), **цвету** (*цвета охотничьего камзола – ср. pink*), **детали одежды** (*в бриджах – ср. breeched*).

Проведенный анализ показал, что и обобщающие, и конкретизирующие адъективные лакуны, как и изученные А.А. Махониной субстантивные [2, с. 72], могут демонстрировать отсутствие обоб-

щения или конкретизации не по одному, а одновременно по нескольким признакам, что свидетельствует о существовании у них нескольких **уровней лакунарности**: лакуны первого уровня демонстрируют отсутствие обобщения или конкретизации по одному признаку, лакуны второго уровня – по двум признакам, лакуны третьего уровня – по трем признакам и т. д.

Так, обобщающая лакуна *тупой или вздернутый (о носе)* – ср. *snub* (обобщение по качеству) является эксплицитно-обобщающей лакуной **первого уровня** лакунарности, лакуна *исключительно сильный или мощный* – ср. *bionic* (обобщение по качеству и степени проявления признака) – эксплицитно-обобщающей лакуной **второго уровня** лакунарности, а лакуна *с человеком или экипажем на борту* – ср. *tapped* (обобщение по типу действия, выраженному имплицитно, субъекту приложения действия и месту приложения действия) – имплицитно-обобщающей лакуной **третьего уровня** лакунарности.

Приведем примеры, демонстрирующие наличие уровней лакунарности у конкретизирующих лакун. Лакуна *направленный к морю* – ср. *seaward* (конкретизация по направлению действия) является конкретизирующей лакуной **первого уровня** лакунарности, а лакуна *находящийся в аптеке в готовом виде* – ср. *official* (конкретизация по положению в пространстве и виду) является конкретизирующей лакуной **второго уровня** лакунарности.

Проведенное исследование выявило, что и обобщающие, и конкретизирующие лакуны имеют **ступени лакунарности**, под которыми, вслед за А.А. Махониной [2, с. 74], мы понимаем степень конкретизации осмысления того или иного понятия. Если конкретизируется только родовое понятие, то мы имеем дело с лакунами первой ступени. В случае если конкретизируется и видовое понятие, мы имеем дело с лакунами второй ступени. Отметим, что согласно исследованию А.А. Махониной, у субстантивных лакун ступени лакунарности выделяются только у конкретизирующих лакун. Наш материал показал, что у адъективных лакун ступени лакунарности могут быть выделены и у обобщающих лакун. Таким образом, мы вправе говорить о существовании обобщающих лакун, имеющих конкретизацию на ступенях лакунарности. Так, экс-

плицитно-обобщающая лакуна *идуший или связанный с движением от центра или из столицы (о транспорте)* – ср. *down* демонстрирует конкретизацию понятия *движение* по направлению (*от центра или из столицы*) на первой ступени лакунарности, а имплицитно-обобщающая лакуна *с чрезмерно развитыми мускулами* – ср. *muscle-bound* – конкретизацию понятия *мускулы* по виду (*развитые*) на первой ступени лакунарности, и понятия *развитые* по степени проявления признака (*чрезмерно*) на второй ступени лакунарности.

Проиллюстрируем наличие ступеней лакунарности у конкретизирующих лакун. Так, конкретизирующая лакуна *сделанный из плетеного тростника или камыша* – ср. *matted* демонстрирует конкретизацию понятий *тростника или камыша* по виду (*плетеного*) на первой ступени лакунарности, а лакуна *приготовленный с мелко нарезанными овощами* – ср. *printanier* – конкретизацию понятия *овощи* по виду (*нарезанные*) на первой ступени лакунарности и понятия *нарезанные* по степени проявления признака (*мелко*) на второй ступени лакунарности.

Исследование показало, что и у обобщающих, и у конкретизирующих лакун могут быть выявлены **несколько ступеней лакунарности одного порядка**. Так, имплицитно-обобщающая лакуна *с белым пятном на голове (у животного)* – ср. *bold* имеет две ступени лакунарности одного порядка: на первой ступени лакунарности наблюдается конкретизация понятия *пятно* по степени цвету (*белое*) и по месту приложения действия (*на голове*). Конкретизирующая лакуна *находящийся вне движущегося космического корабля* – ср. *extravehicular* также демонстрирует конкретизацию понятия *корабль* по виду (*космический*) и по производимому действию (*движущийся*) на первой ступени лакунарности.

Таким образом, наше исследование показало, что к русско-английским адъективным лакунам может быть применена как тематическая, так и типологическая классификация.

В рамках тематической классификации нами было выделено 18 тематических групп. Проведенная типологическая классификация выявила, что русско-английские адъективные лакуны могут

быть обобщающими, конкретизирующими, а также обобщающе-конкретизирующими. Исследование показало, что среди обобщающих лакун могут быть выделены эксплицитно- и имплицитно-обобщающие. Обобщение у эксплицитно-обобщающих лакун может быть выражено **конъюнкцией** или **дизъюнкцией**, что позволяет говорить о существовании **дизъюнктивных и конъюнктивных эксплицитно-обобщающих лакун**. Проведенный анализ продемонстрировал наличие у обобщающих и конкретизирующих лакун уровней лакунарности. Исследование также выявило наличие нескольких ступеней лакунарности у обобщающих и конкретизирующих лакун, а также наличие нескольких ступеней лакунарности одного порядка.

Список литературы

1. Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Около 250 000 слов / Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. – М.: Русский язык, 1993.
2. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакунарности (на материале русско-английских субстантивных лакун): дис. ... канд. филол. наук / А.А. Махонина. – Воронеж, 2006.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 821 (7СОЕ).09

Н.В. Морженкова

Модернистская автобиография: жанровые трансформации

В статье рассматриваются ключевые для модернистского автобиографического письма проблемы, связанные с концепциями личности, памяти, субъективного времени, эстетизации и мифологизации жизни. Описывается культуртрегерская функция автобиографического дискурса и затрагивается вопрос о конструирующей роли жанра автобиографии, работающего на формирование единого макротекста модернистской культуры.

The article examines the issues of modernist life-writing through the lens of the concepts of the individual, memory, subjective time, aesthetisation and mythologisation of life. Focusing on the culture-triggering function of autobiographical writing the paper explores how the autobiography frames modernist culture and promotes the value of modernists' literary production among readers.

Ключевые слова: модернистская автобиография, спонтанная память, эстетизация жизни, достоверность автобиографии, метатекстуальность.

Key words: modernist autobiography, spontaneous memory, aesthetisation of life, authenticity of life-writing, metatextuality.

В XX веке в рамках модернистской литературы традиционные жанровые формы автобиографии претерпевает значительные трансформации, обусловленные переосмыслением таких категорий, как сознание, идентичность, личность. Общий для модернистской эстетики интерес к глубинам человеческой психики и сознания повлёк за собой психологизацию, интериоризацию автобиографического нарратива, усложнение его субъектной структуры. Говоря о литературной эволюции автобиографии как «саможизнеописания», Дж. Олни отмечает постепенно возрастающий интерес к образу себя, явленного в слове [12]. По мнению исследователя, это смещение фокуса с «bios» на «autos» и «graphie», бессознательно намеченное уже у Руссо, определяет специфику автобиографий XX века [12, с. 15]. В контексте модернистских представлений о человеческой сущности как о чём-то текучем, бесформенном, и неуловимом, проблематизируется сама

возможность создания автобиографии с её установкой на фиксацию «я», самости. Модернистские представления о протеистичности человеческого «я», утратившего ясные очертания и границы, требовали иных способов художественной рефлексии над сущностью человека.

Особо следует подчеркнуть внимание модернистской эстетики к категории памяти (и в частности памяти автобиографической), а точнее, к её процессуальности. Наблюдается смещение акцента с того, что вспоминается, на сам причудливый процесс работы человеческой памяти, в ходе которого «плетётся» образ прошлого. Образы прошлого начинают осмысляться не как готовые «продукты», извлекаемые из памяти-хранилища, а как заново порождаемые в творящем акте воспоминания.

В модернистской парадигме трансформируется и само культурно обусловленное представление о человеческой памяти. Так, Дж. Олни выделяет следующие контрастные способы метафорического осмысления памяти. Согласно пространственной модели память – это «место», «археологической площадка». Раскапывая слой за слоем, мы обнаруживаем искомое. Динамичная же модель памяти метафорически сравнивается с ткачеством, в результате которого из готовых нитей постоянно продуцируются всё новые и новые воспоминания [12, с. 19–21]. Эта концепция памяти как динамичного «переплетения» воспоминаний и воображения весьма типична для модернистской автобиографии. Для модернистского автобиографического письма характерна подчеркнутая зыбкость границ между правдой и вымыслом, прошлым и настоящим, переплетающихся в субъективном пространстве человеческой памяти.

Говоря об интерпретации феномена памяти в эстетике модернизма, следует отметить особый интерес к явлению спонтанной, непреднамеренной памяти, противопоставляемой памяти произвольной, сознательной. Анализируя художественную концепцию непреднамеренной памяти у М. Пруста, Ж.М. Делез отмечает, что спонтанная память «интериоризирует контекст, делая прежний контекст неотделимым от настоящего ощущения» [2, с. 88]. Он утверждает, что прустовская спонтанная память сродни метафоре, устанавливающей тождество между моментами про-

шлого и настоящего. Так, в спонтанной памяти «печенье «Мадлен» с его вкусом и Комбре с его цветовыми и температурными характеристиками» сворачиваются один в другой, формируя сложный внутренний образ. «Комбре – уже более не Комбре-восприятия, не Комбре-произвольной памяти. Он появляется таковым, каким он не мог бы быть в жизни; не в своей реальности, а в своей истинности; не в своих внешних и случайных связях, но в своем интериоризированном различии, в своей сущности» [2, с. 88]. В эссе «Пруст» (1931) С. Беккет характеризует комплекс ощущений и воспоминаний, возникающих в результате работы непроизвольной памяти, как связанный одновременно с воображением и эмпирикой, с припоминанием и непосредственной перцепцией, с идеальным и реальным [4, с. 544]. Модернистский автобиографический нарратив во много ориентирован именно на этот внерационалистический вид памяти, воспринимаемый как источник художественной аутентичности.

Импрессионистическое мировосприятие определило особое отношение человека к миру, в основе которого лежит приоритет субъективного впечатления по отношению к породившему его объективному явлению действительности. В модернистских автобиографиях субъективный образ начинает вытеснять факт. Показателен в этом контексте фрагмент из книги мемуаров Форда Мэдокса Форда (*Thus to Revisit*, 1921), в котором он описывает свои впечатления от вида холмов близ города Льюиса. Автор восклицает – «Это были не забываемый переживания!» – и тут же заявляет, что сам он в этих местах не бывал. Неизгладимые впечатления сложились не в результате непосредственного опыта, а под воздействием чтения книги знаменитого натуралиста Вильяма Генри Хадсона [6, с. 77–78]. Здесь писатель не просто фиксирует свои впечатления от прочитанного, а показывает, как внутренняя субъективная жизнь конструируется текстом.

В свете вышесказанного, очевидно, что в контексте модернистского автобиографического письма усложняется вопрос о взаимодействии художественного и документального планов, о разграничении аутентичной и фиктивной автобиографий. Как отмечает М. Сондерс, вопрос о разграничении собственно автобио-

графии от художественных произведений весьма сложен и неоднозначен в случае с модернистской автобиографией, которую он определяет как «impressionist autobiography» и рассматривает как особую гибридную форму, возникающую между документальным и художественным дискурсом (по определению М. Сондерса «**autobiografiction**») [14, с. 261]. По мысли исследователя, с одной стороны, «импрессионистические автобиографии» таких авторов, как Дж. Конрад (*The Mirror of the Sea, Personal Record*, 1912), Г. Джеймс (*A Small Boy and Others*, 1913; *Notes of a Son and Brother*, 1914; *The Middle Years*, 1917), Ф. Мадокс Форд (*Return to Yesterday*, 1931; *It was the Nightingale*, 1934) не воспринимаются как романы и явно отличаются от модернистских романов с ярко выраженным автобиографическим компонентом («В поисках утраченного времени» М. Пруста, «На маяк» В. Вулф, «Портрет художника в юности» Дж. Джойса). Но, с другой стороны, нельзя не заметить подчёркнутую «романность» этих автобиографий, заключающуюся в использовании романских техник и топосов в формальных жанровых рамках автобиографии.

Среди особенностей модернистской автобиографии следует выделить тенденцию к эстетизации, обусловленную установкой на жизнь творчество как на основной принцип эстетического самосознания эпохи, ориентированной на превращение жизни в художественный текст. Многие модернистские художники активно творят из своей жизни миф, пропуская автобиографические факты через призму мифотворческой интерпретации. Это выстраивание своей «персональной мифологемы» во многом восходит к романтической программе, наглядно воплотившейся в призыве Ф. Шеллинга, утверждавшего, что «всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из этого материала создать собственную мифологию» [3, с. 147]. Как отмечает С. Налбантиан автобиографии писателей и художников XX века подчёркнуто эстетизированы, ибо в них авторы, прежде всего, стремятся показать творческое становление художника [11, с. 23]. Иллюстративна в этом контексте первая книга автобиографии У. Б. Йейтса «*Reveries over Childhood and Youth*» (1914), в которой

поэт показывает как детские мечты и фантазии становятся источником его поэтической образности [17].

Говоря об общей ориентации на эстетизацию автобиографического нарратива в XX веке, М. Сондерс предлагает выделить особый вид модернистской автобиографии, определяя его как «aesthetic autobiography» [14, с. 76–81]. Согласно концепции исследователя, к этому типу относятся далеко не все автобиографии художников, а лишь те, в которых эстетический план довлеет над автобиографическим. По замечанию М. Сондерса, автобиографии Руссо, Гёте и Де Квинси нельзя назвать «эстетическими», так как искусство представлено в них лишь как одна из сторон (пусть и значимая) жизни. К эстетическим автобиографиям он причисляет автобиографию Дж. Рёскина «Praeterita» (1885–1889), мемуары Артура Саймонса и Джона Аддингтона Саймондса (1889–1892), оказавшие, по его мнению, значительное влияние на модернистское автобиографическое письмо. «Эстетическая» автобиография определяется им как явление, возникшее в конце XIX века в контексте эстетизма. Он оспаривает точку зрения С. Налбантиан, причисляющей к «эстетической автобиографии» модернистский автобиографический «роман о художнике», о чём свидетельствует само название её монографии «Эстетическая автобиография: от жизни к искусству. Марсель Пруст, Джеймс Джойс, Вирджиния Вулф, Анаис Нин» [11]. М. Сондерс сужает и конкретизирует понятие «эстетической автобиографии». Он отделяет его от художественных произведений и трактует как вид «формальной» автобиографии, сформировавшейся в определённый период истории литературы (в период между Викторианством и модернизмом) и связанный с определённым литературным направлением. Согласно концепции исследователя, как модернистский «роман о художнике» с автобиографическим подтекстом, так и модернистские экспериментальные автобиографии, во многом восходят именно к «эстетической» автобиографии.

Тенденция к эстетизации как своей жизни, превращаемой в автобиографический миф, так и языка модернистской автобиографии, во многом проблематизировала вопрос о достоверности автобиографического нарратива. Во второй половине XX века

проблема соотношения фактуального и вымышленного в автобиографических текстах становится ключевым пунктом теоретической рефлексии над жанром автобиографии. Так, в известной работе «Автобиографический пакт» (Le pacte autobiography) Ф. Лежен вводит понятие «автобиографического договора», смещая вопрос об автобиографической правдивости в сторону прагматики [9]. По Ф. Лежену, «автобиографический договор» – это соглашение между автором и читателем, в силу которого, излагаемые события воспринимаются как достоверные, а автор, повествователь и герой – как один субъект. Оппоненты Ф. Лежена критикуют его за то, что он уходит от анализа автобиографических произведений, смещая акцент на исследование прагматического аспекта текста. Дж. Олни в работе «Метафоры себя» ставит под сомнение саму возможность создания достоверной автобиографии, ибо «время уносит нас прочь не только от других людей, но и от самих себя» в результате чего, «мы постоянно умираем для наших прошлых «я» [13, с. 29]. Показательно и название этой монографии, акцентирующее точку зрения на автобиографическое письмо, как на творческое созидание самого себя посредством языка. В эссе «Автобиография как деформация» Поль де Мэн утверждает, что автобиографическая объективность – это самообман. По мысли исследователя, убеждение в том, что жизнь и автобиография соотносятся так же, как действие и следствие не верно, ибо автобиографическое письмо не является «продуктом» жизни; оно само творит и определяет жизнь [5, с. 920]. Мы не вспоминаем своё прошлое, а создаём его. Одним из ключевых вопросов в исследовании жанра автобиографии становится «автобиографическое воображаемое», понимаемое как формы/регистры/модусы/фигуры ... переживания и понимания частного опыта, реконструируемые на основе его текстуального выражения» [1, с. 150].

Это смещение акцента на «graphie», то есть исследование автобиографии как текстуального по своей сути явления, проявилось в частности в попытке сблизить автобиографию и литературную критику на основании их вторичной, метадискурсивной природы. Так, К. Ланг отмечает, что и в том, и в другом случае речь идёт о метатекстуальности разница лишь в том, что критика имеет дело с

«чужим» текстом, а автобиография – со «своим» удалённым во времени текстом [7, с. 11]. Эта связь автобиографии с критическим дискурсом весьма актуальна в рамках американской литературы XX века, так как в контексте европейской школы американского модернизма автобиография выполняет своеобразную фреймовую функцию. По замечанию К. Монка, именно в автобиографиях американских писателей экспатриантов формируется образ их творчества как единого литературного движения [10, с. 9]. В результате автобиографической рефлексии порождается некое «поле», в котором объединяется литературная деятельность различных писателей, на самом деле весьма слабо связанных между собой. Иллюстративны в этом контексте автобиографии М. Каули («Exile's Return», 1934), Р. Макалмона («Being geniuses together: an Autobiography», 1938), Г. Стайн («The Autobiography of Alice B. Toklas», 1933), У. Карлоса Уильямса («Autobiography», 1951). Таким образом, автобиография, в которой художник-модернист вписывает себя в определённый литературный контекст, работает и на конструирование единого макротекста модернистской культуры.

Указывая на сходство автобиографического и критического дискурсов, следует отметить, что в контексте «высоколобой» модернистской литературы автобиография рассматривается и как выполняющая «разъяснительную» популяризаторскую функцию. Так, «Автобиография Алисы Б. Токлас» и «Автобиография всякого» американской модернистки Г. Стайн наглядно иллюстрируют это положение. Здесь читатель находит многочисленные метатекстовые фрагменты, в которых писательница комментирует свои творческие намерения и замыслы, воплощённые в её экспериментальных, «закрытых» для среднестатистического читателя произведениях. Принимая во внимание семантическую затемнёность стайновской прозы, ценность этих автокомментариев, написанных на более доступном языке очевидна. Автобиография даёт «ключи» для понимания других текстов автора. Показательна в этой связи статья Х. Ленарт-Ченг. Рассматривая автобиографическое письмо как способ манипулировать читательским сознанием и формировать рецептивное восприятие своего творчества, исследу-

довательница видит в стайновском обращении к жанру автобиографии маркетинговое действие, направленное на привлечение читательской аудитории и продвижения её собственного творчества [8, с. 117–131].

По наблюдению А. Стоун, при всём своём новаторстве автобиографии модернистских писателей демонстрируют более умеренные формы экспериментального письма, чем художественные произведения этих же авторов [16, с. 111]. В этой связи интересно, что в рецензии на автобиографию Альфреда Креймборга «Трубадур: автобиография» (1925) Г. Стайн, называя книгу «нашей и его собственной историей», акцентирует именно этот культуртрежерский аспект (In this history of us of himself and us Kreymborg makes us, makes himself, and each one of us different enough so **that some one can know us**) [15, с. 278]. «Трубадур» А. Креймборга – одна из первых модернистских автобиографий, дававшая американскому читателю представление о жизни писателей-эмигрантов в Париже 1920-х годов. Существенно, что эта автобиография знакомит читателей не только с парижской литературно-художественной жизнью богемы, но и с модернистскими трансформациями традиционных автобиографических топосов. Пародируя сложившиеся представления о жанре, А. Креймборг пишет свою автобиографию в третьем лице. Этим приёмом пародизации традиционных форм автобиографии воспользуется Г. Стайн в своей знаменитой «Автобиографии Алисы Б. Токлас».

В свете вышесказанного, очевидно, что жанр автобиографии оказывается весьма чутким «барометром» времени, отразившим ключевые концепты модернистской антропологии. В модернистских автобиографиях наглядно воплотилась установка на текстуализацию, мифологизацию, эстетизацию жизни и личности. Жанровая амбивалентность модернистской автобиографии во многом обусловлена интерференцией полярных интенций автобиографов-модернистов, которые, с одной стороны, усложняют поэтику автобиографического повествования, но с другой стороны, возлагают на неё своеобразную популяризаторскую функцию.

Список литературы

1. Арлаускайте Н. Поэтика частного пространства Марины Цветаевой: пространство повседневности // Новое литературное обозрение: Теория и история литературы, критика и библиография. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – № 4 (68). – С. 148–153.
2. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. Пер. с фр., редакция и предисловие Соколов Е.Г. – СПб.: Алетейя, 1999.
3. Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.
4. Beckett S. Proust // Beckett S. Poems, Short Fiction, Criticism. Vol. 4. New York: Grove Press, 2006.
5. De Man P. Autobiography as De-Facement // Modern Languages Notes, Vol. 94, No.5, Comparative Literature (December), 1979. – P. 919–930.
6. Ford M.F. Thus to revisit: some reminiscences. London: Chapman and Hall, 1921.
7. Lang C. Autobiography in the Aftermath of Romanticism // Diacritics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982. –Vol. 12. – P. 2–16.
8. Lenart-Cheng H. Autobiography as Advertisement: Why Do Gertrude Stein's Sentences Get Under Our Skin? // New Literary History, 2003. – Volume 34, No. 1 (Winter). – P.117–131.
9. Lejeune Ph. Le Pacte Autobiography. Paris: Seuil, 1975.
10. Monk C. Writing the Lost Generation: Expatriate Autobiography and American Modernism. Iowa City: University of Iowa Press, 2008.
11. Nalbantian S. Aesthetic Autobiography: From Life to Art in the Marcel Proust, James Joyce, Virginia Woolf and Anais Nin. New York, Basingstoke: Macmillan, St. Martin's Press, 1997.
12. Olney J. Memory and Narrative: The Weave of Life Writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1998.
13. Olney J. Metaphors of Self: The Meaning of Autobiography. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1972.
14. Saunders M. Self Impression: Life-Writing, Autobiografiction, and the Forms of Modern Literature. Oxford, New York: Oxford University Press, 2010.
15. Stein G. Review of Kreymborg's Troubadour // Ex Libris. Paris: American Library in Paris, issue of June, 1925.
16. Stone A.E. Modern American Autobiography: Texts and Transactions // American Autobiography: Retrospect and Prospect. Madison: University of Wisconsin Press, 1991. – P. 95–122.
17. Yeats W. B. Reveries over Childhood and Youth. New York: Macmillan, 1916.

Определение понятия коммуникации в современной лингвистике

В статье дается обзор направлений в исследовании понятия коммуникации. Анализируются определения данного феномена, представленные в различных словарях по разным областям современной науки: социологии, психологии, философии, лингвистики. Сравниваются понятия коммуникация и общение, выделяются и описываются основные признаки их разграничения.

The article provides an overview of the trends in the study of communication. It analyzes the definitions of this phenomenon, presented in different vocabularies on various areas of modern science: sociology, psychology, philosophy, linguistics. It compares the concepts of communication and socialization, and analyses the main signs of the differentiation of these concepts.

Ключевые слова: коммуникация, общение, социальная коммуникация, информационный обмен, социальное взаимодействие.

Key words: communication, socialization, social communication, information exchange, social interaction.

Само понятие «коммуникация» (от латинского *communico* «делаю общим») весьма широкое. Оно активно используется в самых различных областях деятельности человека: в лингвистике, в биологии, технических науках: физике, электронике и так далее (например: «телекоммуникационные системы», «подземные коммуникации», «клеточная коммуникация», «химическая коммуникация бактерий»). Существует несколько подходов к его трактовке. В широком смысле «коммуникация» рассматривается как обмен информацией между индивидами/пунктами/доменами посредством общей системы символов. В механистическом подходе это однонаправленный процесс кодирования и передачи информации от источника и прием информации получателем сообщения. В деятельностном подходе это совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий взгляд на вещи и действия с ними (www.glossary.ru).

Существует много определений коммуникации, рассмотрим лишь некоторые из них:

- Коммуникация – (латинское communicatio, от communico – делаю общим, связываю, общаюсь), 1) путь сообщения, связь одного места с другим. 2) Общение, **передача информации** от человека к человеку - специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательной-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка (реже при помощи других знаковых систем) [14].

- Коммуникация (общение) – **обмен информацией** и смыслом **информации** между двумя и более людьми [13].

- Коммуникация – ... пути сообщения, транспорта, связи, сети подземного городского хозяйства...; Коммуникация, общение. Обычно К. определяется как «**передача информации**» от человека к человеку. Общение может осуществляться как в процессе любой деятельности, например, производственной, так и при помощи специализированной формы речевой деятельности или другой деятельности, использующей знаки [2].

- Коммуникация – категория идеалистической философии, обозначающая общение, при помощи которого «Я» обнаруживает себя в другом... Доктрина коммуникации в целом – утонченная форма кастовых и корпоративных **связей**. Объективно учение о коммуникации противопоставляется марксистскому пониманию коллектива [18, с. 207–208].

- Межличностная коммуникация (interpersonal communication) - Под М.к. понимается процесс **передачи информации** неким источником др. конкретному целевому объекту или членам идентифицируемой группы. Эти коммуникации обычно осуществляются в ходе личных взаимодействий, однако они могут также реализовываться с использованием почты, телефона или других электронных средств [9].

- Коммуникация [лат. communicatio] – 1) путь сообщения (напр., воздушная к., водная к.); 2) форма связи (напр. телеграф, радио, телефон); 3) акт общения, связь между двумя или более индивидами, основанные на взаимопонимании; **сообщение информации** одним лицом другому или ряду лиц; 4) массовая к. – процесс сообщения информации с помощью технических средств массовой

коммуникации (печать, радио, кинематограф, телевидение) численно большим, рассредоточенным аудиториям. [15, с. 294].

- Коммуникация есть процесс, посредством которого некоторая **идея передается** от источника к получателю с целью изменить поведение этого получателя. [12, с. 15].

Во всех определениях подчеркивается процессуальность (передача, обмен, сообщение, распространение) и информативность данного явления. Таким образом, традиционно понятие коммуникации рассматривается как обмен значениями (информацией) между индивидами через посредство общей системы символов (знаков).

Интересным представляется то, что в некоторых определениях термины «коммуникация» и «общение» используются как синонимы, однако, если внимательнее подойти к их интерпретации, становится очевидным, что между ними имеются существенные различия. В частности, в психологических и социологических словарях концепты «коммуникация» и «общение» рассматриваются как пересекающиеся, но разные по сути явления.

Коммуникация используется: 1. «Для характеристики структуры деловых и межличностных связей между людьми. 2. Для характеристики обмена информацией (представлениями, идеями, установками, настроениями, чувствами и т.п.) в человеческом общении вообще как его информационная сторона» [10, с. 154]. Кроме того, «о коммуникации можно говорить как об «обмене целостными знаковыми образованиями (сообщениями), в которых отображены знания, мысли, идеи, ценностные отношения, эмоциональные состояния, программы деятельности общающихся сторон. Коммуникация обеспечивает накопление и передачу социального опыта, разделение труда и организацию совместной деятельности, управление, трансляцию культуры» [17, с. 70–71].

Резюмируя определения, можно сказать, что главная функция коммуникации – *информационная*, заключается в передаче информации, при этом сообщение может быть безадресным, не ориентированным на какое-то конкретное лицо. В этом смысле возможна асимметричная коммуникация. Однако психолог Б.Д. Парыгин, отмечает следующее: «Конечно, в рамках любой разновидности общения между людьми происходит через обмен информацией,

понимаемой в предельно широком смысле... Но есть и другая, не укладывающаяся в рамки утилитарного обмена безличной (деловой) информацией, функция коммуникации как глубинной психологической связи субъектов общения. Она состоит в передаче элементов уникальности в психическом состоянии и структуре личностного потенциала общающихся» [6, с. 63]. И в данном случае, по нашему мнению, уместно употреблять понятие «общение». Общение, как взаимодействие индивидов, помимо передачи сообщения преследует цель установить контакт, общность интересов. Оно представляет собой не просто информационное, а, пользуясь термином Б.Д. Парыгина, «энергоинформационное» поле.

Равновеликость содержания концептов «коммуникация» и «общение» оспаривается некоторыми исследователями (Б.А. Родионов, Д.Ю. Прилюк, А.В. Резаев, Т.А. Астафурова). Например, Ю.Д. Прилюк утверждает, что «самым общим понятием будет «коммуникация» (информационный обмен), менее широким – «социальная коммуникация» (информационный обмен в обществе), и, наконец, наиболее узким, означающим особую разновидность «социальной» коммуникации, осуществляющейся на вербальном уровне обмена информацией в обществе – «общение» [8, с. 34–38].

А.В. Резаев считает, что рассмотрение понятия через призму теории информации обедняет его, поскольку не учитывает характеристики личностной стороны социального взаимодействия и воздействия, психологические особенности и среду общения [11].

Т.Н. Астафурова также предлагает считать общение социальной коммуникацией, межличностный характер которой детерминирует ее основные функции: *фатическую, информационную, ответственную* [1, с. 14].

И.И. Чурилов и С.А. Минеева в своей статье «Общение или коммуникация: чему учить в риторике диалога» дают следующее определение общения: «Общение – это форма деятельного, целенаправленного, свободного и свободно избранного практического и духовного способа реализации потребности человека как субъекта в другом человеке как субъекте» [19]. Такой подход представляется более правомерным, поскольку он отражает специфику общения по сравнению с коммуникацией, однако его сле-

дует дополнить, уточнив, что общение – это двусторонний процесс взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга, рассматриваемое как акт осознанного рационально оформленного речевого обмена информацией и как непосредственный эмоциональный контакт между людьми [6, с. 28].

Коммуникация – (от лат. *communico* - делаю общим, связываю, общаюсь) – смысловой аспект социального взаимодействия. Поскольку всякое индивидуальное действие осуществляется в условиях прямых или косвенных отношений с другими людьми, оно включает (наряду с физическим) коммуникативный аспект. Действия, сознательно ориентированные на смысловое их восприятие другими людьми, иногда называют коммуникативными действиями. Различают процесс коммуникации и составляющие его акты. Основные функции коммуникационного процесса состоят в достижении социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента. В отдельных актах коммуникации реализуются управленческая, информативная и фатическая функции, первая из которых является генетически и структурно исходной. По соотношению этих функций условно выделяются сообщения: побудительные (убеждение, внушение, приказ, просьба); информативные (передача реальных или вымышленных сведений); экспрессивные (возбуждение эмоционального переживания); фатические (установление и поддержание контакта). Кроме того, коммуникационные процессы и акты можно классифицировать и по другим основаниям. Так, по типу отношений между участниками различаются: межличностная, публичная, массовая коммуникации; по средствам коммуникации: речевая (письменная и устная), паралингвистическая (жест, мимика, мелодия), вещественно-знаковая коммуникация (продукты производства, изобразительного искусства и т. д.).

«Коммуникация – не просто процесс обмена информацией, это процесс создания некой общности, в которой мы осмысливаем информацию и соотносим наши смыслы со смыслами наших коммуникативных партнеров, создавая таким образом определенную степень взаимопонимания. При этом происходит не столько само-

выражение и передача-прием уже сформированных смыслов, сколько совместное смыслообразование» [5].

А поэтому общение, в отличие от коммуникации, можно считать сугубо человеческим атрибутом, цель которого состоит в удовлетворении потребности в контактах с другими людьми. Результатом общения становятся отношения с другим человеком, другими людьми, в то время как коммуникация безразлична к системе социальных отношений. [4, с. 248]. В целом, большинство исследователей объединяет понимание общения как социального феномена, который включает в себя информационно-коммуникативный, интеракционный, гносеологический, аксиологический, нормативный, семиотический и социально-практический аспекты.

При этом следует принять во внимание и другую точку зрения на соотношение понятий «коммуникация» и «общение», где в структуру общения входит три составляющие: *коммуникация* (как обмен информацией), *интеракция* (воздействие на собеседника, организация взаимодействия), *перцепция* (восприятие как условие установления взаимопонимания партнеров). С позиций структурно-функционального подхода также можно выделить информационно-коммуникативную, регулятивно-коммуникативную и аффектно-коммуникативную составляющие общения [7, с. 6]. Другими словами, общение можно представить как процесс организации совместной *деятельности* и взаимоотношении включенных в нее людей [3]. В зависимости от области изучения, таксономия видов и типов общения базируется на психолого-философских, содержательно-деятельностных и функциональных критериях.

Таким образом, можно сказать, что коммуникация представляет собой более широкое понятие, которое включает в себя, как механический, так и деятельностный аспекты. Общение же входит именно в деятельностную когнитивную среду коммуникации и представляет собой сугубо человеческую деятельность. Этот факт объясняет и оправдывает взаимозаменяемость этих терминов в контексте лингвистических исследований, когда ученые рассматривают коммуникацию только с точки зрения феномена человеческой дискурсивной деятельности в целях обмена информацией

посредством языка как знаковой системы. Это хорошо демонстрируется в типизации коммуникации, предложенной в работе А.В. Соколова «Общая теория социальной коммуникации», основанной на характеристике пространственно-временной среды процесса коммуникации.

Схема 1: Типизация коммуникации по Соколову [16, с.15].

Как видно из схемы, объектом лингвистического исследования является социальная коммуникация, что и определяет близость этого термина к термину общение, который, в принципе, представляет собой форму данного типа коммуникации и направлен на реализацию трех целей: 1) познавательная (информирование) – распространение или приобретение знаний и умений; 2) побудительная (воздействие) – стимулирование других людей к каким-либо действиям или получение нужных стимулов и формирование мотивации предстоящего действия; 3) экспрессивная (фатика, эстетика) – выражение или получение определенных эмоций и переживаний.

Список литературы

1. Астафурова Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград, 1997.
2. Большая советская энциклопедия [Текст]: (В 30-ти т.) / ред. А.М. Прохоров. - 3-е изд. Т.12: - М.: 1973 - 623 с. / Яндекс Словари. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://slovari.yandex.ru/%20книги/БСЭ/Коммуникация%20\(общение\)](http://slovari.yandex.ru/%20книги/БСЭ/Коммуникация%20(общение)) / – Проверено 02.05.2009.
3. Володина Л.В., Карпухина О.К. Деловое общение и основы теории коммуникации / Учебное пособие. СПбГУТ им. М.А. Бонч-Бруевича. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dvo.sut.ru/libr/sotciolo/volod/index.htm>. Проверено 01.12.2009.

4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
5. Матьяш О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/m/matyash01.shtml. Проверено 01.12.2009.
6. Парыгин Б.Д. Анатомия общения. СПб, 1999.
7. Пинтелеева Е.Л. Деловое общение: теория и практика. Тверь, Изд-во Твер. Гос. Техн. Ун-та, 2000.
8. Прилюк Ю.Д. Общественные отношения и социальное общение // Общественные отношения (социально-философский анализ). – Киев: Наук, думка, 1991.
9. Психологическая энциклопедия / Мир словарей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslovari.com/content_psy/mezhlichnostnaja-kommunikacija-34750.html. Проверено 02.05.2009.
10. Психологический словарь / под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. - М.: Педагогика, 1983.
11. Резаев А.В. Парадигмы общения. Взгляд с позиции социальной философии. – СПб., 1993.
12. Роджерс Э. Коммуникации в организациях [Текст] / Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р. А. – М.: Экономика, 1980.
13. Словарь терминов антикризисного управления / Клерк. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.klerk.ru/slovar/cris/term/66191/>. – Проверено 02.05.2009.
14. Современная энциклопедия / Академик. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc1p>. – Проверено 02.05.2009.
15. Современный словарь иностранных слов. – М., 1993. – С. 649.
16. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002 г. ISBN 5-8016-0091-4.
17. Социология: словарь-справочник. Т. 3. Междисциплинарные исследования. – М., 1991.
18. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986. – 5-е изд.
19. Чурилов И.И., Минеева С.А., 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pedsovet.perm.ru/_pdocs/253.doc. Проверено 18.01.2008.

**Проблема переводов русскоязычных текстов за рубежом
и зарубежных произведений в СССР
в метапоэтике К.И. Чуковского**

В статье рассматривается способ представления знаний о системе переводов в СССР и за рубежом в метапоэтике К.И. Чуковского. Метапоэтика – форма представления знаний и познавательной деятельности художника в процессе осмысления им творчества, воплощается в языке, объединяющем научные, философские и художественные посылки.

The article is devoted to the way of representation of knowledge about the system of translations in the USSR and abroad in K.I. Chukovsky's metapoetics. Metapoetics — is a form of representation of knowledge and i cognitive activity of the artist in the process of his/her understanding and interpretation of creativity, embodied in the language which unites scientific, philosophical and art premises.

Ключевые слова: способ представления знаний, художественный перевод в СССР и за рубежом, метапоэтика.

Key words: the way of representation of knowledge, literary translation in the USSR and abroad, metapoetics.

Вопросам художественного перевода К.И. Чуковский уделял особенное внимание. О состоянии переводческого дела в СССР и за рубежом он говорит в статьях, которые впоследствии вошли в книгу «Высокое искусство» (1941, 1964, 1968): «Бедный словарь и богатый» («Литературная газета», 20 июля 1963 года), «Неточная точность» («Литературная газета», 12 сентября 1963 года), «Мой ответ» («Литературная газета», 29 октября 1963 года), «В защиту Бернса» («Новый мир», 1963, № 9), «Чудотворство любви» («Литературная газета», 26 июня 1965 года) и др. Теоретические работы К.И. Чуковского, посвященные проблеме перевода представляют особенную ценность, являются метапоэтическими: в них большой художник раскрывает «тайны мастерства», особенности работы своей творческой лаборатории, делится опытом «воссоздания» на родном языке произведений иностранных авторов.

В большинстве статей К.И. Чуковский восторженно отзывается о советских мастерах перевода, которых считает **«лучшими в ми-**

ре» [12, с. 3]. По мнению К.И. Чуковского, в России искусство перевода **никогда не достигало такого расцвета**, какой оно переживало в шестидесятые годы XX века в СССР, за всю историю русской литературы не было периода, когда столько талантливых писателей занимались бы художественным переводом [там же]. В Советском Союзе мастерство переводчиков находится на «небывалой высоте», характеризуется высокой степенью совершенства [11, с. 473].

Художественный перевод в условиях советского строя, считает К.И. Чуковский, – **дело государственной важности** [12, с. 8]. Значение перевода для развития советского государства, в первую очередь, заключается в том, что переводные книги становятся частью оригинальной литературы и оказывают непосредственное влияние на литературный язык. Рост потока некачественных переводов угрожает литературному языку: «В литературном языке всегда идет борьба между живым и мертвым, – пишет О. Кундзич в статье «Перевод и литературный язык» (1959). – <...> Можно считать объективным законом, что чем больше в литературе удельный вес переводческих копий, тем более мертвым, далеким от народной основы становится литературный язык» [2, с. 9]. Между состоянием переводческого дела и здоровьем государственного языка – прямая связь. Механический, буквалистский, формальный перевод может стать автоматом, «перемалывающим» национальные языковые богатства. Точный, верный, творческий, релистичекий перевод способствует расцвету, обогащению литературного языка.

Особенностью работы советских переводчиков К.И. Чуковский считает искреннюю любовь к языку переводимого автора, народу, к которому автор принадлежит, культуре и традициям его страны. В статье «Чудотворство любви» (1965) К.И. Чуковский приводит пример переводчика армянской поэзии В. Звягинцевой, опубликовавшей книгу «Моя Армения». В ней переводам с армянского предшествуют собственные стихотворения В. Звягинцевой, посвященные Армении, которые можно назвать «гимнами этой стране, ее пляскам, ее песням, ее Арарату, ее Исаакяну, ее Сарьяну» [15, с. 3].

К.И. Чуковский вспоминает о том, как Б.Л. Пастернак, Н.А. Заболоцкий «всею душою возлюбили Грузию», как С.Я. Маршак «пленился» поэзией Р. Бернса и теперь «питает самые нежные чувства» к Шотландии, как И.А. Кашкин «учил любить» Э. Хэмингуэя [там же]. По мнению К.И. Чуковского, это явление знаменательное: переводчик не может оставаться равнодушным к народу, духовная жизнь которого раскрывается перед ним в процессе перевода текстов того или иного автора. Работа над переводом, считает К.И. Чуковский, должна настолько сблизить переводчика с переводимым поэтом или писателем, чтобы переводчик стал **«другом поэта, его апологетом, заступником»** [там же].

К.И. Чуковский уверен, что лучшие представители советской школы перевода достигли максимально возможной степени точности, верности, совершенства. Так, о переводах поэзии П. де Ронсара, выполненных В. Левиком, К.И. Чуковский говорит: «Ваши переводы прекрасны! **Если бы Ронсар писал по-русски, он просто не смог бы написать иначе**» [3, с. 176], о «Путешествии с Чарли» Дж. Стейнбека в переводе Натальи Волжиной К.И. Чуковский пишет, что перевод **«не уступает ни в чем подлиннику»** [11, с. 335], лучшие переводы произведений Ч. Диккенса, осуществленные Н. Дарузес, Е. Калашниковой, М. Лорие, В. Топер, О. Холмской, по мнению К.И. Чуковского, **производят впечатление подлинников** [там же, с. 334]. Важен вывод писателя о том, что стремление переводчика к смысловому и стилистическому тождеству перевода и подлинника – завоевание именно советской культуры [12, с. 74].

В то же время К.И. Чуковский много внимания уделяет проблеме переводов русскоязычной литературы за рубежом. Прекрасно владея английским языком, К.И. Чуковский изучал вышедшие в Англии и США переводы произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, М.М. Зощенко, А.И. Солженицына и др. Свое мнение К.И. Чуковский сформулировал в интервью с корреспондентом «Литературной России» М. Ломуновой (31 марта 1968 года): **«...мы переводим англичан и американцев гораздо лучше, чем они нас.** Уверен, что до сих пор ни в Англии, ни в Америке не знают настоящего Гоголя, нет там никако-

го представления о чеховских пьесах» [4, с. 3]. В последней редакции книги «Высокое искусство» (1968) К.И. Чуковский отмечал: «Читаешь (переводы зарубежной литературы на русский язык. – Д.П.), радуешься каждой строке и думаешь с тоской: почему же ни в США, ни в Англии, ни во Франции не нашлось переводчика, который с такой же пристальной любовью и с таким же искусством перевел бы нашего Гоголя, Лермонтова, Грибоедова, Крылова, Маяковского, Пастернака, Мандельштама, Блока?» [12, с. 84–85].

Переводы собственных произведений на английский язык К.И. Чуковский в большинстве случаев считал неудачными. Вот несколько высказываний писателя. О переводе книги «От двух до пяти» в США: «Когда в Калифорнии... вышла «От двух до пяти», **перевод ее оказался настолько отвратительным**, что я не выдержал и ввел в «Высокое искусство» главу «Записки пострадавшего» [4, с. 3]; о переводе М. Мортон «Чуда-дерева»: «Mrs. Morton – бессовестная женщина. <...> Стыд и позор издательству, которое печатает такую мерзятину. **Это не перевод, а клевета**» [8, с. 227]; о переводе «Крокодила» Р. Коэ: «...**беззаконное стремление нагромоздить возможно больше пустопорожних словечек**, дабы автор предстал перед читателем как неугомонный болтун...» [11, с. 511]; о переводе «Тараканища»: «...**жабу**, как видите, **пришлось проглотить не крокодилу, а мне**» [там же, с. 505], «Это был не перевод, а **оскорбление действием**» [8, с. 229]; о переводе «Телефона»: «**Нужно быть глухонемым**, чтобы думать, будто в таком переводе есть хоть какое-нибудь подобие подлинника» [11, с. 508].

После трех изданий книги «От двух до пяти» в США К.И. Чуковский попросил американские издательства больше не переводить и не издавать его работу на английском языке [4, с. 3]. Говоря о проблемах перевода русскоязычной литературы за рубежом, К.И. Чуковский каждый раз высказывает пожелание, чтобы английские, американские переводчики относились к русскоязычным авторам так же бережно, внимательно, как относятся к англоязычным писателям советские переводчики. «И конечно, мы вправе желать, чтобы рассказы и повести Виктора Некрасова, Вл. Тендрякова, Юрия Нагибина, И. Грековой... переводились с таким

же мастерством, с такой же любовью, с какими Н. Волжина, В. Хинкис, Т. Литвинова переводят Стейнбека, Апдайка, Чивера», – пишет К.И. Чуковский в статье «Чудотворство любви» (1965) [15, с. 3].

В книге «Высокое искусство» (1968) писатель «надеется» на то, что русские писатели дождутся времени, когда за рубежом их произведения переведут на английский, французский, немецкий языки с такой же добросовестностью, мастерством, искусством, с каким советские мастера перевода «воссоздают» для читателей произведения английской, американской, немецкой, французской литературы [11, с. 504].

В статье «Чудотворство любви» (1965) К.И. Чуковский называет несколько удачных, по его мнению, переводов русской литературы на английский язык: рассказы М.М. Зощенко, мемуары И.Г. Эренбурга, повесть «Жестокость» П. Нилина. Но, по мнению К.И. Чуковского, это исключения из правил, «сюрпризы», «случайности», «в основном же преобладает **халтура**» [15, с. 3]. «...**наши тексты коверкаются как кому вздумается и самоуправство переводчиков граничит с кулачной расправой**» [11, с. 512].

Мнение К.И. Чуковского вряд ли можно назвать предвзятым. Качество перевода русскоязычной литературы за рубежом негативно оценивали и американские ученые-слависты. Профессор русского языка и литературы в Колумбийском университете Э. Симмонс называет большую часть переводов русской литературы на английский язык «**ремесленничеством**»: «Что же касается **качества** всех этих переводов... оно **неимоверно низко**, особенно в поэзии» [8, с. 225]. Профессор русского языка и литературы Техасского университета С. Монас, приглашенный в жюри по присуждению премии за лучший перевод в США в 1967 году, отмечает: «Честно говоря, я пока **не читал в этом году ни одного первоклассного перевода** с русского на английский...» [там же, с. 227].

В причинах такого положения дел К.И. Чуковский пытался разобраться в диалоге с С. Монасом, Э. Симмонсом, американскими и английскими издательствами. В процессе переписки корреспонденты выявили основные «враждебные силы, мешающие нашему делу» [там же: 230]. Выводы, сделанные К.И. Чуковским, С. Мона-

сом, Э. Симмонсом позволяют сравнить состояние переводческого дела в СССР и США в середине шестидесятых годов XX века, определить, почему «в США... русская художественная литература в большинстве случаев переводится плохо» [там же, с. 228].

1. Главная причина низкого качества переводов русскоязычной литературы в США – **в Америке не сформировалась «школа перевода».**

В СССР перевод – под строгим контролем писателей, критиков, переводом занимаются подлинники художники слова, он считается «высоким искусством», формируется особый тип переводчика – «художник и ученый» [там же, с. 225]. Метод советской школы перевода основан на учете дополнительности научного знания и знания, которое дает искусство. О.Л. Кундзич отмечает, что теория перевода – «наука о том, как лингвистическими средствами воссоздать прекрасное» [2, с. 492]. Современные методы работы советских переводчиков К.И. Чуковский называет «живыми и творческими» [11, с. 448]. И.А. Кашкин говорит о том, что в переводческом искусстве требуется «как трезвый реалистический учет обстановки и возможностей, так и вдохновенный порыв; как изучение подлинника, так и вживание в него; как строго научный анализ, так и творческий синтез» [1, с. 114]. Переводчик в Советском Союзе – одновременно поэт и ученый, энциклопедист-филолог и писатель-стилист.

В США перевод, как правило, – одна из «побочных работ» литераторов, «ремесленничество» [8, с. 225, 230], «а профессионалы вынуждены работать такими темпами, при которых высокое качество исключается, даже если они и способны его достигнуть» [там же, с. 230].

2. Отсутствие института редакторов.

В СССР сформирован институт редакторов – профессионалов высокого уровня, хорошо владеющих несколькими языками, занимающихся не только редактированием перевода, но и тщательной сверкой текста с подлинником.

В США переводы не редактируются, рецензенты в большинстве случаев не знают русского языка, поэтому не имеют возможности сверить перевод с подлинником, а если рецензент и владеет

русским языком, то платят ему «так мало, что он вообще не считает нужным доставать оригинал и тратить время на кропотливую сверку его с переводом» [там же, с. 227].

К.И. Чуковский отмечает, что в восьми американских рецензиях на его книгу «От двух до пяти», вышедшую на английском языке, нет ни слова о качестве перевода [там же, с. 229].

3. Отсутствие контроля над переводами со стороны компетентной критики.

В СССР каждая вышедшая в переводе книга подвергается тщательному критическому анализу. Против перевода низкого качества «ополчилась бы вся наша критика» и «литературная честь» англоязычного писателя была бы спасена [11, с. 512].

В США «нет компетентной, страстно заинтересованной критики, которая осуществляла бы строгий — и притом постоянный — контроль над англо-американскими переводами с русского» [8, с. 229], «...в Америке и Англии трудно найти критика, который интересовался бы вопросами перевода и знал бы русский достаточно, чтобы обнаружить ошибки» [там же, с. 224].

4. Отсутствие устойчивых принципов, надежных критериев для оценки перевода.

В СССР в шестидесятые годы XX века теория перевода достигает расцвета:

- выходит большими тиражами множество научных работ по теории перевода (книги М.П. Алексеева, А.В. Федорова, Е.Г. Эткинда, Г.Г. Гачечиладзе, И.А. Кашкина, А.Л. Кундзича, А.В. Кунина, Ю.Д. Левина, М.П. Топер, Я.И. Рецкер, В.М. Россельс, В.Е. Шор и др.);

- в печати постоянно ведется полемика по вопросам перевода, в которой участвуют не только ученые, писатели, но и граждане всей страны;

- выпускаются ежегодные сборники «Мастерство перевода», «Тетради переводчика», «Международные связи русской литературы» и др.;

- в программы многих вузов включены курсы методики художественного перевода [15, с. 3; 11, с. 241].

В США, напротив, почти не выходит научная литература по

теории и критике перевода [8, с. 225], необходимость печатания статей, обзоров, критических отзывов о работе переводчиков, создания университетских курсов только начинает обсуждаться [там же, с.: 230].

5. Пренебрежение к изучению русского языка.

«За исключением Владимира Набокова не было **ни одного** значительного поэта-профессионала, который бы хорошо знал русский», – пишет С. Монас К.И. Чуковскому [там же, с. 231]. Многие переводчики, даже лучшие (Р. Лоуэлл, У. Оден) приглашают носителей русского языка в качестве консультантов или переводят по подстрочнику [там же].

6. Коммерческий расчет.

Лучшие работы советских переводчиков, по выражению С.Я. Маршака, – «**дети любви**, а не брака по расчету» [7, с. 209], искусство перевода «не дается в руки тем, кто видит в нем только средство для заработка» [6, с. 217]. Большая часть книг зарубежных авторов переводится в СССР не по заказу, а потому, что советскому переводчику «хочется подарить их людям» [5]. Известно, например, что перевод повести «Маленький принц» А. Сент-Экзюпери «пролежал в ящике письменного стола» Н. Галь много лет [там же], роман Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (1940), который Е.Д. Калашникова перевела еще в сороковые годы, увидел свет в СССР только в 1968 году [9, с. 310], Р.Я. Райт-Ковалева несколько лет работала над текстом романа Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», чтобы напечатать его в условиях жесткой цензуры, Т. Гнедич перевела «Дон Жуана» Байрона по памяти в тюремной камере [11, с. 487–494]. Можно привести много подобных примеров. Перевод в СССР часто – творческий подвиг [7, с. 209–210].

В США перевод в большинстве случаев рассматривается как обыкновенная, рядовая работа, которая приносит деньги. «Если переводимая книга имеет хороший сбыт, издателю незачем заботиться о качестве ее литературного стиля» [8, с. 230].

Свои наблюдения над состоянием переводческого дела за рубежом К.И. Чуковский обобщил в статье «Чудотворство любви» (1965), в беседе с журналисткой М. Ломуновой, фрагменты пере-

писки с С. Монасом и Э. Симмонсом включены К.И. Чуковским в книгу «Высокое искусство». Во многом благодаря его усилиям в США и Англии были изданы работы советских теоретиков перевода, постепенно происходило изменение отношения к переводу, повышался профессиональный уровень переводчиков. К сожалению, «лучшая в мире» [15, с. 3], «удивительная» [11, с. 518], «замечательная» [8, с. 225] школа перевода, сформировавшая в Советском Союзе (чего только стоила работа переводчиков школы И.А. Кашкина!), в настоящее время перестала существовать, и все проблемы, о которых К.И. Чуковский пишет, относя их к зарубежной практике перевода, становятся сейчас актуальными для России, когда в новых экономических, политических и социальных условиях прежние позиции утрачены, а новые еще не сложились. Тревожным является то, что в трудах современных переводчиков не отмечается последовательной преемственности. Переводческое дело в России XXI века, как думается, характеризуется «разрывом» и «расколом» по отношению к традиции, перенесением на российскую почву зарубежной практики перевода. Это не говорит о том, что нет хороших переводов, они есть, но поточный метод, когда в переводе одной книги иногда участвуют более десяти человек, не может привести к качественному результату. Особенно это касается научной литературы. Можно привести в пример известную книгу Г. Шпигельберга «Феноменологическое движение» [16], которую переводили 11 человек, не обеспечившие ни единства терминологического аппарата, ни единства содержания. Но перевод научной литературы – это тема для другой статьи.

Список литературы

1. Кашкин И. Текущие дела // Мастерство перевода. – М.: Советский писатель, 1959. – С. 106–152.
2. Кундзич О. Перевод и литературный язык // Мастерство перевода. – М.: Советский писатель, 1959. – С. 7–45.
3. Либединская Л. «Литературу надо любить» // Воспоминания о Корнее Чуковском. — М.: Советский писатель, 1983. – С. 172–182.
4. Ломунова М. Мудрый сказочник и ученый. К 85-летию Корнея Чуковского // Литературная Россия. – 31 марта 1968.
5. Мавлевич Н. Переводчик и время [О книге Н. Галь «Слово живое и мертвое»] // Иностранная литература. – 2001. – № 7.

6. Маршак С.Я. «Служба связи» // Маршак С.Я. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – С. 217–220.
7. Маршак С.Я. Портрет или копия // Маршак С.Я. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – С. 205–212.
8. О высоком искусстве. Из переписки К.И. Чуковского с американскими славистами // Иностранная литература. – 1987. – № 8. – С. 223–232.
9. О романе Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» // Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 308–311.
10. Чуковский К.И. Бедный словарь – и богатый // Литературная газета. – 23 июля 1963.
11. Чуковский К.И. Высокое искусство // Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 6 т. — М.: Художественная литература, 1966. – Т. 3. – С. 239–627.
12. Чуковский К.И. Высокое искусство // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. – М.: Терра, 2001. – Т. 3. – С. 3–370.
13. Чуковский К.И. Мой ответ // Литературная газета. – 23 октября 1963.
14. Чуковский К.И. Неточная точность // Литературная газета. – 12 сентября 1963.
15. Чуковский К.И. Чудотворство любви // Литературная газета. – 26 июня 1965.
16. Шпигельберга Г. Феноменологическое движение. – М.: Логос, 2002.

К вопросу категоризации специфических коммуникативных единиц

В статье рассматривается проблема категоризации и терминологизации специфических коммуникативных единиц, обосновывается необходимость прагмалингвистического описания данных единиц в рамках теории речевых актов.

The article deals with the problem of categorisation and definition of the specific communicative items; it proves the necessity of pragmalinguistic analysis of such items from the point of view of the theory of speech acts.

Ключевые слова: релятивы, коммуникативы, фразеосхемы, речевые рефлексы, фразеорефлексы, косвенные речевые акты.

Key words: response phrases, communicative phrases, phrasal schemes speech reflexes, phrasal reflexes, indirect speech acts.

Интерактивное взаимодействие участников речевого общения представляет собой сложный процесс, в котором особая роль принадлежит второму участнику – адресату высказываний. Выбор конкретного речевого способа реагирования на стимульную реплику требует определенных когнитивных, психологических и интеллектуальных усилий и должен быть осуществлен в течение минимального отрезка времени. Разрешение противоречия между сложностью процесса речевого реагирования и минимальным промежутком времени, отводимым на него, решается за счет выработки таких речевых средств, которые обеспечивают минимизацию когнитивных и речевых усилий. Единственным способом минимизировать эти усилия является стереотипизация речевых актов (далее РА), используемых в качестве ответных реплик. Этот процесс становится возможным благодаря наличию определенного набора коммуникативных ситуаций и задаваемых ими интенциональных смыслов. Именно в связи с этим разговорно-обиходная речь в любом языке насыщена многочисленными речевыми шаблонами и стереотипами, позволяющими адресату высказывания пользоваться ими как своего рода речевыми рефлексами. Например, согласие в русской разговорной речи может быть вы-

ражено с помощью следующих клишированных реплик: *Что за вопрос? И не говорите! Еще бы!*, недоверие – с помощью реплик: *Да ладно, Да бросьте* и т.п. Разговорная диалогическая речь изобилует стереотипизированными РА подобного рода, которые позволяют коммуникантам выражать различные интенции, эмоции или оценки, практически не задумываясь. Подобные реплики составляют своего рода речевой «стабилизационный фонд», в котором всегда находятся готовые к употреблению речемыслеиспытательные слитки. По словам А.М. Пешковского: «Все мы говорим по определенным шаблонам, употребляем определенные формы сочетаний, усвоенные нами с детства вместе со словами и звуками данного языка... Эти шаблоны преподносятся нашему сознанию всегда, о чем бы мы ни говорили и что бы мы ни слушали. ...Чем распространеннее данный шаблон в нашем языке, чем он привычнее, тем больше шансов, что именно он подвернется под руку» [7, с. 116].

Чрезвычайное морфолого-синтаксическое разнообразие этих шаблонных РА обусловило отсутствие их единой классификации в теоретических работах. Как правило, терминологизация этих специфических коммуникативных единиц (далее СКЕ) зависит от того, какой их тип попадает в фокус внимания исследователей. Так, Н.Д. Шмелев, рассматривая СКЕ типа *«Тоже мне гений, умник!»* и т.п., характеризовал их как синтаксические единицы, которые «обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов», и терминологизировал их как «фразеосхемы» [8, с. 50]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, рассматривая РА идиоматического характера типа: *Где? – В Караганде! У тебя на бороде!* и т.п., терминологизируют их как «идиомы – речевые формулы», или просто «речевые формулы» [1]. В.Г. Гак, исследуя «языковые образования», выступающие как «рекуррентные речевые единицы, имеющие тенденцию к фразеологизации», предложил назвать их «речевыми рефлексами», под которыми понимал «определенные структуры, которые используются в речи не с номинативными целями, а для организации мо-

дально-коммуникативной рамки высказывания [2, с. 695]. Схожая терминология была предложена ученым в более поздней работе, где он вводит термин «фразеорефлексы», под которыми понимает «вербальные реакции, имеющие тенденцию к стереотипизации, и которые приобретают более или менее устойчивый характер в языке» [3, с. 47–55].

Г.В. Валимова в книге «Функциональные типы предложений в современном русском языке» предпринимает попытку рассмотрения и определения всех типов СКЕ. Она указывает на факт существования информативных единиц, не являющихся предложениями, объединяя их под термином «релятивы»: «Под релятивами понимают речевые коммуникативные единицы синтаксического характера, служащие реакцией на восприятие каких-либо явлений, но выраженные не с помощью номинативных значений слов» [4, с. 133]. Предложенную дефиницию, на наш взгляд, отличает ряд недостатков. Во-первых, не совсем понятно, что представляют собой единицы синтаксического характера и в чем проявляется, к примеру, синтаксический характер однословных релятивов. Во-вторых, представляется сомнительным, насколько с научной точки зрения оправдано присутствие в дефиниции определений «от противного»: «выраженные не с помощью номинативных значений слов»? Способны ли подобные определения прояснить суть какого-либо явления? Что нам способна дать такая формулировка как, к примеру, глагол – это часть речи, обозначающая не предмет? Более того, возникает естественный вопрос: если эти единицы выражены не с помощью номинативных значений слов, то с помощью чего? Наконец, сам выбор термина «релятивы», вызывающего ассоциации с некоей относительностью определяемого понятия, не имеет никаких точек семантического соприкосновения с внутренней природой СКЕ, каждая из которых выполняет вполне определенную речевую интенцию.

В.Ф. Киприянов предлагает в своих исследованиях термин «коммуникативы», в котором подчеркивается та роль, которую выполняют СКЕ в процессе речевого общения. Под «коммуникативами» автор понимает «лексико-грамматический класс слов, категориальная совокупность признаков которых явно отграничи-

вает их от всех других лексико-грамматических классов слов (частей речи) и в то же время ставит их в один ряд с ними в рамках единой системы частей речи» [6, с. 88]. Идея В.Ф. Киприянова о принадлежности СКЕ к отдельной части речи, а также предложенная автором довольно громоздкая классификация в современном русском языке не получили развития в работах других исследователей.

Как видим, столь простые и обязательные для любого носителя языка единицы, оказываются чрезвычайно сложными для их теоретической интерпретации и категоризации. И.А. Казачихина отмечает, что «расхождения в трактовке данных единиц довольно значительны, что обусловлено сложностью описания обсуждаемых единиц в терминах традиционной грамматики (грамматики письменной речи)» [5, с. 117]. Однако, обозначив корень проблемы, выявив методологическую причину классификационных неудач, автор не решается остановиться на проблеме поиска более адекватной области рассмотрения этих загадочных единиц. На наш взгляд, сама сфера употребления СКЕ – диалогический дискурс – диктует необходимость их интерпретации исключительно в русле теории речевых актов, что позволяет разрешить практически все сложные и спорные вопросы. Термин «речевой акт» способен снять все проблемы, связанные с синтаксической неоднородностью данного класса единиц. Также легко решается проблема, с которой столкнулась в своей дефиниции Г.В. Валимова, когда пыталась в рамках традиционной грамматики истолковать факт несовпадения пропозиционального содержания локуции с выраженной в РА иллокуцией. Как известно, данное расхождение имеет место в РА, относимых в теории речевых актов к косвенным. Нам остается лишь обозначить в предполагаемой дефиниции основные отличительные черты, свойственные данным единицам. К ним, безусловно, относится функция реакции на стимульную реплику или коммуникативную ситуацию, что с точки зрения теории речевых актов терминологизируется как иллокутивно вынужденные высказывания. И, наконец, различный уровень клишированности – от постоянных до ограниченно вариативных единиц – может быть определен как стереотипизированные РА.

Таким образом, с точки зрения ТРА, данные СКЕ представляют собой *иллокутивно вынужденные косвенные РА, имеющие стереотипизированную форму выражения пропозиционального содержания (локуции)*. Что касается общего термина, который бы отражал суть категоризируемого явления, нам представляется наиболее подходящим термин, предложенный В.Г. Гаком: речевые рефлексы. С одной стороны, он указывает на сферу реализации данных единиц, с другой – подчеркивает безрефлексивный, автоматизированный способ их употребления в речи.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания, 2009. – № 6. – С. 21–27.
2. Гак В.Г. Речевые рефлексы с речевыми словами // Языковые преобразования. – М., 1998. – С. 685–691.
3. Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 47–55.
4. Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. – Ростов н/Д, 1967.
5. Казачихина И.А. Коммуникативы как объект описания в учебном пособии словарного типа. – С. 115–119.
6. Киприянов В.Ф. Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке. – Владимир, 1975.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938.
8. Шмелев Н.Д. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1977.

Сведения об авторах

Артемова О.Е. – кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет, (г. Уфа), artemon-2000@mail.ru

Базылева О.А. – ассистент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (г. Санкт-Петербург), bolyk@mail.ru

Величкова Л.В. – доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный университет, luvel1@rambler.ru

Вельс А.Е. – аспирант, Вологодский государственный педагогический университет, (г. Вологда), anna_vels@mail.ru

Галушко Т.Г. – доктор филологических наук, профессор; Российский государственный университет имени А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург), <tamar4444@mail.ru>

Гилясев Ю.В. – ассистент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (г. Санкт-Петербург), sweatled@front.ru

Дюжакова С.Г. – аспирант, Воронежский государственный университет, (г. Воронеж), d.sveta@rambler.ru

Заботина Е.Н. – аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (г. Санкт-Петербург), e.vakulenko@gmail.com

Иванова С.В. – доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет, (г. Уфа), IvaSV@rambler.ru

Исхакова З.З. – кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет, (г. Уфа), zemfiraiz@yandex.ru.

Котельникова Е.В. – аспирант, Ростовский государственный экономический университет, (г. Ростов-на-Дону), jenni.kot@yandex.ru.

Малышева Е.В. – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (г. Санкт-Петербург), e_malysheva@mail.ru

Медведева А.В. – соискатель, Уфимский Государственный Технический Нефтяной Университет, (г. Уфа), alenamedvedeva@mail.ru

Морженкова Н.В. – кандидат филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, (г. Москва), natalia.morzhenkova@gmail.com

Морозова О.Н. – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (г. Санкт-Петербург), olfrost@mail.ru.

Нахимова Е.А. – кандидат филологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, (г. Екатеринбург), ar_chudinov@mail.ru

Петренко Д.И. – кандидат филологических наук, докторант, Ставропольский государственный университет, (г. Ставрополь), textus@mail.ru.

Петросян Ж.В. – аспирант, Воронежский государственный университет, (г. Воронеж), petros.-janna@mail.ru

Полубоярин С.В. – аспирант, Воронежский государственный университет, (г. Воронеж), poluboyarin-stas@yandex.ru

Просьянникова О.И. – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (г. Санкт-Петербург), olgarpros@mail.ru

Тарасенко О.Н. – соискатель, Армавирский Механико-Технологический Институт, (г. Армавир), on-tar@mail.ru.

Тармаева В.И. – кандидат филологических наук, доцент, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия, (г. Улан-Удэ), vtarmaeva@yandex.ru

Шаманова М.В. – кандидат филологических наук, доцент, Борисоглебский государственный педагогический институт, (г. Борисоглебск), mshamanova@mail.ru

Шкапенко Т.М. – кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный университет им. И. Канта, (г. Калининград), shkapenko_ravel@mail.ru

Шурупова Т.Ю. – ассистент, Воронежский государственный педагогический университет, (г. Воронеж), schura1983@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Межфакультетская кафедра иностранных языков, каб. 235.

- отправить по электронной почте: *E-mail*: vest_cognitive@mail.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

E-mail: vest_cognitive@mail.ru

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 1
Том 7
серия филология**

Редактор *О. Н. Морозова*
Технический редактор *Е. Ю. Березина*
Оригинал-макет *Е. Ю. Березиной*

Подписано в печать 25.02.2011. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ № 615

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а